

Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области Московский государственный областной университет

На правах рукописи

Миловский Николай Михайлович

Отечественная историография русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

Специальность 5.6.5. –

Историография, источниковедение, методы исторического
исследования

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Вардан Эрнестович Багдасарян

Мытищи – 2022

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Отечественная историография о предпосылках и причинах русско-турецкой войны 1768-1774 гг.	35
1.1. Научные подходы и оценки социально-экономических и политических особенностей европейской действительности в 1760-х гг. и предпосылок войны.....	35
1.2. Дипломатия и причины войны 1768-1774 гг. в трудах отечественных историков.....	46
Глава 2. Особенности военных действий в оценках отечественной историографии.....	82
2.1. Дискуссионные вопросы начального этапа русско-турецкой войны (1768-1769 гг.).....	82
2.2. Исследовательские оценки военных действий в 1770-1774 гг.....	109
Глава 3. Мирные переговоры в ходе русско-турецкой войны 1768-1774 гг. и ее итоги: основные тенденции научной литературы.....	132
3.1. Отечественная историография о поиске путей мирного урегулирования (1769-1774 гг.).....	132
3.2. Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. и итоги войны: научные суждения и дискуссии.....	165
Заключение.....	189
Список литературы.....	198

Введение

Актуальность темы исследования определяется особенностями современной внешнеполитической ситуации – вообще, и уровнем взаимоотношений России с отдельными странами, такими, как Турция и Польша - в частности. Взаимоотношения с этими государствами характеризуются в настоящее время, как достаточно сложные, напряженные и противоречивые, что объясняется, во-первых, особенностями исторического развития Турции и Польши, их политическими традициями и национальной ментальностью; во-вторых, исторически обусловленными взаимоотношениями Турции и Польши с Россией – странами с диаметрально противоположным общественным и религиозным мировоззрением; в-третьих, позицией ряда западноевропейских государств, претендовавших и претендующих на роль мировых держав, и заинтересованных в сохранении конфликтности между Россией и ее соседями.

Все это не могло не сказаться на том, что и сегодня приходится решать, проявившиеся еще более трех столетий назад, проблемы взаимоотношений России, Турции и Польши – территории, границы, отношение к религиозным деноминациям.

Желание и стремление не допустить эскалации напряженности в настоящее время, требует не только изучения и учета традиций, ментальности, религиозных особенностей, но и знания исторического прошлого, дающего прекрасный опыт.

В исторических ракурсах взаимоотношений России, Польши и Турции особое место занимает русско-турецкая война 1768-1774 гг., которую некоторые исследователи определяли и определяют, еще и как «русско-польскую войну», поскольку считают, что противостояние со сторонниками Барской конфедерации явилось составной частью вооруженного конфликта

России и Турции в указанный период¹. Эта война – одна из трех, что пришлось на время правления императрицы Екатерины II, осуществлявшей глобальные преобразования во внутренней и внешней политике Российской империи (русско-турецкая война 1768-1774 гг. в отечественной научной литературе имела и название «Первая екатерининская турецкая война»²). Именно результаты этой войны дали возможность отодвинуть южные границы России, и присоединить территории Северного Причерноморья (а еще через 8 лет – Крымский полуостров). Именно во время этой войны Екатерина II продемонстрировала себя не только как искусный царедворец и дипломат, но и как государственный деятель, способный консолидировать все силы своей страны в условиях войны, которая, как отмечают исследователи, была ожидаемой, но неожиданной.

Обобщение опыта не только самой войны, но и результатов исторических исследований, посвященных событиям 1768-1774 гг. приобретают сегодня особенное значение, т.к. важно не только суммировать, но и изучить накопленные исторические знания об особенностях внешней политики в условиях войны, профессионализма государственного и военного истеблишмента, консолидации социальных сил в условиях не только внешней, но и внутренней политической нестабильности.

¹ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. От Нарвы до Парижа. 1700-1814 гг. М., 1992. С. 122. (А.А. Керсновский известен более как публицист, чем профессиональный военный историк (что необходимо учитывать при анализе его трудов). Эмигрировав из России после Гражданской войны, он занимался изучением вопросов истории русской армии с начала XVIII в. (и до 1917 г.). Во второй половине 1930-х гг. результаты его исследования были опубликованы (см.: История русской армии. Белград: Издание «Царского вестника», 1933-1938. Т. 1-4). Начиная с конца 1980-х гг. в России публиковались отдельные фрагменты и сокращенные варианты его научного труда. Только в первой половине 1990-х гг. «История русской армии» была опубликована полностью: История русской армии. Т. 1: От Нарвы до Парижа. 1700-1814 гг. М.: Голос, 1992; Т. 2: От взятия Парижа до покорения Средней Азии. 1814-1881 гг. М.: Голос, 1993; Т. 3: 1881-1915 гг. М.: Голос, 1994; Т. 4: 1915-1917 гг. М.: Голос, 1994.)

См. также: Юсупов Р.Р. Внешнеполитические планы польского господствующего класса в годы русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Проблемы новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1978. С. 200.

² Шишов А.В. «Балканский узел» в судьбе России: связь времен. М., 2011. С. 21.

Объект исследования – предпринятые с начала XIX в. по настоящее время научные исследования, посвященные истории русско-турецкой войны 1768-1774 годов в целом и ее частным аспектам.

Предмет исследования – изучение процесса накопления знаний и глубины научной разработанности в отечественной историографии вопросов русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

Хронологические рамки исследования.

Нижняя граница – годы русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Конечно, в эти годы научные исследования военных действий не предпринимались, но участники и очевидцы военных действий в частной переписке пытались осмыслить происходящие события в исторической ретроспективе.

Верхняя граница – 2020-е гг., то есть по настоящее время. Исследования, посвященные русско-турецкой войне 1768-1774 гг. продолжают осуществляться, исследователи, запуская в научный оборот новые документальные источники, освещают ранее совсем и недостаточно полно изученные аспекты.

В случае необходимости – для доказательства или опровержения той или иной гипотезы, автор выходит за указанные рамки, в частности – нижней границы исследования.

Степень разработанности темы.

Специальных научных работ, касающихся именно историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг. нет. Однако рассматриваемая нами тематика присутствует, благодаря отдельным историографическим обзорам и разделам в исследованиях, посвященных самой войне (ее причинам, ходу и последствиям), внешней политике России, русской армии и русскому военно-морскому флоту, социально-экономическим проблемам, биографиям государственных и военных деятелей второй половины XVIII в., колонизации новых территорий.

Первые шаги исторического осмысления русско-турецкой войны 1768-1774 гг. предпринимались ее непосредственными участниками, в основном –

военными деятелями, которые имели реальную возможность ознакомления и осмысления огромного фактографического материала. Их «реляции», «записки», «мнения», эпистолярные, и иные документальные свидетельства представляют собой особый интерес и с точки зрения историографии³.

Традиционно в историографии выделяется три этапа – дореволюционный, советский, постсоветский. Однако в каждом из этих этапов стоит выделить особые стадии, определяемые не только особенностями русско-турецкой войны 1768-1774 гг., но и последующими русско-турецкими войнами XVIII – начала XX вв. вообще, а также воздействием на оценочные суждения особенностей политической конъюнктуры.

Дореволюционный этап делится на ряд стадии. Первая - до Крымской войны 1853-1856 гг.

Первые работы, посвященные изучению причин, особенностей, хода, последствий русско-турецкой войны 1768-1774 гг., появились в 1820-х гг., то есть, спустя почти 50 лет после окончания боевых действий и заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Объясняется подобная ситуация как объективными, так и сугубо субъективными причинами. Среди первых – накопление материала, его осмысление; среди вторых – сугубо политические соображения: в конце XVIII - начале XIX в. Россия и Турция выступали

³ См.: Панин П.И. Записка, каким образом предводителем второй армии генералом графом Паниным начато производиться предпринятое Российско-имперским двором и ему порученное намерение, клонящееся к поколебанию татарских орд против нынешнего их подданства (1770) // Русский архив. 1878. Кн. 3. Вып. 12. С 451-482; Панин П.И. Письма графа Петра Ивановича к брату его графу Никите Ивановичу /Предисл. П.И.Бартенева, заметка Д. Масловского. // Русский архив. 1888. Кн. 2. Вып. 5. С. 65-93; Румянцев Петр Александрович. Документы. М., 1953. Т. 1; Т. 2; 1959. Т. 3; Два письма графа П.А. Румянцева 1771-1772 // Русская старина. 1876. Т. 15. № 1. С. 212-213; Письмо графа П.А. Румянцева-Задунайского к графу Панину по поводу переговоров с Турцией // Русский архив. 1865. Год. 3. / Изд. 2. С. 869-872; Фельдмаршал Румянцев. Сборник документов и материалов. 1725-1796. М., 1947; Фельдмаршал Румянцев. Документы. Письма. Воспоминания. М., 2001; Федюнина Т.Н. Письма Екатерины II графу А. Г. Орлову как источник для изучения событий русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Серии: «Педагогические науки», «Гуманитарные науки». Воронеж, 2018. № 4 (281). С. 120-122; и другие.

союзниками в борьбе против революционной Франции и озвучивать причины победы Российской империи над Константинополем в недалеком прошлом, было бы не совсем политкорректно.

В центре внимания работ 1820-х – начала 1850-х гг. находилось царствование императрицы Екатерины II и ее внешняя политика⁴, русско-турецкие войны XVIII в.⁵, биографии полководцев – участников русско-турецкой войны 1768-1774 гг.⁶, действие русского флота⁷.

Говорить о каких-либо историографических тенденциях на протяжении этой стадии не приходится. Как правило, тему разрабатывали только военные историки, что сказывалось на подборе излагаемого материала, обобщениях и выводах.

Следует отметить, что оценки, преобладающие в работах 1820-х – первой половине 1850-х гг. не отличались разнообразием: восторженные - в отношении действия русских войск, высшего военного командования, российских дипломатов и самой российской императрицы; и негативные - в отношении противника (Османской империи и польских конфедератов) и его западноевропейских союзников. Акцент в исследовательских работах делался исключительно на военную составляющую, все остальные аспекты – в частности, дипломатический – отходили на второй план, и считались второстепенными.

Польский вопрос практически не рассматривался, историки ограничивались общими фразами, подчеркивая, однако, роль конфедератов в

⁴ Лефорт А.А. История царствования государыни императрицы Екатерины II. Ч. 3: Кн. 5: Первая Турецкая война. 1768-1774. М., 1837.

⁵ Бутурлин Д.П. Картина войн России с Турцией в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I. СПб., 1829. Ч. 1-2.

⁶ Бантыш-Каменский Д.Н. 31-й генерал-фельдмаршал князь Николай Васильевич Репнин // Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. В 4-х частях. СПб., 1840; Богданович М.И. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции. СПб., 1852; Сакович П.М. Действия Суворова в Турции в 1773 году. СПб., 1853.

⁷ Глозов А.Я. Чесменский бой // Отечественные записки. 1820. № 6; Русский флот в Дарданеллах в 1770 г. СПб., 1828; Соколов А.П. Архипелагские кампании 1769–1774 гг. // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1849. Ч. 7.

разрастании военного конфликта - из сугубо регионального в масштабное военное противостояние.

Вторая стадия дореволюционного этапа отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг. - Крымская (Восточная) война 1853-1856 гг. и последующее за ней двадцатилетие.

Крымская война – определенный исследовательский водораздел: «до» и «после». Относительно этого этапа можно утверждать, что своеобразный «Посткрымский синдром» способствовал порождению определенного рода исследовательских тенденций – поиску причин проигрыша очередной войны за Крымский полуостров и Черное море». Исследователями изучались и сопоставлялись различные русско-турецкие войны XVIII – первой половины XIX вв., сравнивались и соизмерялись события, действия военного руководства, дипломатов, реакции общества, позиции различных европейских стран⁸.

Особое место в исследованиях дореволюционного этапа историографии занимает книга А.Н. Петрова⁹. Но его 5-ти томная работа носит описательный характер, поскольку автор не был профессиональным историком, свидетельство тому - отсутствие обобщений и выводов, благодаря которым появились бы возможности осмыслить русско-турецкую войну как геополитическое событие. Именно это послужило основанием для критики работы. В частности, советский исследователь Ю.Р. Клокман (автор историко-биографических работ о П.А. Румянцеве), считал, что автору «удались» только первые два тома. Именно в этих томах исследователь дал «в основном» объективное изложение войны, но только первых двух лет - войны 1769-1770 гг. В трех других томах А.Н. Петров, по мнению Ю.Р.

⁸ Бокк А. Воспоминания о князе В.М. Долгорукове-Крымском. М., 1855; Лебедев П. Графы Никита и Петр Панины. СПб., 1865; Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. СПб., 1866. Июнь. С. 182-236; 1867. Кн. 6. С. 182–236.

⁹ Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769-1774 гг. В 5-ти тт. СПб., 1866. Т. 1. (1769); СПб., 1866. Т. 2. (1770); СПб., 1874. Т. 3. (1771); СПб., 1874. Т. 4. (1772-1773 гг.); СПб., 1874. Т. 5. (1774).

Клокмана, повторяет «ошибочные» взгляды исследователей первой половины XIX в., считавших действия П.А. Румянцева в 1771 г., 1773 г. и 1774 г. «неудачными». Эту работу А.Н. Петрова дополняет другое его исследование – «Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства»¹⁰. Рассматривая под таким углом зрения русско-турецкую войну 1768-1774 гг., он и здесь говорит об «угасании» полководческого искусства П.А. Румянцева к концу войны. А.Н. Петров, по мнению Ю.Р. Клокмана, не учитывал зависимость действий Румянцева от политики Екатерины II, орудием которой являлась армия. Исследуя войну 1768-1774 гг. и влияние ее на отечественное военное искусство, А.Н. Петров, - суммировал, Ю.Р. Клокман, - не сумел дать объективной характеристики Румянцеву как полководцу, т.к. изучал деятельность последнего в отрыве от социальных и политических особенностей того времени¹¹.

Но и сам Ю.Р. Клокман был подвергнут критике со стороны исследователя В.Л. Полякова, который считал, что автор, заострив все внимание на личности П.А. Румянцева, сдвинул все остальные аспекты на второй план. В частности, Ю.Р. Клокман, по мнению В.Л. Полякова, оставил неизученными дипломатические заслуги Румянцева и обошел молчанием роль русского военно-морского флота в ходе русско-турецкой войны 1768-1774 гг.¹².

В.Л. Поляков критиковал и А.Н. Петрова, который, по его мнению (оно соответствует и позиции Ю.Р. Клокмана), не учитывал зависимости действий русского военного командования от внешнеполитической позиции Екатерины II и рассматривал историю русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

¹⁰ Петров А.Н. Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства. СПб., 1893-1894. Т. 1-2.

¹¹ Клокман Ю.Р. Фельдмаршал П.А. Румянцева в период Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. М., 1951. С. 19.

¹² Поляков В.Л. Русский флот в первой турецкой войне 1768-1774 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. Л., 1955. С. 8.

без учета политических и социальных условий того времени. В принципе, по мнению Полякова, все дореволюционные исследования осуществлялись без какой-либо увязки с внутривнутриполитическими и внешнеполитическими позициями Российской империи¹³.

По нашему мнению, несмотря на описательный характер своего исследования, А.Н. Петрову удалось аккумулировать весь известный на тот период фактографический материал, который он извлекал из гражданских и военных архивов. Именно поэтому работа А.Н. Петрова до сих пор остается одной из самых важнейших для исследования русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

Последующие после Крымской войны 20 лет стали временем накопления материала и осмысления исследователями русско-турецкой войны. Свою роль в определении ее узловых моментов сыграл отказ России от выполнения в 1860-х гг. условий Парижского мира 1856 г.: Черное море вновь открылось для Российской империи. Кроме того и «Польский вопрос» вновь обострился в 1860-е гг., что вновь вызвало интерес к его истории, к разделам Польши¹⁴.

Третья стадия дореволюционного этапа историографии – с начала русско-турецкой войны 1877-1878 гг. (окончившейся для Российской империи победой), дипломатического поражения на Берлинском конгрессе 1878 г., до социально-политического кризиса и революции 1917 г.

Применительно исследований этой стадии можно говорить об утверждении государственно-патриотических тенденций, которые обосновывались самостоятельной и независимой внешней политикой Екатерины II¹⁵, обоснованием необходимости укрепления южных границ¹⁶;

¹³ Там же. С. 5-6.

¹⁴ Соловьев С.М. Падение Польши. М., 1863; Гейсман П.А. «Конец Польши» и Суворов. Сообщение, прочитанное 26 февраля 1900 г. на 25 обыкновенном общественном собрании членов Общества ревнителей военных знаний. СПб. 1872; Уманец Ф. Понятовский и Репнин // Древняя и новая Россия. 1875. № 7. С. 200-216; № 8. С. 296-312.

¹⁵ Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. СПб., 1885; Жигарев С.А. Русская политика в восточном вопросе. М., 1896. Т. 1; Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале

защиты единоверцев-славян¹⁷; борьбы с чисто религиозным инакомыслием в Польше¹⁸, борьбой с Османской империей, которая оставалась, по сути, потенциальным противником Российской империи (что подтвердила начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война, когда Константинополь оказался противником России¹⁹), а также аспектами геополитической роли российского флота в Средиземном море²⁰.

В целом, в дореволюционный этап, за исключением работы А.Н. Петрова, русско-турецкая война 1768-1774 гг. рассматривалась исследователями скорее как составная часть русско-турецких войн вообще. Внимание на ней историки акцентировали исключительно благодаря тому, что она явилась первой победной войной после неудач русской армии в противостоянии с Османской империей в конце XVII – первой половине XVIII вв. и расширения границ русского государства на юге²¹.

царствования Екатерины II. 1762-1764. СПб., 1896; Кареев Н.И. О внешней политике Екатерины II // Вопросы Европы. 1897. № 1. С. 427-435; Пичета В.И. Внешняя политика Екатерины II // Три века. М., 1913. Т. 4. С. 47-69.

¹⁶ Новиков Н.В. Первая русско-турецкая война // История русской армии. М., 1912. Т. 8.

¹⁷ Добров Л. Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. СПб., 1879.

¹⁸ Кареев Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888; Чечулин Н.Д. Политика России в Польше перед первым разделом. СПб., 1896; Кудринский Ф.А. Императрица Екатерина II и разделы Польши // Кудринский Ф.А. Императрица Екатерина II: Сборник исторических статей. Вильна, 1904.

¹⁹ Александров П.А. Северная система. Опыт исследования идей и хода внешней политики России в первую половину царствования императрицы Екатерины II. М., 1914.

²⁰ Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII веке. М., 1899; Головачев В.Ф. Чесменское сражение и русский флот в 1769-1770 гг. // Морской сборник. 1900. № 1. С. 55-88; № 2. С. 31-68; Головизнин К. Русский флот на Черном море // Морской сборник. 1885. № 10. С. 63-94; Аренс Е. История русского флота. Екатерининский период. СПб., 1897; Афанасьев Д. К истории Черноморского флота с 1768 по 1816 год // Русский архив. 1902. № 2. С. 193-262; Кротков А.С. Бомбардирский корабль «Гром» // Морской сборник. 1905. № 10; Каллистов Н.Д. Архипелагская экспедиция // История русской армии. М., 1912. Т. 8.

²¹ Белов Е. Результаты войн России с Турцией // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 2; Дубровин Н.Ф. Война России с Турцией. Краткий военно-политический очерк // Военный сборник. 1877. № 1-6; Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. 484; Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1: От древнейших времен до Ермолова. СПб., 1887; Петров А.Н. Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства. СПб., 1893-1894. Т. 1-2.

Начало советского этапа историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг. приходится на 1920-е гг. и характеризуется превалированием идей, порожденных исследовательской схемой М.Н. Покровского. Он, в частности, считал, что сделать ставку на хлеб, как основы русского торгового баланса со странами Западной Европы, можно было только завоевав Черное море. И это произошло благодаря Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Однако Покровский был убежден в том, что экономическими результатами этого мирного трактата воспользовались в первую очередь мировые западноевропейские державы. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и последующие войны с Османской империей, по мнению Покровского, обеспечили экономическое развитие той же Великобритании и Франции, но только не России²².

А.Е. Мачанов в своей работе (от 1929 г.) попробовал применить схему Покровского к противостоянию Российской и Османской империй за Крымский полуостров²³. Автор особо акцентировал внимание на том, что окончанием русско-турецкой войны 1768-1774 гг., окончился длительный период военных столкновений и политических интриг – военных и политических столкновений России с Турцией за власть над Крымским ханством.

С этого времени «дорога в Константинополь» оказалась для Российской империи открытой, и «перед русским капиталом открывались перспективы, сулившие ему большие выгоды. Но взятие Крыма еще не означало полной победы на Черном море». Для этого России необходимо было еще решить проблемы, порождаемые мировыми державами. «Не имея возможности, вследствие англо-франко-американской войны, внутренних и

²² Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. М., 1911. Ч. 2. Гл. 11. URL: http://az.lib.ru/p/pokrowskij_m_n/text_1899_rus_istoria-2.shtml [Дата обращения: 5.1.2022 г.] (Эти же идеи М.Н. Покровского без изменений перешли и в его работы 1920-х – начала 1930-х гг.; например «История России в самом сжатом очерке».)

²³ Мачанов А.Е. Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством. Симферополь, 1929.

внешних осложнений, помешать России при взятии ею Крыма, они (европейские державы) все же не могли спокойно смотреть на усиливающуюся военную мощь России и к продвижению ее к проливам относились абсолютно враждебно. Движение России к Дарданеллам рассматривалось ими уже, как попытка стать гегемоном на Черном море, и пресекалось всяческими мерами. В этом вопросе особенную активность проявляла Франция; она доказывала, что Крым будет первой станцией России на пути к Босфору, вследствие чего Европа, по ее мнению, должна была, если не отстоять Крым, то хотя бы не допускать русского флота в Черное море». Россия обязана была принимать во внимание существовавшие в Западной Европе политические настроения для разрешения геополитических вопросов дальнейшем времени, поскольку в этих вопросах были заинтересованы и другие государства, считавшими себя мировыми державами. Российская империя не могла пренебрегать экономическим и политическим вниманием других государств к Черному морю и морским коммуникациям. Присоединив к своим территориям Крымский полуостров, который считался первым, но очень важным пунктом к Черноморским проливам, российская сторона, прежде всего, предприняла все меры для того, чтобы обеспечить там оптимальное управление и бесповоротно укрепить свое «господство»²⁴.

В целом, можно обобщить, что так называемый «классовый подход» М.Н. Покровского и его последователей и учеников, с его не просто критикой, а «разоблачениями» внешней политики российского самодержавия, отличающимися откровенной агрессией, явно не способствовал объективному анализу прошлого.

В 1939 г. и в первой половине 1941 г. выходит ряд работ, посвященных противостоянию с польскими конфедератами до и во время русско-турецкой

²⁴ Мачанов А.Е. Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством. Симферополь, 1929. С. 62-63.

войны 1768-1774 гг.²⁵ Появление данных исследований было связано с политическими событиями, произошедшими в Восточной Европе в это время (начало Второй мировой войны, падение Польши, отход части территории последней под юрисдикцию СССР).

Заметные изменения в историографии связаны с Великой Отечественной войной 1941-1945 гг. (новая стадия советского этапа отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг.). Война потребовала обращения историков к истории России, как победительницы в войнах XVIII-XIX вв. Только этим можно объяснить как переиздания ряда дореволюционных работ²⁶, так и появления ряда новых исследований, которые «вырастали» из курсов лекций или публичных выступлений исследователей (как, например, работы Е.В. Тарле²⁷, С.С. Дмитриева, К.В. Базилевича²⁸). Е.В. Тарле, по сути, отказался от схем М.Н. Покровского, однако – критикуя С.М. Соловьева, В.О. Ключевского (который «не дал решительно ничего» по вопросу истории дипломатии и русско-турецких войн времен Екатерины II, повторяя сказанное С.М. Соловьевым²⁹), а также Н.Д. Чечулина³⁰ не смог предложить что-то оригинального, сконцентрировав внимание на государственных интересах, как стрелка внешней политики России времен Екатерины II и вооруженных конфликтов того периода.

²⁵ Дайри Н. Крушение Польского государства в XVIII веке // Исторический журнал. 1939. № 10. С. 16-25; Иваницкий С.Ф. Польша во второй половине XVIII века и возникновение Барской конфедерации // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. 1939. Т. 22. С. 103-187; Иваницкий С.Ф. Первый период Барской конфедерации // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. 1941. Т. 45. С. 225-259.

²⁶ Головачев В.Ф. Чесма: Экспедиция русского флота в Архипелаг и Чесменское сражение. М.-Л., 1944.

²⁷ Тарле Е. В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Стенограмма лекции, читанная 7 мая 1945 г. М., 1945. Ч. 1-2; Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769-1774. М., 1945.

²⁸ Дмитриев С.С. Чесменская победа. М., 1945; Базилевич К.В. О Черноморских проливах (Из истории вопроса). Стенограмма публичной лекции, прочитанной 18-го октября 1946 г. в Доме инженера и техника в Москве; Всесоюзное лекционное бюро при Министерстве высшего образования СССР. М., 1946.

²⁹ Тарле Е.В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Стенограмма лекции, читанная 7 мая 1945 г. М., 1945. Ч. 1. С. 13.

³⁰ Там же. С. 15.

Во второй половине 1940-х гг. появляется ряд работ, в которых затрагивается война 1768-1774 гг.³¹.

В самом конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. интерес к событиям русско-турецкой войны, к биографии русских полководцев, отдельным сюжетом внешней политики того времени усиливается³².

Объяснить интерес к русско-турецким войнам, и в особенности к войне 1768-1774 гг. можно только результатом Победы Советского Союза в 1945 г., началом Холодной войны и желанием проследить и доказать фактор преемственности традиций русских/советских людей.

Такая тенденция была свойственна историческим исследованиям, в первую очередь тем, которые были посвящены изучению особенностей военной истории и истории дипломатии России.

Вышедшую в 1955 г. монографию Е.И. Дружининой³³, можно, подобно упомянутой выше книге А.Н. Петрова, считать переломным моментом, началом новой стадии в советской историографии русско-турецкой войны, продолжавшегося, по сути, до середины 1980-х гг.

Обстоятельное исследование Е.И. Дружининой хотя и было посвящено заключительному этапу русско-турецкой войны 1768-1774 гг. – Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. (она неоднократно затем возвращалась к

³¹ Кикодзе Г.Д. Ираклий Второй. Тбилиси, 1945; Надинский П. Суворов в Крыму: Исторический очерк. Симферополь, 1947; Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1947. Выпуск исторический. Т. 17. С. 187-220; Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар. М.-Л., 1947.

³² Апанович Е.М. Запорожское войско, его устройство и боевые действия в составе русской армии во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. Киев, 1949; Клокман Ю.Р. Фельдмаршал П.А. Румянцев в период Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. М., 1949. № 5. С. 466-468; Его же. Фельдмаршал П.А. Румянцев в период Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. М., 1951; Дружинина Е.И. Русский дипломат А.М. Обресков // Исторические записки. М., 1952. Т. 40; Виану С. Россия и румынские княжества в конце XVIII: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1953; Мачарадзе В.Г. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и Грузия: автореф. дисс. ... к.и.н. Тбилиси, 1953; Поляков В.Л. Русский флот в первой турецкой войне 1768-1774 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. Л., 1955.

³³ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955.

данной теме³⁴), но данную работу можно считать в определенной степени «водораздельной» - начинался процесс десталинизации и общественной оттепели. Что также дало возможность историкам отказаться от схем М.Н. Покровского.

По мнению авторов коллективной монографии, посвященной анализу «Восточного вопроса» во внешнеполитических построениях Российской империи в конце XVIII - начале XX вв., М.Н. Покровский достаточно субъективен в своих оценках российской политики вообще и русско-турецких отношений в частности. Его идеи о перманентном стремлении России взять под свой контроль Черноморские проливы, об обмане царизмом западноевропейских стран в вопросе целостности Турции не аргументировались документально, а выстраивались на чисто идеологических подходах к той или иной проблеме. Все это породило и субъективную оценку Кючук-Кайнарджийского (а также иных русско-турецких мирных трактатов) договора, в которых М.Н. Покровский усматривал исключительно «захватнический смысл»³⁵.

Диалектический подход в оценках сохранялся, что впрочем, отвечало марксистским подходам к историческому развитию. Как отмечали исследователи, в советской (то есть, марксистской) историографии внешнеполитическая позиция Российской империи тесно увязана с внутривластной, точнее - с конкретной социально-экономической ситуацией, которая всю внешнюю политику и определяла. Стоит напомнить, что для советской историографии классовый подход оставался характерным и определяющим, с его помощью давалась оценка не только историческим фактам, событиям и явлениям, но и разграничивались

³⁴ Дружинина Е.И. 200-летия Кючук-Кайнарджийского. София, 1975; Она же. 200-летие Кючук-Кайнарджийского мира // Вопросы истории Дагестана. Досоветский период. Махачкала, 1975. Т. 2.

³⁵ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII - начало XX в. М., 1978. С. 18.

последствия (субъективные и объективные) всего политического курса самодержавия³⁶.

То есть, с одной стороны – русско-турецкие войны XVIII – XIX вв. оценивались положительно, поскольку Российская империя поддерживала православных единоверцев в своей борьбе за независимость от Османской империи³⁷. С другой стороны, и здесь очень выпукло проявлялся классовый подход, шла борьба за новые рынки сбыта, новые территории, рабочую силу³⁸, за распространение «помещичьего земледелия» на плодородные целинные территории Северного Причерноморья, за создание благоприятных условий для экспорта хлеба за рубеж, за максимальное ограничение прав казачьих территориальных объединений (которые численно пополнялись за счет бежавших из центральных российских губерний крепостных), с последующей их (автономий) ликвидацией³⁹.

С уже ставшими традиционными исследовательскими аспектами (внешняя политика, Восточный вопрос, Польша, русская армия и военно-морской флот)⁴⁰, выдвигались и совершенно новые, которые требовали ввода

³⁶ Гросул Г.С. Дунайские княжества в политике России. 1774-1806. Кишинев, 1975. С. 22-23.

³⁷ Котенко И.А. Из истории освободительного движения в Молдавии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Ученые записки Тираспольского государственного института. Тирасполь, 1957. Вып. 3. С. 23-42; Семенова И.В. Участие молдавского народа в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. // Ученые записки Института истории языка и литературы. 1957. Т. 6. С. 67-98; Котенко И.А. Молдавский вопрос в период русско-турецкой войны 1768-1774 годов и русская дипломатия // Ученые записки Бельцкого педагогического института. 1958. Вып. 3. С. 3-24; Котенко И.А. Из истории участия молдавских отрядов в русско-турецкой войне 1768-1774 годов // Вековая дружба. Материалы научной сессии Института истории Молдавского филиала АН СССР, состоявшейся 27-29 ноября 1958 г. Кишинев, 1961. С. 240-244; Клокман Ю.Р. Борьба России с Турцией за Северное Причерноморье и Крым во второй половине XVIII в. // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968. С. 130-178; Гросул Г.С. Дунайские княжества в политике России. 1774-1806. Кишинев, 1975.

³⁸ Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война 1768-1774 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Статьи аспирантов по вопросам истории СССР, источниковедения, архивоведения и документоведения. М., 1967. Т. 23. С. 159-190.

³⁹ Дружинина Е.И. 200-летие Кючук-Кайнарджийского мира // Вопросы истории Дагестана. Досоветский период. Махачкала, 1975. Т. 2. С. 57.

⁴⁰ Гендель Г.М. Позиция Пруссии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Ученые записки Горьковского государственного университета имени Н. Н. Лобачевского.

в научный оборот оригинального документального материала и осмысления. Среди последних стоит назвать, например, такие, как «Пугачевщина и русско-турецкая война 1768-1774 гг.», «социально-экономический кризис Османской империи и его последствия», «особенности Османской армии и военного флота» и другие⁴¹.

Но для анализируемого нами второй стадии советского этапа в историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг. было свойственно явное и исследовательское мелкотемье⁴², а также отказ от рассмотрения ряда важнейших для изучения темы аспектов. Например, религиозных особенностей - как причин начала войны (тогда как именно религиозное диссидентство в Речи Посполитой выступало важнейшим фактором вооруженного противостояния не только между поляками и русскими, но и России с Турцией).

Конечно, имел место процесс элементарного накопления документального материала, выходили из печати научные монографии и

Горький, 1957. Серия историко-филологическая. Вып. 43. С. 123-137; Тартарашвили В.Г. Дипломатическая борьба между Россией и Турцией вокруг Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774-1779 годах: автореф. дисс. ... к.и.н. Тбилиси, 1970; Достян И.С. Значение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. в политике России на Балканах конца XVIII–XIX вв. // *Etudes balkaniques*. Sofia, 1975. № 2; Сеница В.И. Балканский вопрос в политике России (1768-1774 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. Минск, 1974; Он же. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и восточный вопрос // *Проблемы новой и новейшей истории*. Минск, 1977. С. 3-12; Юсупов Р.Р. Внешнеполитические планы польского господствующего класса в годы русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // *Проблемы новой и новейшей истории стран Европы и Америки*. М., 1978. С. 200-215; Юсупов Р.Р. Польский вопрос в политике России накануне русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // *Вестник Московского государственного университета*. М., 1980. Серия 9: История. № 3. С. 35-45; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М., 1958; Криницын Ф.С. Чесменское сражение. М., 1962.

⁴¹ Шабловский А.Г. Тактика русской полевой артиллерии в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. // *Сборник докладов военно-исторической секции*. Л., 1960. № 3. С. 116-136; Феофилактов Т.М. Кубанский вопрос в русско-турецких отношениях в 1768-1774 гг. // *Вопросы истории и филологии*. Ростов-на-Дону, 1974. С. 69-74.

⁴² Андрущенко А.И. Пугачевское восстание и Кючук-Кайнарджийский мир // *Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX в.* М., 1969. С. 339-342; Новичев А.Д. Турецкий источник о внутреннем положении Османской империи и причинах ее поражения в войне с Россией в 1768-1774 гг. // *Вестник Ленинградского государственного университета*. 1975. История. № 8. С. 80-88; Каменев Ю.А. К истории реформ в османской армии в XVIII в. // *Тюркологический сборник*. 1978. М., 1984. С.140-150.

статьи, в которых рассматривались отдельные аспекты русско-турецкой войны 1768-1774 гг., но обобщающего исследования, в том числе по историографии, так и не появилось.

Конечная стадия советского этапа отечественной историографии приходится на вторую половину 1980-х гг. – начало 1990-х гг.

Выбор тем оставался традиционным. Это - внешняя политика России (А.В. Гаврюшкин⁴³); русский флот (А.А. Смирнов⁴⁴); Северный Кавказ (Н.П.А. Сотавов, И.И. Якубов⁴⁵); Дунайские княжества и греки (В.И. Ткач, Я.Ф. Тиктопуло⁴⁶), Османская империя: эволюция государственных структур и вооруженных сил (Ю.А. Петросян, М.С. Мейер⁴⁷) и ряд других.

Заметного научно-исследовательского движения вперед не было, но указанные темы, оставаясь «традиционными», продолжали разрабатываться.

Постсоветский этап отечественной историографии - 1990-е гг. – по настоящее время. Всего за это время вышло более 150 работ, научного и научно-популярного жанра – монографии, статьи, обзоры, рецензии, публикации документов, популярные очерки и эссе – в которых, так или иначе, затрагивались и изучались различные аспекты (в том числе и историографические) русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

Постсоветский этап также условно можно подразделить.

⁴³ Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин: из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989.

⁴⁴ Смирнов А.А. Первая попытка создания линейного флота на Черном море 1768-1771 гг. // Вестник Московского государственного университета. Серия 8. История. 1988. № 6. С. 56-63.

⁴⁵ Сотавов Н.П.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII века (от Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира: 1700-1774 г.): автореф. дисс. ... д.и.н. М., 1989; Якубова И.И. Политика России на Центральном Кавказе в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989. С. 27-43.

⁴⁶ Ткач В.И. Организация центральных органов русско-молдавской администрации в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев, 1988. С. 127-134; Тиктопуло Я.Ф. Русско-турецкие войны 1768-1774, 1787-1791 гг. и судьбы греков. Греческий проект Екатерины II: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1991.

⁴⁷ Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель: исторические очерки. М., 1990; Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке: Черты структурного кризиса. М., 1991.

Для времени с начала 1990-х гг. до начала 2000-х гг. было характерно обращение к таким аспектам как геополитика⁴⁸, внешняя политика Екатерины II⁴⁹, дипломатия и дипломаты⁵⁰, армия и флот⁵¹, Крым⁵², Северный Кавказ⁵³. Благодаря работам В.И. Шеремета, П.П.Черкасова, П.В. Стегния, А.П. Бажовой и других, вводились в научный оборот новые документальные материалы, почерпнуты как в отечественных, так и в зарубежных архивах⁵⁴, выдвигались достаточно оригинальные гипотезы, рассматривались ранее не изучаемые аспекты, предлагались неординарные обобщения и выводы. Но большинство обобщений и выводов многих работ в историографическом плане сводились к одному - к отрицанию или критике достижений и тенденций советского этапа историографии.

⁴⁸ Шеремет В.И. Империя в огне: сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М., 1994; Шеремет В.И. Война и бизнес: Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996; Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999; Россия и черноморские проливы (XVIII-XX столетия). М., 1999.

⁴⁹ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. // Новая и новейшая история. М., 1996. № 1. С. 50-76; Достян И.С. Значение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года в политике России на Балканах // Век Екатерины: Россия и Балканы. М., 1998. С. 9-24.

⁵⁰ Стегний П. (Перминов П.) Посол III класса. Повествование о российском дипломате А.М. Обрескове. М., 1992; Бажова А.П. Дипломаты екатерининской эпохи. Восточный вопрос и Кючук-Кайнарджийский мир // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 79-95; Кирьякова Е.П. Дипломатическая деятельность П.А. Румянцева в период русско-турецкой войны 1768-1774 годов // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Тирасполь, 1997. № 1. С. 27-29.

⁵¹ Кипнис Б.Г. Развитие тактики русской армии в Русско-турецкой войне 1768-1774 гг. // Три столетия Санкт-Петербурга. Взгляд молодых гуманитариев. СПб., 1997; Дуров В. «Оные того яко найдостойнейшие». (Российские награды периода русско-турецкой войны 1768-1774 годов) // Советский музей. 1992. № 5. С. 56-62.

⁵² Возгрин Е.В. История судьбы крымских татар. М., 1992; Хайдарлы Д.И. Политические взаимоотношения между Молдавией и Крымским ханством в XIII в.: «1718-1774»: дисс. ... к.и.н. Кишинев, 1998.

⁵³ Касумов Х.А. Северо-Западный Кавказ (черкесский вопрос) в русско-турецких отношениях 1774-1829 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. Нальчик, 1998.

⁵⁴ См.: Дейников Р.Т. Россия, Турция и Крымское ханство: геополитическая ситуация в Северном Причерноморье в период с 30-х гг. XVIII в. по 1783 г.: дисс. ... к.и.н. М., 2013. С. 15.

2000-е гг. - 2020-е гг. отличались тем, что к уже разрабатываемым в 1990-е гг. темам⁵⁵, добавились новые - причины русско-турецкой войны⁵⁶,

⁵⁵ Виноградов В.Н. Российская северная система и французский восточный барьер // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 36-46; Шеремет В. Война 1768-1774 гг. в исторических судьбах Османской империи // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 123-133; Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 3; Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 124-148; Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 109-136; Стегний П. Хроники времен Екатерины II: 1729-1796 гг. М., 2001; Стегний П. Время сметь, или Сущая служительница Фива: Хроники времен Екатерины Великой. М., 2002; Ефанов Л.А. Трудный выбор империи: [Крым после русско-турецкой войны 1768-1774 гг. и до марта 1779 г.]: Ист. роман. М., 2002; Кудрявцев Н.А. Государево око. Тайная дипломатия и разведка на службе России. СПб.; М., 2002; Якубова И.И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII - первой половине XIX века: автореф. дисс. ... д.и.н. Нальчик, 2004; Елисеева О.И. Григорий Потемкин. М., 2005; Джахиева Э.Г. Договоры России с Турцией, Ираном и правителями Кавказа. 1774-1813 гг. Махачкала, 2006; Крючков А.В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство: последняя треть XVIII - начало XIX вв.: дисс... к.и.н. Саратов, 2006; Болотина Н.Ю. Князь Потемкин. Герой эпохи Екатерины Великой. М., 2006; Гребенщикова Г.А. Проблема Босфорских экспедиций второй половины XVIII – первой половины XIX века // Новый часовой. 2006. № 17-18. С. 43-59; Лебедев А.А. Рождение русского флота на Черном море: Создание и корабельный состав Азовской флотилии в русско-турецкой войне 1768 - 1774 гг. // Новый часовой. СПб., 2006. №. 17-18. С. 7-26.; Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2007; Кидирниязов Д.С., Алиева У.М. Народы Северокавказского региона в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 2007. Вып. 3. С. 61-73; Джахиева Э.Г. Северо-Восточный Кавказ в международных отношениях: историко-правовые аспекты договоров, заключенных Россией с Турцией и Ираном. 1774-1826 гг.: дисс... д.и.н. Махачкала, 2007; Чеучева А.К. Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII - 60-х гг. XIX вв.: автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2008; Орешкова С.Ф. Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 121-127; Рукавишников Е.Н. Внешняя политика и пребывание российского военного флота в Средиземном море. 1770–1774 гг. // Вопросы истории. 2008. № 9.; Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II: проблемы развития и роль в системе самодержавной монархии: дисс. ... д.и.н. М., 2008; Гребенщикова Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2012. Т. 1; Познахирев В.В. Турецкие военнопленные в Белгородской губернии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, Политология, Экономика, Информатика. Белгород, 2013. Выпуск 26. №. 8 (151). С. 89-93; Касумов Р.М. Дагестан в политике противоборствующих держав на Кавказе от Петербургского договора до Гюлистанского трактата: 1723-1813: дисс. ... д.и.н. М., 2013; Махмудова К.З. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и народы северо-восточного Кавказа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №. 1 (27). Ч. 1. С. 128-131; Гусейнов Ю.М. Крымский регион в русско-турецкой войне 1768-1774 гг.: некоторые аспекты внешней политики // Историческая и социально-образовательная

мысль. Краснодар, 2014. Т. 6. № 6 (Ч. 2). С. 68-70; Лылова М.Е. Внешнеполитическая деятельность императрицы Екатерины Второй Великой: 1762-1796 гг.: дисс... д.и.н. М., 2011; Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011; Смилянская Е.Б. Освоение Средиземноморья во время Русско-турецкой войны 1768-1774 гг.: реалии и символы // Историческая география: пространство человека VS человек в пространстве: материалы XXIII Международной научной конференции, Москва, 27-29 января 2011 г. М., 2011. С. 136-146; Кидирниязов Д.С. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и Северный Кавказ // Конституционное и государственное строительство на Юге России: история и современность: 2-е Кадыровские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Референдума 23 марта 2003 года и принятия Конституции Чеченской Республики, г. Грозный, 20 марта 2013 г. Грозный, 2014. С. 355-364; Овчинников В.Д. Борьба за Крым. XVIII век. Историко-документальное исследование. М., 2015; Халаева К.Э. Политика России на Северном Кавказе в годы русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар, 2015. №. 10. Ч. 1. С. 37-39; Гребенщикова Г.А. Чесменская победа. Триумф России в Средиземном море. СПб., 2015; Мальгин А.В. «Покоренье Крыма», 1768-1774. Симферополь, 2016; Джахиева Э.Г. Кумыкские феодальные образования в кавказской политике в период российско-османской конфронтации 1768-1774 гг. // Третьи Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича [12 апреля 2016 г., Махачкала]. Махачкала, 2016. Ч. 1. С. 219-225; Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII - первой четверти XIX в. М., 2016; Белова Е.В. Деятельность П.А. Румянцева по укреплению российских позиций на Украине и в Молдавии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // КЛИО. 2016. № 9 (117). С. 189-195; Якушев М.М. Эволюция осmano-российских отношений и русское православное паломничество на Ближний Восток: 1774-1847 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2016; Шапавалов С.Н. Крепость Тамань в период русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг.: между Россией и Турцией // Турция и славянский мир: вопросы международных отношений и историко-культурных связей: материалы Международной научно-практической конференции (28 октября 2016 г.). Краснодар, 2016. С. 52-60; Шапавалов С.Н. Земли Тамани в стратегических планах Российской империи и Оттоманской Порты во время войны 1768–1774 гг. // Общество: философия, история, культура. Научный журнал. Краснодар, 2017. №. 7. С. 79-83; Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 2017; Гребенщикова Г.А. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и средиземноморская политика Екатерины II в донесениях российских дипломатов // Вопросы истории. 2019. №. 2. С. 5-26; Гребенщикова Г.А. Российский флот и дипломатия Екатерины II. СПб., 2019. Т. 1 – 2; и другие.

⁵⁶ Виноградов В.Н. Война 1768-1774 гг. - неизбежная, но несвоевременная // Век Екатерины II. Дела балканские. М.: Наука, 2000. С. 93-114; Зеленина Л.В., Шеремет В.И. Черное море: «русские берега у турецкого озера?» // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 2000. С. 99-108; Виноградов В.Н. Борьба России за выход к Черному морю в XVIII - XIX вв. // Преподавание истории в школе. 2005. № 3. С. 2-6; № 4. С. 2-8; Дейников Р.Т. Россия, Турция и Крымское ханство: геополитическая ситуация в Северном Причерноморье в период с 30-х гг. XVIII в. по 1783 г.: дисс... к.и.н. М., 2013; Гребенщикова Г.А. Россия и Турция: двенадцать невыученных уроков. СПб., 2016.

непосредственные военные действия⁵⁷, Польский вопрос⁵⁸, Дунайские княжества⁵⁹, военные действия в Грузии⁶⁰, греки и другие балканские народы

⁵⁷ Шеремет В.И. Русское присутствие в Средиземном море. Геополитические маневры и военные действия периода Русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг. // Геомилитаризм. Геополитика. Безопасность. М.-Жуковский, 2003. № 8. С. 289-298; Бобраков Б. Предтеча Чесменской победы. Анализ Хиосского сражения с точки зрения командира корабля // Морской журнал. 2005. № 2; Стрельцов А. Был... К 235-летию Чесменского сражения // Морской журнал. 2005. № 2; Желтобородов А.Н. Участие Слободских гусарских полков в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. 2006. Т. 7. С. 154-169; Лебедев А.А. Малоизвестная страница известной войны: (деятельность Азовской флотилии в русско-турецкой войне 1768 - 1774 гг.) // Чтения по военной истории: [по материалам Второй международной конференции, апрель 2005 г.]: сборник статей. СПб., 2006. С. 159-167; Лебедев А.А. Финальный аккорд Русско-турецкой войны 1768 - 1774 годов // Гангут. СПб., 2008. Вып. 47. С. 13-32; Лебедев А.А. Стратегический и тактический обзор деятельности русского флота в Русско-турецкой войне 1768 - 1774 годов // Гангут. СПб., 2008. Вып. 49. С. 16-30; Вып. 50. С. 40-70; Вып. 51. С. 32-58; Вып. 52. С. 20-47; Вып. 53. С. 21-54; Мальгин А.В., Кротов А.И. Война после войны: Забытый эпизод русско-турецкой кампании 1768-1774 годов // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2009. № 24. С. 78-1054 Голованова О.И. «Продолжение известия деиствии Первой ЕЯ Императорскаго Величества армии противъ турокъ» как источник информации Русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг. в Тюменском уезде // Румянцевские чтения - 2010. М., 2010. Ч. 1. С. 72-77; Цыбаков Д.Л. Участие Орловского пехотного полка в русско-турецкой войне 1768 - 1774 гг.: от начала военных действий до штурма крепости Бендеры // Вестник государственного и муниципального управления. 2019. Т. 8. № 3 (33). С. 61-70; Цюрюмов А.В. Участие калмыков в русско-турецкой войне 1768-1774 годов. // Вестник Калмыцкого университета. 2000. № 1. С. 22-29; Гребенщикова Г.А. Чесменская победа. Триумф России в Средиземном море. Флот, война, политика. СПб., 2020.

⁵⁸ Носов Б.В. Польский вопрос в отношениях Петербурга с державами «фамильного пакта» и Турцией в 1764-1766 гг. // Славянские народы: Общность истории и культуры. М., 2000. С. 100-140; Носов Б.В. Представления о Польше в правящих кругах России в 60-е годы XVIII века, накануне первого раздела Речи Посполитой // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С. 72-82; Стегний П.В. Первый раздел Польши и российская дипломатия // Новая и новейшая история. 2001. № 1-2; Стегний П. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М., 2002; Аржакова Л.М. Диссидентский вопрос и падение Речи Посполитой (дореволюционная отечественная историография проблемы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 1. С. 31–39.

⁵⁹ Семенова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV-начало XIX в.: очерки внешнеполитической истории. М., 2006; Кожолянок Г.К. Русско-турецкая война 1768 - 1774 гг. и ликвидация турецкого господства в северной части Буковины // Русин. Международный исторический журнал. Кишинев, 2014. № 1 (35). С. 82-90.

⁶⁰ Колесников И.Н. Особенности политических устремлений Российской Империи в Грузии: вторая половина XVIII в. - начало XIX в.: автореф. дисс. ... к.и.н. Пятигорск, 2011.

в условиях противостояния России и Турции⁶¹, последствия Кючук-Кайнарджийского мирного договора⁶².

Чем объяснить подобный интерес, особенно в последнее 20-летие, к истории русско-турецкой войны 1768-1774 гг. в частности, и к ситуации, сложившейся в России и в мире в указанный временной отрезок вообще?

Во-первых, теми событиями, которые произошли за первое 20-летие XXI в. – возвращение в Российскую Федерацию Крыма, изменением социально-политической ситуации на западных и юго-западных границах России, появлением новых политических сил в Европе.

Во-вторых, поиском исторических параллелей, что позволило бы объяснить многие существующие и сегодня проблемы, в первую очередь те, которые корнями уходят в XVIII в., период расширения южных границ России, присоединения к России Крыма, обострения противоречий с Польшей и Турцией, недопонимания и поиска точек соприкосновения со странами Западной Европы в вопросах сохранения мира и отстаивания интересов России.

Именно в историческом прошлом идет поиск ответа на вопрос легитимности внешней политики Российской Федерации, легитимности

⁶¹ Девтеров А.А. Греческий вопрос в политике Российской империи во второй половине XVIII-первой трети XIX вв.: дисс... к.и.н. Майкоп, 2003; Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII-XIX веков: исторические очерки. СПб., 2008; Смилянская И.М. «Приуготовления» к русско-турецкой войне 1768 - 1774 гг.: российские эмиссары в Греции и на Балканах // Восточный архив. М., 2009. № 2 (20). С. 40-50; Арш Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I: очерки. М., 2013; Смилянская, Е.Б. Греческие острова Екатерины II: опыты имперской политики России в Средиземноморье. М., 2015.

⁶² Виноградов В.Н. Кючук-Кайнарджийский мир - окно на Балканы // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 115-122; Нагоев И.Б. Последствия Кючук-Кайнарджийского мирного договора для политического положения Кабарды // Кавказ в истории России: дискуссионные проблемы: материалы круглого стола. М., 2014. С. 59-86; Бажова А.П. Война 1768-1774 годов. Кючук-Кайнарджийский мир // История внешней политики России. XVIII в. (От Северной войны до войн России против Наполеона). М., 2018. С. 117-124; Якушев М.М. «Разгромленная Турция лежала у ног русской монархии...»: Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года // Военно-исторический журнал. 2021. № 8 (736) / Август. С. 42-49.

территориальных претензий к ней со стороны государств-соседей и легитимности ответной реакции на порой недружественные действия.

Несмотря на большое по численности количество опубликованных работ, их качественная сторона не всегда выдерживает критики.

За постсоветский этап изучение русско-турецких военных конфликтов, и в частности, русско-турецкой войны 1768-1774 гг. заметно продвинулось: в научный оборот введены новые документальные материалы, причем – не только из российских архивохранилищ, но и из зарубежных – Турции, Польши, Германии, Франции и Великобритании. Однако большая часть опубликованных материалов нуждается в критическом осмыслении, также как в критическом осмыслении нуждаются обобщения и выводы зарубежных исследователей, чьи позиции зачастую политически мотивированы (чего, впрочем, не могут избежать и ряд отечественных исследователей). В ряде работ рассматриваются интересные, но явно второстепенные вопросы⁶³.

Нет обобщающего труда по анализу всей совокупности работ по истории русско-турецкой войны 1768-1774 гг. А имеющиеся в наличии научные исследования, в которых, так или иначе, фигурируют попытки историографического анализа военных событий, не дают возможности в

⁶³ Малафеева С.Л. Свидетель русской славы. (Петровский путевой дворец в Москве - памятник победы в русско-турецкой войне 1768 - 1774 гг.) // Москва-Крым. 2001. № 3. С. 301-311; Третьякова И.А. Поэтические аспекты в освещении русско-турецкой войны 1768-1774 гг. в контексте современной музейной концепции (на примере Центрального военно-морского музея г. Санкт - Петербурга) // А.С. Пушкин и Россия; язык-литература-культура-методика. Секция 4: Современная культурология и межкультурная коммуникация. М., 2006. С. 38-50; Филас В.Н. «Гибель турецкого флота» Я. Ф. Хаккерта как исторический источник // Материалы Научной конференции МГУ «Ломоносовские чтения» 2011 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2011». Севастополь, 2011. С. 102-104; Филас В.Н. Подготовка к Чесменскому бою: воспоминания русских офицеров в интерпретации художника Я. Ф. Хаккерта // Тезисы докладов Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2012». Севастополь, 2012. С. 103-104; Метелева О.А. Отражение событий русско-турецкой войны 1768 - 1774 годов в творчестве В.И. Майкова и Г.Р. Державина // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Международной научной конференции, Казань, 29 ноября - 1 декабря 2018 г. Казань, 2018. С. 147-156; Ефимов А.М. Пензенцы в Русско-турецкой войне 1768 - 1774 гг. // Вестник военно-исторических исследований. Пенза, 2019. Вып. 10. С. 15-49.

полном объеме оценить все аспекты, связанные с событиями войны 1768-1774 гг. – причины, ход, последствия.

Обобщающее исследование по историографии русско-турецкой войне крайне необходимо, поскольку только благодаря этому труду появиться возможность в комплексе отследить эволюцию научной мысли по узловым проблемам войны 1768-1774 гг., внешнеполитическому курсу официального Петербурга во второй половине XVIII в., по оценке организаторского потенциала представителей государственной и военной элиты Российской империи в указанный период, а также подготовить рекомендации по рациональному выстраиванию отношений с такими странами, как Турция и Польша.

Война 1768-1774 гг. - единственная из войн между Российской империей и Турцией, разработанность источников которой позволяет не останавливаться на конкретном ходе военных действий и изложения особенностей и отдельных нюансов дипломатических переговоров, но требует пристального внимания к некоторым историографическим сюжетам. Это касается, во-первых, решающей роли достижений и побед русской армии и военно-морского флота на решение Константинополя отказаться от приоритета военных действий в пользу мирных переговоров с Петербургом; во-вторых, определения уровня зависимости турецкой стороны во внешнеполитической деятельности от мировых держав⁶⁴, в-третьих – удачного решения военачальниками чисто дипломатических задач, что, по сути, обеспечило окончание войны.

Гипотеза научного исследования – апробация, во-первых, тезиса о преобладании государственно-патриотических тенденций в работах дореволюционного этапа историографии; антигосударственных и антипатриотических тенденций – в научных трудах начальных стадий советского и постсоветского историографических этапов; возвращения к

⁶⁴ Зеленина Л.В., Шеремет В.И. Черное море: «русские берега у турецкого озера?» // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 2000. С. 111.

государственным и государственно-патриотическим тенденциям в разработках второй стадии советского этапа историографии и современности. Во-вторых, рассмотрение тезиса о прямой преемственности идей и гипотез в дореволюционный и постсоветский этапы; и опосредованной преемственности - в дореволюционный и позднесоветский этапы.

Цель исследования заключается в осуществлении всестороннего научного анализа отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

Задачи исследования:

- Предложить и обосновать периодизацию отечественной историографии войны 1768-1774 гг.
- Выявить и мотивировать ведущие тенденции отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг.
- Проанализировать факторы, оказавшие определяющее влияние на формирование отечественной историографии русско-турецкого противостояния.
- Рассмотреть и обобщить дискуссионные проблемы и вопросы интерпретации основных моментов войны 1768-1774 гг.
- Подтвердить или опровергнуть обобщения и выводы, представленные в рамках историографии заявленной темы.
- Осуществить критический научный разбор гипотез, аргументаций, противоречий в изложении событий, обобщениях и оценках, представленных в российской историографии.

Источниковая база исследования.

Специфика источниковой базы диссертационной работы заключается в том, что она представляет собой корпус историографических источников (исследовательские труды, содержащие информацию о тех или иных

историографических фактах), которые содержат информацию об осмыслении исследователями данных и объективную оценку.

Это особенно важно при исследовании тем, связанных с изменениями, происходящими в обществе под воздействием военных действий.

Весь массив историографических источников можно подразделить на три группы:

Первая и основная группа - научная исследовательская литература – труды (статьи, монографии, обзоры, заметки, диссертации, авторефераты) отечественных историков, собиравших, анализировавших и обобщавших эмпирический материал, на основе которого предпринималась и осуществлялась разработка главнейших научно-теоретических проблем русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

Еще одной (второй) важнейшей группой историографических источников выступают документальные публикации (в научно-исследовательских сборниках и журналах, серийных изданиях эпистолярного наследия, отдельными изданиями⁶⁵). Издания эти демонстрируют процесс эволюции источниковой базы исследования, осмысления новых источников,

⁶⁵ Поденная записка путешествия его сиятельства князя В.М. Долгорукова в Крымский полуостров во время кампании 1773 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1872. Т. 8. С. 182-187; Панин П.И. Записка, каким образом предводителем второй армии генералом графом Паниным начато производиться предпринятое Российско-имперским двором и ему порученное намерение, клонящееся к поколебанию татарских орд против нынешнего их подданства (1770) // Русский архив. 1878. Кн. 3. Вып. 12. С. 451-482; Панин П.И. Письма графа Петра Ивановича к брату его графу Никите Ивановичу /Предисл. П.И.Бартенева, заметка Д. Масловского // Русский архив. 1888. Кн. 2. Вып. 5. С. 65-93; Политическая переписка императрицы Екатерины II. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Т. 87. 1768-1769 СПб.[Б.и], 1893; Т. 97. 1769-1771. СПб.[Б.и], 1896; Т. 118. 1772-1773. СПб.[Б.и], 1904; Румянцев Петр Александрович. Документы. М., 1953. Т. 1; Т. 2; 1959. Т. 3; Два письма графа П.А. Румянцева 1771-1772 // Русская старина. 1876. Т. 15. № 1. С. 212-213; Письмо графа П.А. Румянцева-Задунайского к графу Панину по поводу переговоров с Турцией // Русский архив. 1865. С. 869-872; Фельдмаршал Румянцев. Сборник документов и материалов. 1725-1796. М., 1947; Фельдмаршал Румянцев. Документы. Письма. Воспоминания. М., 2001; Федюнина Т.Н. Письма Екатерины II графу А. Г. Орлову как источник для изучения событий русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Серии: «Педагогические науки», «Гуманитарные науки». Воронеж, 2018. № 4 (281). С. 120-122.

влияние этого на историографический процесс и дают возможность проверить сравнить и сопоставить обобщения и выводы того или иного исследователя, базирующиеся на привлекаемых источниках.

Третьей группой историографических источников выступают первичные материалы научно-исследовательских объединений и учреждений, научно-исследовательских форумов (как, например, конференции, семинары, круглые столы, совещания, лекции, и стенограммы дискуссий)⁶⁶, в том числе и выходящие за проблемно-хронологические границы диссертации, однако дающие возможность более углубленно и всесторонне рассмотреть важнейшие аспекты изучаемой темы⁶⁷. Материалы этих научных встреч и обсуждений предоставляют возможность охарактеризовать как инфраструктурные изменения, так и процесс концептуального переосмысления той или иной проблемы.

Методология и методы исследования.

В первую очередь, использован принцип объективности, требующий учета всех исследовательских позиций и всех точек зрения.

⁶⁶ Сборник докладов военно-исторической секции. Л., 1960. № 3; Вековая дружба. Материалы научной сессии Института истории Молдавского филиала АН СССР, состоявшейся 27-29 ноября 1958 г. Кишинев, 1961; Третьи Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича [12 апреля 2016 г., Махачкала]. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2016. Ч. 1; Конституционное и государственное строительство на Юге России: история и современность: 2-е Кадыровские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Референдума 23 марта 2003 года и принятия Конституции Чеченской Республики, г. Грозный, 20 марта 2013 г. Грозный: Грозненский рабочий, 2014; Чтения по военной истории: [по материалам Второй международной конференции, апрель 2005 г.]: сборник статей. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006; Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Международной научной конференции, Казань, 29 ноября - 1 декабря 2018 г. Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2018.

⁶⁷ Кожевников Ф.И. Русское государство и международное право. (До XX в.). М., 1947; Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966; Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке: Черты структурного кризиса. М., 1991; Джахиева Э.Г. Договоры России с Турцией, Ираном и правителями Кавказа. 1774-1813 гг. Махачкала, 2006; От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М. СПб., 2015; и др.

Во-вторых, очень важно привлечение принципа комплектности, который подразумевает сравнительный анализ позиций российских исследователей.

В-третьих, диссертант не отказывается и от использования диалектического метода изучения поставленной проблемы. Последний дает возможность всестороннего исследования изучаемого объекта, сопоставления как положительных, так и отрицательных обобщений и оценок, присутствующих в научных работах.

В-четвертых, необходим в исследовании историко-сравнительный метод. Он базируется на учете таких факторов, как особенности проблемно-хронологической ситуации.

В-пятых, крайне важно акцентировать внимание и на привлечении системного анализа, благодаря которому появляется реальная, а не гипотетическая возможность изучать отдельные аспекты в комплексе, во внешней и внутренней взаимосвязи, а не в оторванности или в отдельности.

Все исследовательские методы и принципы координируются друг с другом, выступая как звенья одной цельной исследовательской системы в изучении заданной темы.

Привлечение всех этих методов и принципов предопределяет наличие многофакторного подхода, то есть стремления раскрыть различные стороны, грани, аспекты исторического процесса, что также подразумевает и обращение к исследовательским методам военной истории и теории, геополитики, исторической биографии, социальной истории.

Научная новизна диссертации определяется тем, что впервые комплексно и всесторонне представлена и изучена отечественная историография русско-турецкой войны 1768-1774 гг. за начало XIX – первое двадцатилетие XXI вв.

Дано обоснование прямой и опосредованной зависимости различных этапов и стадий отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-

1774 гг. от социально-политических особенностей эволюции России вообще и исторической науки в частности.

Проанализированы и сопоставлены позиции отечественных авторов по узловым проблемам и вопросам русско-турецкой войны 1768-1774 гг., как с позиции внешнеполитической деятельностью, так и военной стратегии и тактики.

Очерчены и объяснены проблемы, выпукло проявившиеся в ходе русско-турецкой войны 1768-1774 гг., но не утратившие своей актуальности и в настоящее время - противостояние западноевропейского и российского политических интересов («Северная система» и «Восточный вал»); Крым, его место и роль в стратегии безопасности России вообще и ее южных границ в частности, отношение между конфессиональными деноминациями, состояние Вооруженных сил России и дееспособность руководства последних.

Положения, выносимые на защиту:

Обоснована оригинальная авторская периодизация отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Мотивировано положение о том, что при выделении трех, ставших уже традиционными этапов – дореволюционный, советский и постсоветский, каждый из этих них вполне аргументировано подразделяется на стадии, наличие которых предопределено не только изменениями, происходящими в исследовательской среде, но и воздействием социально-политической обстановки, задачами, стоящими перед политической и интеллектуальной элитой в сфере общественного просвещения и пропаганды.

Выявлены и доказаны важнейшие тенденции отечественной историографии русско-турецкой войны на различных этапах. Доказана авторская гипотеза о том, что основополагающими в исследовательских оценках русско-турецких войн XVIII – начала XX вв. оставались государственные и государственно-патриотические приверженности. И даже в сложные и противоречивые для осмысления этапы (1920-е гг., вторая

половина 1980-х гг.; 1990-е гг.) отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг., вопрос о критическом переосмыслении причин, хода и итогов последней не стоял. Попытки выстроить чисто субъективные исследовательские схемы не нашли продолжения в работах последующего времени.

Проанализированы факторы, оказавшие определяющее влияние на формирование отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг. и подтверждено положение о том, что социально-политические, идеологические установки, предопределяющие вектор развития всего государственного мировоззрения, сказались и на исследованиях русско-турецких войн второй половины XVIII в. Это особенно заметно в советский и постсоветский этапы отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

Рассмотрены и обобщены дискуссионные проблемы, связанные с интерпретацией в отечественной историографии причин, итогов и последствий русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Обосновано, что большинство спорных аспектов в исследованиях данной войны и порождены не столько недостатком документального материала, сколько политически мотивированными позициями того или иного исследователя. Данное утверждение свойственно для каждого из этапов российской историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

Представлен критический научный разбор предположений и аргументации, глобальных и частных противоречий в обобщениях, оценках, отдельных фактов русско-турецкой войны 1768-1774 гг. в отечественной историографии. Доказано, что предположения, выдвигаемые в научных трудах, даже порой противоречивые и не всегда доказуемые, в конечном счете, способствовали поиску и новых документальных материалов, и рационального ответа на тот или иной сложный вопрос причин, хода и последствий русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

Структурно диссертация выстраивается с учетом хронологических и проблемных подходов к рассматриваемым вопросам.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что на основе анализа научных работ появляется реальная возможность восполнить существующие в настоящее время историографические лакуны в изучении как одной из русско-турецких войн XVIII в. в частности, так и всей внешнеполитической деятельности Российской империи в то период – в целом.

Практическая значимость данного исследования предопределяется возможностью использовать изложенные материалы, обобщения и выводы в лекционных курсах по истории России XVIII в., истории внешнеполитической деятельности Российской империи в указанный период и военной истории.

Апробация результатов.

Основные положения исследования заслушивались на конференции магистрантов (март 2022 г.), международной научной конференции молодых ученых «Наука на благо человечества – 2022» (апрель 2022 г.), а также были апробированы в виде четырех научных статей, изданных в журналах, входящих в перечень ВАК Российской Федерации:

1. *Миловский, Н. М.* Современные российские исследования о последствиях Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 1-2 (январь). С. 21-25 (0,5 п.л.).
2. *Миловский, Н. М.* О недостаточно исследованных предпосылках и причинах русско-турецкой войны 1768-1774 гг. в отечественной историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. - 2022. - № 1. С. 80-91 (1 п.л.).

3. *Миловский, Н. М.* Трактовка причин русско-турецкой войны 1768-1774 гг. в российской историографии // Преподавание истории в школе. 2022. - № 2. С. 81-83 (0,3 п.л.).
4. *Миловский, Н. М.* «Северная система» как вектор внешней политики России в 1764–1774 гг. в трудах отечественных исследователей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 104–112. (0,75 п. л.)

Достоверность исследования подтверждается анализом, обобщением и осмыслением ранее опубликованных документальных материалов, периодической печати, научных монографий и статей. Все это предоставляет возможность выявить комплекс обозначенных отечественной историографией русско-турецкой войны 1768-1774 гг. проблем.

Кроме того, достоверность диссертационного исследования подтверждается и верификацией выводов.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключение, списка литературы.

Первая глава посвящена рассмотрению позиций отечественных исследователей по проблемам предпосылок и причин русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

Во второй главе представлены обобщения, оценки и выводы отечественных историков по узловым проблемам самого хода войны 1768-1774 гг.

В третьей главе основное внимание уделено представленным в научной литературе вопросам процесса подписания мирного договора как Российской, так и Османской империями, а также позиции в поиске мирного урегулирования таких стран, как Австрия, Пруссия и Франция.

Глава 1. Отечественная историография о предпосылках и причинах русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

1.1. Научные подходы и оценки социально-экономических и политических особенностей европейской действительности в 1760-х гг. и предпосылок войны

Каких-либо принципиальных и дискуссионных разногласий по поводу приведших к войне особенностей геополитического и социально-экономического развития в 1760-х гг. в Европе в научно-исследовательской литературе нет. Главнейшей причиной, предопределившей события 1768-1774 гг. считается столкновение интересов ведущих европейских держав.

Так считали как исследователи дореволюционного, так советского и постсоветского этапов⁶⁸. Историк XIX в. В.А. Ульяницкий отмечал, что главнейшими причинами всех русско-турецких войн, и события 1768-1774 гг. не исключение, оставались вопросы экономические, в том числе и вопрос о Черноморских проливах – чисто экономический, поскольку Россия искала пути для выхода на рынки Средиземноморья, а стремилась решить национально-религиозный вопрос, который был на тот период времени еще «в зародыше»⁶⁹. Советский историк С.С. Дмитриев был принципиален в своих оценках: Причина войны кроется в противостоянии европейских государств за сферы влияния на Ближнем Востоке. Именно поэтому во

⁶⁸ См., например: Кареев Н. О внешней политике Екатерины II // Вестник Европы. 1897. № 1; Тарле Е.В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Стенограмма лекции, читанной 7 мая 1945 г.: [На правах рукописи] М., 1945. Ч. 1; Гребенщикова Г.А. Россия и Турция: двенадцать невыученных уроков. СПб., 2016.

⁶⁹ Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. С. 166, 175.

второй половине XVIII в. Средиземное и Черное моря, а также Балканский полуостров стали главной ареной столкновения интересов тогдашних мировых держав⁷⁰. О том же писал Е.В. Тарле, который указывал страны, которые по его мнению считались мировыми державами и выступали «за передел мира», а значит были ответственны за развязывание того или иного военного конфликта - Великобритания, Франция, Австрия, Швеция, Пруссия, Турция, Россия. Последняя, по убеждению, Тарле придерживалась общепринятых моральных установок. То есть, во внешней политике второй половины XVIII в. Россия мало чем отличалась от политики европейских государств⁷¹. В этом единодушны подавляющее большинство исследователей как дореволюционного, так и советского и постсоветского этапов.

Е.И. Дружинина, не оспаривая данное утверждение, подчеркивала, однако, что например противоречия между Российской и Османской империями нельзя было разрешить мирным путем, так как Константинополь рассчитывал удержать под своим контролем все земли Северного Причерноморья. А само Черное море Турция объявила своим внутренним морем, закрыв проход в него (проливы) для всех иностранных как военных кораблей, так и торговых судов⁷². Россия же не рассматривала – для укрепления своих позиций в данном регионе – длительный дипломатический путь, как единственно возможный, и не отказывалась и от применения вооруженной силы.

Позицию о том, что противоречия между Турцией и Россией не могли быть разрешены мирным путем, отстаивали советские исследователи Т.М. Феофилактов и Р.Р. Юсупов⁷³.

⁷⁰ Дмитриев С.С. Чесменская победа. М., 1945. С. 3.

⁷¹ Тарле Е.В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Стенограмма лекции, читанной 7 мая 1945 г.: [На правах рукописи] М., 1945. Ч. 1. С. 5, 20, 21; Ч. 2. 13-15, 18, 26.

⁷² См.: Дружинина Е.И. Русский дипломат А.М. Обресков // Исторические записки. М., 1952. Т. 40.

⁷³ Феофилактов Т.М. Кубанский вопрос в русско-турецких отношениях в 1768-1774 гг. // Вопросы истории и филологии. Ростов-на-Дону, 1974. С. 69; Юсупов Р.Р. Польский

Однако существовали и различные нюансы. Именно последние – несмотря на то, что их либо не замечали, либо не считали значительными – во многом предопределяли вектор внешней политики, причины и предпосылки войны, а также ее участников – прямых или опосредованных. Это и следует из гипотезы Е.И. Дружининой.

Все эти нюансы, причем, в отношении истории русско-турецкой войны 1768-1774 гг., и достаточно многочисленные, предопределяли ту или иную причину возможного конфликта, самой войны и ее результатов.

Так, хотя и не были оставлены без внимания вообще, но до настоящего времени остались без всестороннего изучения проблемные аспекты, как создание и эволюция «Северной системы», как особенности польского «Диссидентского вопроса»⁷⁴, конфедерации Речи Посполитой и их роль в противостоянии с Россией как самой Польши, так и Турции, внешняя политика Франции, Австрии и Пруссии⁷⁵, и их стремление решить свои проблемы за счет участников войны 1768-1774 гг.; потенциал русской и турецкой армии и их военачальников накануне войны, мобилизация государственных усилий, направленных на достижение поставленных целей, стремление к решению узловых проблем конфликта дипломатическими мерами уже через несколько месяцев после начала военных действий, а также важнейших аспектов мирных переговоров 1770-1774 гг.

вопрос в политике России накануне русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Вестник МГУ. М., 1980. Сер. 9: История. № 3. С. 35-36.

⁷⁴ См.: Аржакова Л.М. Диссидентский вопрос и падение Речи Посполитой (дореволюционная отечественная историография проблемы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 1.

⁷⁵ См.: Дайри Н. Крушение Польского государства в XVIII веке // Исторический журнал. 1939. № 10; Иваницкий С.Ф. Польша во второй половине XVIII века и возникновение Барской конфедерации // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. Л., 1939. Т. 22; Он же. Первый период Барской конфедерации // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. Л., 1941. Т. 45; Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1947. Т. 17; Он же. Позиция Пруссии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Ученые записки Горьковского государственного университета. Горький, 1957. Вып. 43.

Всестороннее рассмотрение отмеченных объектов важно при анализе предпосылок (то есть, сложившейся на тот или иной момент конкретики, «благоприятной» для развязывания широкомасштабных военных действий), причин (реального обоснования неизбежности вооруженного столкновения), повода (то есть некоего катализатора, послужившего последним толчком для начала войны), хода, и результатов войны. Все эти нюансы рассматриваются, как правило, в работах, посвященных общим вопросам внешней политики Екатерины II⁷⁶, чем в исследованиях, посвященных анализу предвоенных социально-экономических событий, а также событий во время и после военных действий 1768-1774 г.⁷⁷

Война 1768-1774 гг. – не только первая между Россией и Турцией в период с последней трети XVIII до начала XX в., но и для императрицы Екатерины II, первая, окончившаяся победой для Российской империи в череде столкновений с Османской империи как до, так и после нее.

Готовилась ли к этой войне российская сторона? Рассматривала ли она ее как неизбежность?

По мнению современного исследователя, Г.А. Гребенщиковой, в 1762 г., в свой первый год правления Россией, Екатерина II не помышляла ни о каких силовых методах решения проблем и рассчитывала на внешнеполитическое согласие⁷⁸, о чем свидетельствовало замирение с Пруссией, Австрией и другими странами. Эта исследовательская позиция подкрепляется перепиской Екатерины II и руководством коллегии

⁷⁶ См.: Лефорт А.А. История царствования государыни императрицы Екатерины II. Ч. 3: Кн. 5: Первая Турецкая война. 1768-1774. М., 1837; Лылова М.Е. Внешнеполитическая деятельность Екатерины II Великой. Рязань, 2010; Гребенщикова Г.А. Россия и Турция: двенадцать невыученных уроков. СПб., 2016; Гребенщикова Г.А. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и средиземноморская политика Екатерины II в донесениях российских дипломатов // Вопросы истории. 2019. № 2.

⁷⁷ См.: Клокман Ю. Р. Борьба России с Турцией за Северное Причерноморье и Крым во второй половине XVIII в. // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968.

⁷⁸ Гребенщикова Г.А. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. (средиземноморская политика Екатерины II в донесениях российских дипломатов) // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 6.

иностранных дел России со своими представителями в Европе⁷⁹. Императрица была погружена в решение внутривосточных проблем, которые предопределяли ее будущее, удержание власти, борьбу со сторонниками Петра III и «самозванцами».

И даже к 1768 г. Российская империя, на этом дореволюционные и современные исследователи акцентировали и акцентируют внимание, не ставила перед собой глобальных международных проблем, предпочитая им, конечно, тоже важные для страны, но «пограничные» задачи, в том числе и на южном направлении. Это – желание закрепиться на Черноморском побережье, создание благоприятных условий для морской торговли в Черном и Средиземном морях, установление дипломатических отношений с Турцией, как и иными странами Средиземноморья. Обеспечение независимости Крымского ханства от Турции несколько выбивалось из перечня задач, но должно было способствовать обеспечению безопасности русских границ и торговли в Черноморском регионе. С последним были согласны исследователи всех этапов⁸⁰.

По мнению современного исследователя П.П. Черкасова, историческую предопределенность Российской империи к Черному (так же, как в начале XVIII в. — к Балтийскому) морю неправильно объяснять аннексионистскими и агрессивными притязаниями. Речь шла не только о формировании «национально-государственного пространства России», оформлении границ Империи на юге. Главное это то, быть ли России «европейской державой, составной и полноправной частью Европы или продолжать пребывать на задворках континента». Сущность России, как евразийского государства

⁷⁹ Политическая переписка Екатерины II. СПб., 1893. Т. 87. С. 113; То же. СПб., 1896. Т. 97. С. 69; и др.

⁸⁰ См.: Бутурлин Д.П. Картина войн России с Турцией в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I. СПб., 1829. Ч. 1; Александров П.А. Северная система. Опыт исследования идей и хода внешней политики России в первую половину царствования императрицы Екатерины II. М., 1914; Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе. 1936. № 3; Виноградов В.Н. Российская северная система и французский восточный барьер // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000.

заклучалась в «равномерном присутствии в ней двух начал». Эта позиция соответственным образом ориентировала и внешнюю политику Российской империи по двум «расходящимся направлениям» — азиатскому и европейскому. До начала XVIII в. азиатское направление получило преобладающее развитие, хотя и не принесло впечатляющих достижений. Начиная с Петра I, и в течение всего XVIII в. внимание в российской внешней политике акцентировалось на европейском направлении⁸¹.

Автор прав, стоит только добавить, что Турцию можно воспринимать и как азиатское, и как европейское направление: и по географическому признаку (по сути, государство расположено и в Европе, и в Азии) и по геополитическому (учитывая ее значение и для европейской и для азиатской политики).

Другой вопрос в том, что в своем «продвижении» Россия постоянно испытывала противодействие, в том числе и на азиатском направлении (и, как ни странно, со стороны европейских государств, имевших и отстаивающих здесь свои интересы). И противодействие это зачастую выступало причинами и оборачивалось военными конфликтами.

Как считает исследователь 1920-х гг. А. Мачанов, «с таким положением русское правительство примириться, конечно, не могло». Крым, - по его мнению, - должен был быть русским. Так как для решения этой задачи не было возможностей, в качестве «политического инструментария» использовался лозунг: «разделяй и властвуй», что подразумевало целый набор политических интриг. И «политика интриг» осуществлялась, как досконально продуманная и четко выстроенная система; причем последняя могла координироваться в зависимости от ряда факторов, таких, как

⁸¹ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. // Новая и новейшая история. М., 1996. № 1. С. 55.

изменение «политического веса» различных сил Крымского ханства или возможного обострения между правителями Крыма и Турции в целом⁸².

Стоит напомнить, что Мачанов был сторонником исторических схем М.Н. Покровского, и его учеником. Этим и объясняется его, базирующаяся исключительно на «классовом подходе», на критике действий русских властей накануне русско-турецкой войны, позиция.

Ряд историков 1970-х гг. считали, что в ходе войны 1768-1774 гг., в том числе и после удачных военных операций 1770-го и 1771-го гг. внешнеполитическая программа Российской империи могла получить – в сравнении с «довоенной программой» расширение: свобода передвижений торговых судов через Черноморские проливы в Средиземное море и покровительство православному населению Турции⁸³. Но, как отмечалось выше, подобные подходы в определении позиции России накануне войны, как раз так и характеризовались. За исключением последнего пункта.

По мнению упомянутого выше исследователя П.П. Черкасова, защита православных христиан — чисто идеологический аспект внешнеполитической деятельности Российской империи. Он рассматривался, как вспомогательный политический фактор, и служил для последней своеобразным моральным обоснованием ряда дипломатических (и не только) демаршей⁸⁴.

Но с таким фактором, как «торговля» было не все однозначно. Так, Г.А. Санин считал, что учитывая слаборазвитость торговых отношений в районах, прилегающих к Черному морю, можно утверждать: не экономическая необходимость предопределяла борьбу за морские коммуникации, а, наоборот, борьба за последние привело к развитию южной торговли

⁸² Мачанов А.Е. Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством. Симферополь, 1929. С. 46.

⁸³ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII - начало XX в. М., 1978. С. 36.

⁸⁴ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. С. 56.

Российской империи⁸⁵.

Установка на расширение внешнеполитической программы, как считают те же авторы монографии «Восточный вопрос...», есть свидетельство дальнейших планов российской дипломатии в частности и российской монархии в целом. Присоединение Крыма в этой связи рассматривается, пожалуй, как главная цель; присоединение к России, например, Дунайских княжеств накануне войны не рассматривалось⁸⁶. Противоречия вокруг Дунайских княжеств - Молдовы и Валахии - проявились только в годы самой войны⁸⁷.

Постепенный рост политических амбиций российской императрицы, интерес ее к новым, примыкающим к Российской империи территориям, проявлялся, как считают исследователи уже постсоветского этапа, параллельно с ростом ее, императрицы, веры в особую историческую миссию русского народа. И Екатерина II считала возможным реализовывать данную миссию на внешнеполитической арене, даже если бы пришлось прибегнуть к силе оружия. Это бы, как представляют исследователи 1990-х гг. укрепило авторитет Екатерина II не только среди своих подданных, но и в мире⁸⁸.

Это – позиция постсоветских исследователей, а историки 1940-х гг. акцентировали внимание на «обыденных особенностях» внешнеполитической деятельности российской императрицы. Однако подтверждения этой позиции в политической переписке Екатерины II, обнаружить не удалось. Исследователи (советского и постсоветского этапов), придерживающиеся идеи «обыденных особенностей» обосновывали свою гипотезу следующим: в середине XVIII в. южные и юго-западные районы

⁸⁵ Санин Г.А. Проблема Проливов в годы русско-турецкой войны (1768-1774 гг.) // Россия и черноморские проливы (XVIII-XX столетия). М., 1999. С. 52.

⁸⁶ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII - начало XX в. М., 1978. С. 36.

⁸⁷ Гросул Г.С. Дунайские княжества в политике России. 1774-1806. Кишинев, 1975. С. 5.

⁸⁸ Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 265.

Российской империи являлись основными центрами производства товарного хлеба, что в свою очередь ставило вопрос о свободном выходе к Черному и Средиземному морям, поскольку морские сообщения оставались здесь единственной коммуникацией торговли. В противном случае русские районы Причерноморья Дона и Днепра были обречены на хозяйственный застой и регресс⁸⁹. Кроме этого, чисто экономического, иных доводов в обосновании позиции не приводилось.

Экономическая составляющая причин противостояния России и Турции – основополагающий момент работ советских историков 1950-х–1960-х гг., которые указывали и на иную причину войны 1768-1774 гг. – угроза со стороны Крымского хана. Набеги крымских татар, особенно с начала XVIII в. не просто беспокоили российские власти, они наносили громадный ущерб всей экономике страны; из-за набегов крымских татар в южных районах России отмечалось заметное уменьшение численности населения (гибель во время боевых действий, угон в рабство). Стремление оградить и население, и экономический потенциал от перманентно наносимого урона ставило перед российской стороной задачу овладеть стратегическими пунктами, используемыми татарами для набегов, а по сути – ликвидировать сам очаг опасности, то есть Крымское ханство. Турция же старалась сохранить мир с Россией, по крайней мере, с момента подписания в 1739 г. Белградского мира, - так считали отечественные исследователи⁹⁰, об этом же свидетельствовала и содержание переписки Екатерины II, в частности к российскому послу в Лондоне⁹¹.

Подходы советских историков во многом схожи с подходами историков дореволюционного этапа.

⁸⁹ Гендель Г.М. Позиция Пруссии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 125; Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле промышленности с половины XVII века до 1858 г. 1859. Ч. 2. С. 41-42.

⁹⁰ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 460.

⁹¹ Политическая переписка императрицы Екатерины II. СПб., 1793. Т. 87: 1768-1769. С. 114.

Так М.И. Богданович, еще в 1873 г. отмечал, что в продолжение почти тридцати лет, Турция находилась в мире с Россией, несмотря на грабежи крымских татар и запорожских казаков, вторгавшихся в пограничные области обеих держав. Но с 1768 года, политика султана Мустафы III изменилась. Он решился воевать с Россией и разорвал мир. В то время, набеги и грабежи на русско-турецкой границе были обычным делом: с одной стороны вторгались татары, с другой — гайдамацкие отряды из Подолии и Волыни⁹².

Опосредованная преемственность в исследовательских подходах бесспорна.

Но при анализе российской позиции не стоит отвергать или не замечать и иную позицию - противостоящей России стороны.

Константинополь рассчитывал расширить свои владения за счет новых территорий Кавказа и Северного Причерноморья, Подолии и Волыни, а также установить полный протекторат над Польшей, - такова позиция А.Н.Петрова, также проанализировавшему причины начала войны⁹³.

Война 1768-1774 гг., как отмечали отечественные исследователи, это продолжение борьбы за так называемое «австрийское наследство» (1740-1748 гг.) и Семилетней войны 1756-1763 гг. И события 1740-1748 гг. и 1756-1763 гг., по мнению П.П. Черкасова, были порождены противостоянием Англии и Франции, отстаивающих свое первенство в Европе. Этим двум государствам удалось «втянуть» в борьбу Прусскую, Российскую и Австрийскую империи. Причем военные конфликты вспыхивали не на английской или французской территориях, а исключительно в Восточной Европе и Северном Причерноморье. К тому же, ни официальный Лондон, ни официальный Париж делали все, чтобы не допустить укрепления геополитических позиций, как России, так и Турции. Ради решения этой задачи Англия и

⁹² Богданович М.И. Русская армия в век Екатерины Великой // Военный сборник. 1873. № 12. С. 195.

⁹³ Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769-1774 гг. СПб., 1866. Т. 1. С. 56-62.

Франция надеялись подтолкнуть их к войне. Англия и Франция рассчитывали, что будут выступать (рассчитывая на дивиденды от обеих сторон) в роли миротворцев. Это – официально. Негласно, как считает упомянутый П.П. Черкасов, Лондон и Париж настраивались на поддержку в Восточной Европе политической напряженности⁹⁴.

Как отмечает Г.А. Гребенщикова, после ряда неудачных попыток заставить российскую императрицу Екатерину II возобновить боевые действия против Пруссии (речь идет о Семилетней войне 1756-1763 гг. – *Н.М.*), французская и австрийская дипломаты перенесли свои усилия в Константинополь. Именно там антирусские настроения нашли и государственную, и общественную подпитку⁹⁵.

Однако Екатерина II была настроена решительно покончить с Семилетней войной 1756-1763 гг. Отечественные историки считают, что императрица воспринимал эту войну, как борьбу за интересы европейских держав, которые для России не представляли какого-либо интереса. Екатерина, опять же, по мнению исследователей, рассчитывала заострить внимание на внутренних проблемах, на экономике, на укреплении армии и флота, на особенностях эволюции российской цивилизации⁹⁶.

Суммируя позиции отечественных историков в вопросе характеристик предпосылок и причин русско-турецкой войны 1768-1774 гг., во-первых, повторим, что главенствующим фактором развязывания конфликта оставалось столкновение мировых держав. Во-вторых, Екатерина II, хотя и декларировала нежелание участвовать в каком-либо военном противостоянии и поспешила завершить Семилетнюю войну 1756-1763 гг., но принимая во внимание нестабильность ситуации на южных границах России

⁹⁴ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. // Новая и новейшая история. М., 1996. № 1. С. 74-75.

⁹⁵ Гребенщикова Г.А. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. (средиземноморская политика Екатерины II в донесениях российских дипломатов) // Вопросы истории. 2019. №. 2. С. 7.

⁹⁶ Там же. С. 5.

(Причерноморье), а также проявляя заинтересованность в развитии торговли в том же регионе, не отказывалась от возможности применения военной силы для решения этих задач. И это было обусловлено политической концепцией российской императрицы, поскольку Екатерина II оставалась сторонницей так называемой «политики результатов», которая без внешнеполитической деятельности «безрезультативна» (о чем отмечал еще Е.В. Тарле)⁹⁷.

1.2. Дипломатия и причины войны 1768-1774 гг. в трудах отечественных историков

В работах российских историков – исследователей внешнеполитического курса первых 10-20 лет правления Екатерины II, отстаивается идея о том, что войне 1768-1774 гг. предшествовало противостояние дипломатов различных государств. В том числе и тех, чьи государства в самой войне прямого участия не принимали, но рассчитывавшие на различного рода «приращения», как за счет России, так и Польши и Турции⁹⁸.

Екатерина II, - по словам Е.В. Тарле, - считала, что дипломатия есть

⁹⁷ Тарле Е.В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. М., 1945. Ч. 2. С. 14.

⁹⁸ См.: Лебедев П. Графы Никита и Петр Панины. СПб., 1865; Мачанов А.Е. Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством. Симферополь, 1929; Тарле Е.В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Стенограмма лекции, читанной 7 мая 1945 г. М., 1945. Ч. 1-2; Дружинина Е.И. Русский дипломат А.М. Обресков (XVIII в.) // Исторические записки. М., 1952. Т. 40; Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966; Сеница В.И. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и восточный вопрос // Проблемы новой и новейшей истории. Минск, 1977; Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин: из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989; Аржакова Л.М. Демократический вопрос и падение Речи Посполитой (дореволюционная отечественная историография проблемы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 1; Гребенщикова Г.А. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и средиземноморская политика Екатерины II в донесениях российских дипломатов // Вопросы истории. 2019. №. 2.

искусство отличить достижимое от недостижимого. А если политика – «наука», то дипломатия – «наука» о достижимом⁹⁹.

Как считает П.П. Черкасов, Россия если не прямо, то косвенно, дипломатически (то есть, достаточно скрытно) шла навстречу к войне с Турцией. Но приближалась достаточно осторожно, открыто не проявляя своих цели и задач. Быть может, поэтому в Европе склонны были считать, что война между Россией и Турцией, ставшая якобы для официального Петербурга неожиданностью, окончится победой Турции, которая располагала и большей, чем у противника армией (по численности) и флотом, и вооруженными формированиями Крымского хана, ходившими в набеги по хорошо известным им шляхам (дорогам)¹⁰⁰.

Еще в конце XIX в. российский военный историк Ф.Ф. Веселаго (его работа была переиздана в СССР в 1939 г.) считал точкой отсчета движения к войне 1768-1774 гг. создание в начале 1760-х гг. – тогдашним руководителем российского внешнеполитического ведомства Н.И. Паниным¹⁰¹ (это стоит подчеркнуть особо, поскольку речь в параграфе идет о дипломатических аспектах) - «Северного аккорда /системы» - союза России, Пруссии, Дании, созданного в противовес Франции и Австрии. Однако убедительных аргументов в обосновании своей позиции автор не привел¹⁰². С.М. Соловьев считает, что эта идея - «Северная система» - принадлежит исключительно Н.И. Панину.

⁹⁹ Тарле Е. В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Ч. 1. С. 21.

¹⁰⁰ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. С. 57.

¹⁰¹ Один из образованнейших государственных деятелей, неподкупный и честный, он не преследовал иных целей, кроме службы государству и укреплению в России авторитета власти. Екатерина II проработав с Паниным почти 20 лет, высоко отзывалась о его талантах политика и дипломата, но, по мнению С.В. Бахрушина и С.Д. Сказкина, не во всем доверяла ему, считая главу внешнеполитического ведомства «сторонником ограниченной формы правления» (Бахрушин С.В. Сказкин С.Д. Дипломатия Европейских государств в XVIII веке // История дипломатии. М., 1941. Т. 1. С. 284-285).

¹⁰² По публикации: Веселаго Ф.Ф. Краткая история Русского Флота. М.-Л., 1939. С. 93.

Однако Е.В. Тарле отвергал этот тезис, указывая на то, что Н.И. Панин не был самостоятелен в выработке внешнеполитической доктрины, что последняя – прерогатива российской императрицы Екатерины II¹⁰³.

Ю.Р. Клокман считал, что с идеей создания на севере и северо-западе Европы коалиции государств («Северная система») выступила влиятельная группа российских дипломатов (в том числе Н.И. Панин, И.А. Корф, который и считается автором идеи¹⁰⁴). В состав «Северной системы», кроме России и Пруссии, предполагалось – со временем - подключить Англию, Данию, Польшу, Саксонию (и, может быть, даже Швецию.) Создаваемая Россией «Система» должна была быть направлена против Франции. Исследователи 1970-х гг. считали, правда, что хотя планы коалиционного объединения остались неосуществленными, официальный Петербург смог заключить выгодные для своего внешнеполитического курса договоры с Берлином (1764 г.) и Копенгагеном (1765 г.). Отдельным пунктом этих документов значилось оказание помощи в случае военного конфликта с Османской империей¹⁰⁵. Подписан был также договор о дружбе и коммерции с Англией (1766 г.)¹⁰⁶.

Согласно приведенным и проанализированным исследователем А.В. Гаврюшкиным документальным источникам, в соответствии с идеями главы внешнеполитического ведомства Н.И. Панина, Пруссия брала на себя обязательство помощи России в борьбе с противниками Екатерины II в

¹⁰³ Тарле Е.В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Ч. 1. С. 12-13.

¹⁰⁴ О нем см.: Мишенкова М.В., Щедрова И.В. И.А. Корф // Во главе первенствующего ученого сословия России. СПб., 2000. С. 36-51.

¹⁰⁵ Юсупов Р.Р. Внешнеполитические планы польского господствующего класса в годы русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Проблемы новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1978. С. 201.

¹⁰⁶ Клокман Ю. Р. Борьба России с Турцией за Северное Причерноморье и Крым во второй половине XVIII в. С. 133. Однако нельзя согласиться с оценками автора в том, что соседние с Россией страны находились на тот период времени состоянии социально-экономического упадка (или близкого к нему). В доказательство своего убеждения автор приводит следующее утверждение: все указанные государства не проводили достаточно самостоятельную внешнюю политику, поскольку находились в полной зависимости от мировых держав (там же. С. 131).

Польше, рассчитывая на помощь Петербурга в противостоянии с Австрией. Англия должна была взять обязательства оказывать содействие в противостоянии России с Турцией и Швецией. Россия же гарантировала официальному Лондону посильную помощь в случае столкновения Англии с Францией или Испанией. Выдвигая эти предложения, Н.И. Панин прекрасно понимал, что вероятность столкновения Австрии и Пруссии крайне мала, также как мала возможность вооруженного конфликта Франции и Испании с Англией. Но он принимал в расчет, что интересы России от союза со всеми странами по «Северной системе» оставались при любом раскладе первостепенными¹⁰⁷.

Обращаясь к гипотезе Ф.Ф. Веселаго, советский историк Е.И. Дружинина, анализируя особенности подготовительного процесса заключения Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., повторила его идею о том, что создание «Северного альянса/системы» (союза) - по сути, точка отсчета предыстории русско-турецкой войны 1768-1774 гг.¹⁰⁸. Однако не привела каких-либо аргументов в обоснование позиции.

Современный исследователь П.П.Черкасов, постарался, как нам представляется, разобрать и проанализировать более подробно идею Ф.Ф. Веселаго, акцентируя все свое внимание на особенностях дипломатических взаимоотношений Петербурга и Парижа в 1760-х гг.¹⁰⁹

Возможен вопрос: убедительны и нет дискуссии исследователей относительно гипотезы Ф.Ф. Веселаго?

В научных трудах отмечается, что внешнеполитическая доктрина Елизаветы – Петра III перестала существовать после окончания Семилетней

¹⁰⁷ Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин: из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

¹⁰⁸ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 87.

¹⁰⁹ См.: Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 50-76.

войны 1756-1763 гг.¹¹⁰, а о новой Екатерине II ко времени своего восшествия на престол даже не задумывалась¹¹¹.

Но как считает А.Б. Каменский, у русской императрицы была «уникальная возможность» (видимо, без оглядки на прошлое) разработать собственный внешнеполитический курс¹¹².

Выше мы уже отмечали особенности внешнеполитической деятельности Российской империи, базирующейся на ее евразийской сущности (два направления – европейское и азиатское). Однако современный исследователь Е.В. Пищугина убеждена, что Екатерина II «унаследовала» три внешнеполитических направления – северное, южное и направление, которое определялось задачей воссоединения с Российской империей западных древнерусских районов¹¹³. Самым опасным представлялось северное направление, для чего и создавалась «Северная система», в которой Россия рассчитывала объединить, с различной степени и союзников, и «нейтралов», и даже потенциальных противников (таких, как Швеция). С северным направлением, с «Северной системой» теснейшим образом увязывалось и южное направление внешнеполитической деятельности Российской империи, что в частности подтверждается и документальным материалом¹¹⁴.

Что касается «воссоединения древнерусских западных земель», то в этом случае, автору данной формулировки необходимо было, по крайней мере, охарактеризовать идейно-психологический фактор взаимосвязи православной Руси с православными диаспорами, существующими в странах с преобладанием иных религиозных деноминаций. Только таким образом

¹¹⁰ Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 266.

¹¹¹ См.: Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 2017.

¹¹² Каменский А.Б. Указ.соч. С. 266.

¹¹³ Пищугина Е.В. Политика Российского правительства в Кабарде в ходе османороссийской войны 1768-1774 гг. // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 80.

¹¹⁴ См.: Политическая переписка императрицы Екатерины II. СПб., 1896. Т. 87. 1768-1769.

можно объяснить желание России оказать всякое содействие и защиту христианским единоверцам – подданным Османской империи. Однако у цитируемой нами Е.В. Пищугиной данный аспект не проработан.

По мнению П.А. Александрова, во внешней политике Российской империи Екатерина II хотела двигаться по задуманному и тщательно разработанному плану, а не придерживаться политики «подкупа и испуга, а направлять ход внешней политики государства по так называемому «пути конъюнктур». «Северная система» - союз не католических стран против католических - прекрасно вписывался в схему политических «конъюнктур» того времени. Но главная задача «Северной системы» определялась, как сохранение мира, политическое спокойствие. Отмечалось, что «Северная система» не будет противодействовать частным государственным интересам. Однако «Северная система» в состоянии и в силу своего значения может вмешаться в отстаивание своих позиций, своих интересов, если какой-либо из стран будет нарушено общеполитическое равновесие, существующее «в настоящее время»¹¹⁵.

Л.Г. Бескровный, разрабатывая различные аспекты войны 1768-1774 гг., добавлял, что идея «Северной системы» настораживала официальный Париж, который вынашивал идею создания так называемого «Восточного барьера» (в других исследованиях «вала»), ограждающего западноевропейские государства от России - «от полюса до Архипелага»¹¹⁶ - и объединяющего Францию, Швецию, Польшу и Турцию.

Диссертант считает, что М.И. Богданович, А.Н. Петров, Е.И. Дружинина, П.П. Черкасов и другие исследователи правы в своих обобщениях и выводах о роли и месте в мировой политике (XVIII в.)

¹¹⁵ Александров П.А. Северная система. Опыт исследования идей и хода внешней политики России в первую половину царствования императрицы Екатерины II. М., 1914. С. 18-19.

¹¹⁶ Boutaris M. E. Correspondence secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangere. Vol. II. Paris, 1866, p. 470. Цит. по: Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М., 1958.

Франции, которая видела свою «миссию» в поддержании международного порядка. Именно Франция в большей, чем другие страны, степени оказалась замешана в развязывании в 1768 г. русско-турецкой войны. Французское внешнеполитическое ведомство рассматривало Российскую империю, как своего геополитического противника, считая ее опаснее Англии¹¹⁷. Именно поэтому Париж стремился столкнуть в военном конфликте Россию с государствами-соседями (в частности, с Турцией). Основной, как казалось, довод, обосновывающий неизбежность военного конфликта – безусловное участие Турции в разрешении сложившейся в Польше политической ситуации, чреватой опасностью для Османской империи. Кроме того, польские территории рассматривались в качестве возможных дивидендов для Турции. И именно Франция, и это убедительно было доказано всеми отмеченными выше исследователями, поддерживала Речь Посполитую в ее противостоянии с официальным Петербургом, подыскивала ей союзников, способных открыть «второй фронт».

Почему именно Франция приняла на себя роль главного организатора и координатора борьбы против России? – этот вопрос интересовал исследователей различных историографических этапов.

Например, П.П. Черкасов считает, что как российские, так и французские дипломаты традиционно придерживались диаметрально противоположных политических союзов и политической ориентации. Так, Франция еще со времен Франциска I и кардинала Ришелье поддерживала Швецию, Польшу и Турцию, которые считались «историческими» противниками России в ее продвижения к морским коммуникациям и сотрудничеству со странами Западной Европы¹¹⁸.

Однако, как нам представляется, не стоит упрощать сложившуюся ситуацию и не воспринимать всерьез «Восточный барьер» (сугубо, как чисто

¹¹⁷ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 71.

¹¹⁸ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. С. 50.

дипломатическое образование), а также позицию различных стран, оказавшихся втянутыми в «орбиту» этой политико-дипломатической системы, выступавшей противовесом «Северной системы».

Еще в начале XX в. историки так интерпретировали ситуацию: Швеция не проявляла большого желания втягиваться в новую - после неудачных для нее войн 1700-1721 гг. и 1741-1743 гг. - конфронтацию с Россией. Но и от участия в «Северной системе», создаваемой российскими дипломатами, официальный Стокгольм категорически отказался¹¹⁹.

И Польша, которая переживала в 1760-х гг. очередной социально-политический кризис, не в состоянии была оказывать существенного влияния на ситуацию в Европе. Да и внутри самой Речи Посполитой было немало как противников, так сторонников России, - так считалось еще ранее, в последней четверти XIX в.¹²⁰. Этот раскол (по сути, религиозно-политический) послужил причиной того, что ни в «Восточном вале», ни в «Северной системе» Польша участвовать не желала¹²¹.

Оставалась, как считал Л.Г. Бескровный, и это бесспорно, только Турция, которая верила обещаниям Франции по оказанию всяческой помощи в случае военного столкновения с Россией¹²².

Но вернемся к Франции.

Значение Османской империи для Франции, - акцентирует внимание П.П. Черкасов, - очень заметно выросло именно в 1760-е гг., тогда, когда решалась судьба Польши. Не имея реальных возможностей и действенных сил противодействовать «русским притязаниям» в самой Речи Посполитой, французская дипломатия сделала ставку на Турцию. Париж рассчитывал

¹¹⁹ См.: Александров П.А. Северная система. Опыт исследования идей и хода внешней политики России в первую половину царствования императрицы Екатерины II. М., 1914.

¹²⁰ См.: Кареев Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888.

¹²¹ См.: Носов Б.В. Представления о Польше в правящих кругах России в 60-е годы XVIII века, накануне первого раздела Речи Посполитой // Поляки и русские в глазах друг друга. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. С. 72-82.

¹²² Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 461.

столкнуть Константинополь с Петербургом, сорвав тем самым планы российских властей в отношении Польши. Французская дипломатия рассчитывала на существовавшую в это время традиционную напряженность в русско-турецких отношениях, способную вызвать военный конфликт¹²³. Однако, по нашему мнению, изучение политической переписки Екатерины II свидетельствует о другом - Турция старательно избегала конфликта¹²⁴. Вполне вероятно, что русская императрица рассчитывала своими письмами убедить своих собеседников в желании и Российской империи, и Османской империи сохранить мирные взаимоотношения.

Во многом позиция П.П. Черкасова пересекается с мнением историков 1940-х и 1950-х гг.: Франция всеми доступными *дипломатическими* способами подстрекала Турцию к войне с Россией и, действительно, явилась главной виновницей русско-турецкой войны¹²⁵.

Таким образом, именно позиция Франции, ее настойчивость, *дипломатические демарши* и желание навязать свое видение мира если не Англии и Австрии, Швеции и Пруссии, то во всяком случае Польше и Турции стали едва ли не одной из основных причин русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

В определении и анализе внешнеполитической ситуации и деятельности дипломатического корпуса европейских стран (в ракурсе выявления и анализа геополитических причин русско-турецкой войны) важно обратиться и к позиции Австрийской империи, которая относилась к внешней политике России (на Балканах и Польше) крайне настороженно и стремилась вести двойную игру: не препятствовала возможному вооруженному конфликту между Россией и Турцией, но рассчитывала

¹²³ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. С. 50.

¹²⁴ Политическая переписка императрицы Екатерины II. СПб., 1893. Т. 87. 1768-1769. С. 114.

¹²⁵ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 188; Его же. Позиция Пруссии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 127.

получить территориальные дивиденды, не говоря уж о политических, причем в случае победы (или поражения) как одной, так и другой стороны¹²⁶.

По мнению исследователя особенностей австрийской внешней политики Г.М. Генделя, австрийские дипломаты рассчитывали, в первой половине 1760-х гг., вернуть Россию в фарватер выгодной официальной Вене политики, и способствовать если не разрыву, то, по крайней мере, сужению возможностей для русско-прусского диалога.

Однако, получив данные о том, что русско-прусский союз остается прочным, австрийцы решили свернуть свою политику в Турции

Но затем, убедившись в прочности русско-прусского союза, австрийцы разочаровались и в дипломатических усилиях Франции (в вопросе поддержания в Константинополе антирусских настроений). Австрия была готова искать возможности сближения с Пруссией¹²⁷.

Данное утверждение лишь подтверждает гипотезу о двойственном характере австрийской внешней политики, так же, как подтверждает и лояльное, даже в чем-то дружественное отношение официальной Вены к России в конце 1768 – начале 1769 гг. Исследователи считают, что австрийский двор рассчитывал: война заставит Россию вернуться к союзу с Австрией, разрушенному после окончания Семилетней войны 1756-1763 гг. Кроме того, война естественным образом должна была ослабить обе стороны конфликта, что давало возможность Австрии заработать на ослаблении и потенциальных союзников, и - противников¹²⁸. Но Австрия, не желая победы России, не рассматривала возможность ее усиления за счет Турции. И наоборот – предполагая победу Турции, не рассчитывала усиление последней за счет возможной побежденной стороны, то есть России. С другой стороны, сама Российская империя не хотела разрывать отношения с Австрией, считая

¹²⁶ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 461.

¹²⁷ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 187.

¹²⁸ Там же. С. 190.

необходимым сотрудничать с австрийским двором по турецким делам¹²⁹. Что подтверждала и сама Екатерина II в своей переписке¹³⁰.

В итоге, Австрийская империя выступала союзницей Российской в войнах против Турции в XVIII в. В этом союзничестве Австрия, разумеется, преследовала только свои геополитические интересы.

Отечественные исследователи указывают на еще одну страну, рассчитывавшую получить выгоду от намечавшегося вооруженного конфликта Турции с Россией, Пруссию.

Л.Г. Бескровный отмечал, что после Семилетней войны 1756-1763 гг. прусский король Фридрих II искал союза с Россией, рассчитывая не только восстановить пошатнувшееся политическое «величие» своего государства, но заполучить ряд польских территорий, прекрасно понимая, что Речь Посполита, подверженная перманентным социально-политическим кризисам не будет в состоянии оказать сопротивления. Но для подобного рода территориальных «прирезок» Пруссии необходимо было заручиться поддержкой, в первую очередь – со стороны России¹³¹.

В 1764 г. был подписан – между Пруссией и Россией - союзный договор, согласно которому Петербург и Берлин обязывались оказать взаимопомощь при агрессии со стороны иного государства. И, главное: в случае военного столкновения России с Турцией Пруссия обязалась выплачивать Петербургу ежегодную субсидию в размере 400 тыс. руб.

Последний пункт гарантировал незаинтересованность Пруссии в русско-турецкой войне. Но после начала последней, Прусский двор, как отмечает Г.М. Гендель, стал опасаться роста мощи России и ослабления Турции, которую уже нельзя будет привлечь для противостояния Пруссии против той же России или против Австрии.

¹²⁹ Там же. С. 190-191.

¹³⁰ Политическая переписка императрицы Екатерины II. СПб., 1893. Т. 87. 1768-1769. С. 114.

¹³¹ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). С. 461.

На наш взгляд, Г.М. Гендель не прав, считая, что Пруссия, формально оставаясь союзником России, на самом деле стала ее врагом. Свидетельство тому – попытки со стороны Пруссии убедить Турцию, уже во время войны, продолжать сопротивление и не идти ни какие уступки России во время мирных переговоров¹³².

По нашему мнению, Фридрих II придерживался двойных стандартов, но в отличие от Австрии, не был готов выступить против России открыто. После поражения в Семилетней войне 1756-1763 гг., прусский король даже не рассматривал возможность ни вооруженной, ни дипломатической конфронтации с Петербургом (чего нельзя было сказать в 1760-е гг. об Австрии).

Расстановка политических сил, благодаря дипломатическим усилиям, была понятной. Практически каждая из стран, как входящих в «Восточный барьер», так и в «Северный союз», вела двойственную политическую игру, могла в любой момент переориентироваться и трансформироваться из союзника в противника, и наоборот. Этот вывод обосновывается результатами исследований последних лет и подкреплен документальными свидетельствами¹³³.

Но оставались еще две страны, от действия которых зависело очень многое – Дания и Англия.

Исследователь А.В. Гаврюшкин считает, что в частности с Данией Россия всегда находила «общий язык» и точки соприкосновения. Важность Дании в «Северном союзе» определялась тем, что она полностью контролировала Балтийские проливы. А имея возможность серьезного давления на Швецию, Дания готова была (в обмен на решение вопроса о Голштинии) сделать все, чтобы нейтрализовать Стокгольм в его попытках

¹³² Гендель Г.М. Позиция Пруссии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 127.

¹³³ См.: Александров П.А. Северная система. Опыт исследования идей и хода внешней политики России в первую половину царствования императрицы Екатерины II. М., Ломоносов, 1914.

угрожать России, принуждая ее держать на границах достаточно большие военные контингенты¹³⁴.

После начала русско-турецкой войны 1768-1774 гг., и это подчеркивается А.В. Гаврюшкиным, в Копенгагене заявили, что будут поддерживаться договора с Россией от 1768 г. (в ответ алжирский бей - вассал турецкого султана - объявил Дании войну)¹³⁵.

Что касается позиции Англии, то в работах отечественных историков нет четкости и ясности¹³⁶. Бесспорно только одно: во время Семилетней войны 1756-1763 гг. Англия поддерживала Пруссию, а после окончания военных действий вернулась к политике континентального нейтралитета.

А.В. Гаврюшкин считает, что в отношениях с Англией российскими дипломатами делалась ставка на терпение (с Данией – на ловкость, с Пруссией – на твердость)¹³⁷.

Недооценена российскими исследователями и пролонгация в 1766 г. русско-британского договора о торговле от 1734 г. Наоборот, отмечается, что, несмотря на известные дипломатические успехи, единение в Польском вопросе, противостояние с Францией и Швецией (на этом акцентировали внимание авторы «Истории дипломатии»¹³⁸), интересы Англии и России так и не могли совпасть¹³⁹.

Л.Г. Бескровный считал, что официальный Лондон очень ревниво и беспокойно наблюдал за внешней политикой России и изыскивал способ

¹³⁴ Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин: из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война [1768-1774 г.] // Труды Московского государственного историко-архивного института. Статьи аспирантов по вопросам истории СССР, источниковедения, архивоведения и документоведения. М., 1967. Т. 23. С. 159-190.

¹³⁷ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

¹³⁸ Бахрушин С.В. Сказкин С.Д. Дипломатия Европейских государств в XVIII веке // История дипломатии. М., 1941. Т. 1. С. 284-285.

¹³⁹ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 81.

ограничить влияние последней на Ближнем Востоке, и в частности в Турции. Однако Англия была заинтересована в сохранении дружественных отношений с Российской империей, рассчитывая на ее поддержку и помощь в случае конфликта с Францией (о чем уже отмечалось выше). Да и разрастающаяся английская промышленность нуждалась в сырье, поступающем, в том числе и из России¹⁴⁰.

Нам представляется неубедительным утверждение А.В. Гаврюшкина о том, что сама Россия не нуждалась в союзе с Англией, и что все отношения между этими двумя странами будут «вращаться» вокруг экономических вопросов, а для их решения достаточно и торгового договора¹⁴¹.

Мы склонны поддержать мнение тех исследователей, кто считает, что значение и роль Англии в 1760-х – 1770-х гг. во многом отличается от ее политического вклада в мировое развитие в XIX в., вклада, который характеризуется противодействием стремлению Российской империи на Восток.

Как дореволюционные исследователи (В.А. Ульяницкий, В.А. Бильбасов, Ф.Ф. Мартенс), так и советские (Е.В. Тарле) указывали на дружеское отношение со стороны Англии во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Подобную ситуацию исследователи, объясняя антифранцузской позицией официального Лондона¹⁴², а также желанием Англии сохранить в неизменности, как экономические, так и *дипломатические* отношения, от чего во многом зависело и материальное благосостояние Британской империи.

¹⁴⁰ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 462.

¹⁴¹ Гаврюшкин А.В. Указ.соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

¹⁴² См.: Ульяницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в., М., 1881; Бильбасов В.А. Россия и Англия в XVIII в. // Русская старина. 1893. Т. LXXX. Кн. 10; Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1892. Т. 9; Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769-1774. М., 1945.

Однако исследование И.Ю. Родзинской «Англия и русско-турецкая война 1768-1774 г.» свидетельствует, что политические и экономические отношения России и Англии переживали в указанный период, как взлет, так и падение¹⁴³.

И.Ю. Родзинская указывает на то, что английская сторона, рассчитывая сохранить свой нейтралитет в русско-турецкой войне 1768-1774 гг., не смогла долгое время оставаться только сторонним наблюдателем. Внешняя и внутренняя политика Англии уже в самом конце 1769 г. predeterminedли ее новую позицию в отношении к России, которую она готова была рассматривать, как союзника и оказывать всю посильную помощь, рассчитывая на ослабление своих потенциальных геополитических противников¹⁴⁴.

Одна из причин, определявших английскую позицию – экономическая (советским историком свойственно было ставить ее во главу угла; мы же считаем, что причины необходимо рассматривать в комплексе). В сущности, этот же экономический фактор predeterminedил «весьма радушное» отношение Англии и к Турции¹⁴⁵.

Необходимо помнить, что Франция противостояла Англии в борьбе за колонизацию Индии и Северной Америки, а потому все попытки со стороны России противостоять Франции, встречались официальным Лондоном только одобрительно. В частности И.Ю. Родзинская отмечает, что Англия приветствовала действия русского флота, которые подрывали левантийскую торговлю с Францией¹⁴⁶. Со своей стороны, и Россия всячески стремилась оценить помощь Англии, в частности – во время прохождения русских

¹⁴³ Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война 1768-1774 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Статьи аспирантов по вопросам истории СССР, источниковедения, архивоведения и документоведения. М., 1967. Т. 23. С. 164.

¹⁴⁴ Там же. С. 164.

¹⁴⁵ Там же. С. 165.

¹⁴⁶ Родзинская И.Ю. Указ. соч. С. 165; Тарле Е.В. Экспедиция русского флота в Архипелаг. М., 1945. С. 103.

эскадр из Балтийского моря в Средиземное море, - и это также подчеркивается в рассматриваемом нами исследовании¹⁴⁷.

На этом фоне не очень убедительно звучит предположение Л.Г. Бескровного, суть его состоит в том, что Англия тайно создавала российскому флоту затруднения¹⁴⁸. Но данное утверждение противоречит фактам. Кроме помощи во время перехода в Средиземноморье пяти русских эскадр транзитом через английские порты, Россия осуществила перевозку личного состава вооруженных сил, транспортировку снаряжения, продовольствия (и то, и другое еще и закупалось в Британии, а на русскую службу нанимались англичане, знающие морское и военное дело) при помощи нанятых в Англии судов. И хотя и покупки и транспортировка подобного рода товаров и грузов было запрещено законодательством, английские власти находили юридические «лазейки», чтобы выполнить взятые на себя обязательства.

И.Ю. Родзинская задается закономерным вопросом: «Изменилось ли благожелательное отношение Англии к России после Чесменского сражения, прославившего русский флот, поскольку англичане привыкли смотреть на морские силы России, как на самые посредственные и не заслуживающие внимания?» И ответ самого автора достаточно убедителен: Интерес, вызванный морской победой России, не был смешан со страхом или опасением, так как лишь очень незначительное число англичан считало, что рост численности кораблей русского флота угрожает их собственной стране¹⁴⁹.

В этой связи стоит напомнить, что во время войны 1768-1774 гг. на русской службе находилось более 30 английских офицеров, из них - один адмирал и два контр-адмирала.

¹⁴⁷ Родзинская И.Ю. Указ. соч. С. 165-166.

¹⁴⁸ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 471.

¹⁴⁹ Родзинская И.Ю. Указ. соч. С. 179.

Но это нельзя отнести к политике помощи, оказанной Англией России в условиях войны. «В те времена в русском флоте и армии служили не только англичане, но и датчане, шведы, немцы, французы, и, в случае ухудшения отношений и даже разрыва между странами, никто не думал отзывать своих подданных», - это вывод принадлежит все той же Ю.В. Родзинской¹⁵⁰.

Но в работе Ю.В. Родзинской и в ряде других исследований отмечается, что Англия не одобряла раздел Польши, хотя официально нигде и никогда об этом не заявляла. Но открыто проявила недовольство передачей такого важного порта и города, как Гданьск, Пруссии. Кроме того, как указывается в научной литературе, Англия официально уведомила Петербург, что останется нейтральной, в случае объявления войны России со стороны Швеции, но будет пресекать все стремления Франции, направленные на оказание военной помощи Швеции¹⁵¹. Для английской дипломатии, по словам автора исследования, оставались безразличны территориальные приобретения на Азовском побережье и независимость Крыма, однако открытие Черноморских проливов для русских торговых судов Лондон считал недопустимым¹⁵².

Мы считаем, что, как и в случае с Австрией и Пруссией, Англия прибегла к двойным стандартам. И хотя Ю.В. Родзинская не озвучивает это однозначно, приводимые ею факты и обобщения свидетельствуют именно об этом. Она указывает на то, что на позицию официального Лондона не стоит смотреть упрощенно, так как намечались первые задатки противоречий, которые вылились в открытое противостояние в 1850-х гг.¹⁵³.

Важен и вывод И.Ю. Родзинской, согласно которому, Англия даже не рассматривала возможность вступления в войну с Турцией. Лондон отказывался от признания войны в качестве *casus foederis*¹⁵⁴ с Россией.

¹⁵⁰ Там же. С. 180.

¹⁵¹ Там же. С. 185.

¹⁵² Там же. С. 189.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ *Casus foederis* – казус договора (лат. яз).

Вместе с тем английская сторона готова была оказать (и оказывала) российской стороне содействие, которое не противоречило британским интересам. Конечно, оказываемая России помощь не была со стороны Англии бескорыстной, Лондон рассчитывал, что Россия будет признательна и благодарна. Кроме того, Англия рассчитывала на помощь России в противостоянии Лондона и Парижа как в Балтийском, так и в Средиземном морях. На это же рассчитывала и Россия. Политика по нейтрализации Франции, таким образом, стала главной точкой соприкосновения России и Англии, которая поддержала Петербург в войне с Турцией¹⁵⁵.

Ряд исследователей указывают на то, что благодаря «Северной системе» из-под сферы влияния Франции удалось вывести Австрийскую империю¹⁵⁶, хотя убедительных доказательств этому не приводят.

Но нельзя согласиться как с оценкой С.В. Бахрушина и С.Д. Сказкина (о том, что идея Корфа-Панина провалилась)¹⁵⁷, так и с обобщениями В.Н. Виноградова. Последний оценивал «Северную систему» как некое аморфное и недееспособное образование¹⁵⁸. По нашему мнению, В.Н. Виноградов лишь повторял обобщения В.О. Ключевского и С.М. Соловьева¹⁵⁹, крайне критически относившихся к этой идее Н.И. Панина и ее возможной реализации на практике¹⁶⁰. Но даже если признать свершившимся фактом «нейтрализацию» (а правильнее сказать – «сдерживание») Австрии, то уже сама попытка создания «Северной системы» стоила затраченных усилий¹⁶¹.

¹⁵⁵ Родзинская И.Ю. Указ. соч. С. 190.

¹⁵⁶ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 197, 206.

¹⁵⁷ Бахрушин С.В. Сказкин С.Д. Дипломатия Европейских государств в XVIII веке // История дипломатии. М., 1941. Т. 1. С. 288.

¹⁵⁸ См.: Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 131-150.

¹⁵⁹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х книгах М., 1993. Т. 3. С. 230-231; Соловьев С.М. Сочинения. М., 1995. Кн. XIV. С. 316.

¹⁶⁰ Гаврюшкин А.В. Указ соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

¹⁶¹ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 74-75.

Однако П.В. Стегний убежден в обратном. По его мнению, налаживание сотрудничества с Австрийской империей перечеркивало все усилия внешнеполитического ведомства Российской империи по созданию «Северной системы»¹⁶².

Как мы отмечали выше, авторы акцентируют внимание на том, что Франция упорно отстаивала идею создания так называемого «Восточного барьера» (союз противостоящих России стран, с помощью которых рассчитывала преградить России выход не только в Западную Европу, но и на юг – к Черному морю) в этом советские и российские историки, пожалуй, консолидировались¹⁶³.

Однако ничем не подкрепленными остаются утверждения постсоветских историков о том, что по сути Польша стала дипломатической «игрушкой» Российской империи¹⁶⁴. Возникает вопрос: если это так, то было бы возможным появление в Польше конфедератов, развернулась бы вооруженное противостояние последних с регулярными частями русской армии?

Осложнившийся в начале 1760-х гг. польский вопрос выступает как составная часть русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Поэтому не случайно военный конфликт Российской империи с Польшей в 1768-1772 гг. исследователи характеризуют термином «польская война»¹⁶⁵.

Советский военный историк Л.Г. Бескровный однозначен в своем утверждении, что поводом для объявления Турцией войны России явились события, развернувшиеся в Польше в середине 1760-х гг. Вместе с тем,

¹⁶² Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М., 2002. С. 135.

¹⁶³ Дружинина Е.И. Указ.соч. С. 72; См., также: Клокман Ю.Р. Борьба России с Турцией за Северное Причерноморье и Крым во второй половине XVIII в. // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968. С. 131-133; Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 50-52.

¹⁶⁴ Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. С. 266.

¹⁶⁵ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. От Нарвы до Парижа. 1700-1814 гг. М., 1992. С. 122.

считаем спорным его вывод о том, что союз с Турцией вызвал обострение в самой Польше¹⁶⁶.

Российский военный историк М.И. Богданович, смешивая такие понятия, как предпосылки, причины и повод к войне, отмечал, что невозможно было ликвидировать сами поводы к войне, поскольку набеги крымских татар на южные российские регионы оставались, по сути, безнаказанными.

По мнению М.И. Богдановича, Екатерина II давно (еще до восшествия на престол) вынашивала планы нанести сокрушительное военное поражение Крымскому хану, обезопасив, тем самым, южные границы. И только ситуация, сложившаяся после 1763 г. в Речи Посполитой отвлекло внимание императрицы от реализации ее идей.

Избранный, под давлением российской стороны, польский король Станислав Понятовский - человек образованный, но слабый характером - не смог обеспечить порядок в стране и ликвидировать существующую политическую оппозицию, которая пошла на сближение с Турцией¹⁶⁷.

Необходимо разобраться в позиции М.И. Богдановича, чтобы понять ход его мысли, определиться с противоречиями в изложении событий, сделанном этим автором.

После смерти в сентябре 1763 г. польского короля Августа III в Речи Посполитой разразился политический кризис. По отзывам как современных эпохе авторов, так и исследователей других этапов, польское дворянство, возглавляемое аристократией, находилось в состоянии морального разложения¹⁶⁸. Для ряда советских авторов было свойственно акцентировать

¹⁶⁶ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). С. 462.

¹⁶⁷ Богданович М.И. Русская армия в век Екатерины Великой // Военный сборник. 1873. № 12. С. 191.

¹⁶⁸ См.: Соловьев С.М. История падения Польши. М., 1863; Дайри Н. Крушение Польского государства в XVIII веке // Исторический журнал. 1939. № 10; Иваницкий С.Ф. Польша во второй половине XVIII века и возникновение Барской конфедерации // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. 1939. Т. 22; Его же. Первый период Барской конфедерации // Ученые записки Ленинградского

внимание на кризис в сферах государственной и общественной жизни, в национальном хозяйстве, бедствии «народных масс», на перманентной борьбе магнатских партий¹⁶⁹, на том, что в результате политической анархии Речь Посполита оказалась в состоянии полнейшего государственного «развала» и не имела ни какого авторитета в Европе. Как считал Л.Г. Бескровный, Польша находилась в это время «в состоянии полного развала» и не могла оказать сколько-нибудь серьезного влияния на европейскую политику¹⁷⁰. Повсеместно шла борьба между группировками шляхты. Последняя считала, что обладает узаконенным правом создавать политические союзы (конфедерации) и бороться против центральных властей, осуществлявших неустраивающую их политику¹⁷¹.

Консолидированная оценка отечественных историков состояла в том, что XVIII в. в истории Польши — это время окончательного ее разрушения и потери политической самостоятельности.

Однако исследователи считали, что не стоит приписывать все беды Польши исключительно только России. Так, С.Ф. Иваницкий приводит размышления «глубоко субъективного» французского писателя К. Рюльера, который «все дурное» в Польше приписывал российской стороне. Однако тот же К. Рюльер, который имел в Варшаве доступ ко всем архивам и которого никак нельзя заподозрить в желании «опозорить конфедератов», прямо утверждал, что уже первые действия конфедератов ознаменовались такими насилиями, что они быстро приобрели у населения славу «разбойников»¹⁷². Екатерина II в своей политической переписке характеризовала тех же

государственного педагогического института. 1941. Т. 45; Носов Б.В. Польский вопрос в отношениях Петербурга с державами «фамильного пакта» и Турцией в 1764-1766 гг. // Славянские народы: Общность истории и культуры. М., 2000; Его же. Представления о Польше в правящих кругах России в 60-е годы XVIII века, накануне первого раздела Речи Посполитой // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000; и др.

¹⁶⁹ Дайри Н. Крушение Польского государства в XVIII веке. С. 17.

¹⁷⁰ См.: Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958.

¹⁷¹ Дайри Н. Указ. соч. С. 20; Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. С. 56.

¹⁷² Иваницкий С.Ф. Польша во второй половине XVIII века и возникновение Барской конфедерации. С. 180.

Барских конфедератов, как «толпу неучей», чем косвенно подтверждала оценку К. Рюльера¹⁷³.

Отчасти с такой оценкой конфедератов, привлекая к анализу действий последних исследования других авторов, можно согласиться. Однако из приведенного С.Ф. Иваницким высказывания К. Рюльера непонятно, к какому времени противостояния конфедератов с русскими властями относится эта «тирада»: к началу выступления конфедератов, когда их поддерживало подавляющее большинство населения Польши, или к началу 1770-х гг., когда от военного противостояния польский обыватель уже устал, а конфедераты, став равнодушно относиться к проявлению мародерства в своих рядах, теряли общественную поддержку?

По мнению А.Б. Каменского, Екатерина II вынашивала планы возвести на польский престол своего ставленника уже в 1762 г., а в год смерти Августа III активизировала свои усилия. Она нейтрализовала европейские державы, в частности Пруссию, заключив с ней союзный договор (1764 г.), согласно одному из пунктов которого обе страны должны были содействовать сохранению существующего в Польше политического строя. На взгляд А.Б. Каменского, данный договор предопределил невозможность вмешательства в польские дела как Австрии, так и Франции¹⁷⁴. Правда исследователь забывает, что - втайне от России - Пруссия еще в 1763 г. заключила Губертсбургский мирный договор с Австрией¹⁷⁵, большинство статей которого противоречили договору Фридриха II с Екатериной II.

Но политическое и дипломатическое противостояние в Польше, после возведения на престол русского ставленника Станислава-Августа Понятовского, как указывали отечественные исследователи, не закончилось, так как Россия перенесла внимание с вопроса о престолонаследии на

¹⁷³ Политическая переписка императрицы Екатерины II. СПб., 1893. Т. 87. 1768-1769. С. 92.

¹⁷⁴ Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. С. 266.

¹⁷⁵ Гендель Г.М. Позиция Пруссии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 124.

проблему преследования в Польше православных и протестантов (так называемый «Диссидентский вопрос» или дискриминация не католического населения)¹⁷⁶. Подобная ситуация не могла не сказаться на взаимоотношениях католической Польши с православной Россией, но и с такими странами, как Австрия, Англия, Пруссия.

Однако данный аспект («Диссидентский вопрос») в отечественной историографии разработан еще недостаточно. И это не случайно, так как внимание уделялось исключительно Российской империи, а не странам с иными религиозными деноминациями¹⁷⁷.

А.В. Гаврюшкин считает, что внешнеполитические интересы как России, так и Польши не противоречили друг другу. Российская сторона имела своей целью достижение прочного мира на границе с Польшей, что, учитывая нестабильность в Европе, было необходимо для страны. Но политическая нестабильность в Польше предопределила вмешательство России во внутренние дела соседней страны. Исследователь, правда, оговаривается, что все делалось «и грубо, и жестоко», но в духе политических нравов XVIII в.¹⁷⁸.

Не вступая в дискуссию с автором, стоит отметить, что Россия имела в своем распоряжении и другие *дипломатические* возможности, которые бы позволили избежать военных действий в самой Польше, а быть может и столкновения с Турцией.

По нашему мнению, в отечественной исторической литературе непроработан в достаточной степени вопрос о месте и роли Н.В Репнина. С 1764 г. он занимал пост российского «полномочного министра» в Польше. А

¹⁷⁶ Дружинина Е.И. Ключук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). С. 82.

¹⁷⁷ См.: Аржакова Л.М. Диссидентский вопрос и падение Речи Посполитой (дореволюционная отечественная историография проблемы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 1. С. 31-39.

¹⁷⁸ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

именно его действия во многом предопределили противостояние российских властей с польской оппозицией и с самой Турцией¹⁷⁹.

На резкость в политике Н.В. Репнина указывал еще М.И. Богданович, который отмечал, что российский представитель направил в сейм очень резкую по содержанию ноту, требуя возврата прав православным и протестантам. Его позицию поддержали прусские, английские, шведские и датские дипломаты¹⁸⁰. Сейм Речи Посполитой естественно не мог позволить такого обращения, хотя бы и поддержанного рядом государств, и решительно отверг ноту.

Справедливости ради стоит отметить, поначалу Н.В. Репнин хотел опереться на «партию» Чарторыйских, которая пришла к власти после сейма 7 мая 1764 г., созданного для избрания короля.

Исследователь Н. Дайри, указывал на то, что присутствие в Польше русских войск придало силу Чарторыйским. Их противники – Радзивиллы, Браницкие, Любомирские, Потоцкие, заявив протест, ушли с сейма. Королем стал Станислав Понятовский. Партия Чарторыйских-Репнина выработала и утвердила новый порядок проведения заседаний Сейма, отменила обязательность инструкций для послов сейма и *liberum veto* для решения вопросов, связанных с национальной экономикой, вернула городское самоуправление, реформировала деятельность судов и др. Но, как считал Н. Дайри, Чарторыйские ошиблись, рассчитывая использовать Россию и ее дипломатического представителя Репнина, как инструмент собственной политики. Россия поставила перед Польшей вопрос о заключении военного союза, что означало, по сути, протекторат Российской империи над Речью

¹⁷⁹ См.: Бантыш-Каменский Д.Н. 31-й генерал-фельдмаршал князь Николай Васильевич Репнин // Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Репринтное воспроизведение издания 1840 года. Пушкино., 1991. Ч. 2; Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 84-89.

¹⁸⁰ Богданович М.И. Русская армия в век Екатерины Великой // Военный сборник. 1873. № 12. С. 192.

Посполитой. Чарторыйские отказались, русская сторона приняла решение сделать ставку на их противников, отменив все предпринятые реформы¹⁸¹.

А.В. Гаврюшкин оценивает ситуацию иначе, его выводы отличаются как от обобщений М.И. Богдановича, так и подходов Н. Дайри. По мнению А.В. Гаврюшкина, Чарторыйские поддерживали отношения с российскими дипломатами в Польше (сначала с Германом фон Кейзерлингом, а затем и с Н.В. Репниным) до тех пор, пока нуждались в их поддержке. Причем взаимоотношения были взаимными, российской дипломатической миссии в Польше удалось провести на трон Станислава Понятовского. Но как только Репнин получил подтверждения в их «политической алчности», он тут же отказался от их услуг¹⁸².

Отставка Чарторыжских способствовала и ускорению процесса заключения оборонительного союза между Польшей и Россией, что и произошло 13 (24) февраля 1767 года.

Насколько в действительности вся эти дипломатические демарши, эта политика и этот союз был полезен и России и Польше?

В работе того же А.В. Гаврюшкина указано на то, что этот дипломатический триумф «таил в себе зерна будущих бед», причем – как для Польши, так и для России¹⁸³. И первым пострадал сам же Н.В. Репнин, которого, благодаря противодействию и критике со стороны известного сановника М.Н. Волконского, Екатерина II отозвала из Польши. С.М. Соловьев, наоборот, критикуя и М.Н. Волконского, и саму Екатерину II, считал решение об отставке Н.В. Репнина ошибкой, указывая на то, что противники России расценили данный шаг императрицы, как признак политической слабости и политических колебаний¹⁸⁴.

¹⁸¹ Дайри Н. Указ. соч. С. 22-23.

¹⁸² Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ См.: Соловьев С.М. История падения Польши. М., 1863.

В связи с анализом представленных в отечественной исторической литературе событий в Польше в 1760-х гг., стоит указать на то, что недостаточно разработанной остается тема создания, места и роли Барской конфедерации (от 29 февраля 1768 г.) – политическому союзу (временному) польской шляхты - и как реакции на подписание еще в начале февраля 1767 г. союзного (между польским королем и Екатериной II) трактата, как реакции на арест в начале октября 1767 г. ряда влиятельных польских политиков, и как противовес пророссийским – Слуцкой, Торуньской, Радомской - конфедерациям¹⁸⁵.

С.М. Соловьев критически отзывался о Барской конфедерации, считая, что это восстание было не народным, а одной лишь шляхты, так как польские «обыватели» не могли совместить в своем сознании лозунги «за веру» и «за свободу». За «веру» невозможно было агитировать, не доказав притеснения верующих, а «свободой» в Польше, по мнению С.М. Соловьева пользовались только представители шляхты, и то, только для создания конфедерации, направленных друг против друга¹⁸⁶.

С.Ф. Иваницкий, развивая мысль С.М. Соловьева, отмечал, что придерживаясь лозунга «за веру и свободу», барские конфедераты, осознано или нет, но позиционировали себя, как двойственное по природе движение. Барская конфедерация ставила своей целью борьбу против стремления Российской империи подчинить себе польские территории, барская конфедерация боролась за целостность и независимость польских территорий, - с этих позиций она представляла собой прогрессивное движение. Но понимая под «свободой» права и привилегии только польского дворянства (шляхты), рассчитывая (это С.Ф. Иваницкий подчеркивал особо) сохранить «разлагавшийся феодально-крепостнический строй», и защищая

¹⁸⁵ Мулина С.А. Барские конфедераты в современной польской памяти и историографии // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 160-161.

¹⁸⁶ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 76.

исключительно католическую веру в борьбе против того же православия, Барская конфедерация выступала как реакционное движение¹⁸⁷.

Однако последующее утверждение автора вступало в противоречие с предыдущим: «Барская конфедерация не только была движением чисто шляхетским, но она захватила главным образом наиболее отсталые слои мелкой рядовой шляхты, консервативной и реакционной в своей массе. Идеалом этой шляхты, как видно из всех актов, универсалов и манифестов, являлось восстановление в полной неприкосновенности “золотой вольности” и “стародавних польских прав”, которые отождествлялись с сохранением не только феодально-крепостнического хозяйства, но и того политического строя, который нашел свое классическое выражение в заявлении, что “Polska nierzterdam stoi”¹⁸⁸.

То есть, ни о какой «двойственной природе» барских конфедератов говорить не приходится. Советские исследователи (как, впрочем, и их предшественники, тот же С.М. Соловьев) не смогли охарактеризовать однозначно социальный состав этого движения, его цели и задачи, акцентируя внимание лишь на общем лозунге «за веру и свободу».

И современные историки считают, что единственная цель создания Барской конфедерации это лишь сохранение привилегий польской шляхты и противостояние усилиям России в решении «Диссидентского вопроса»¹⁸⁹. Тем самым польской шляхтой демонстрировался фактор преемственности в «борьбе за независимость». Но до сих пор остуются без ответов множество вопросов, связанных с зарождением и эволюцией конфедеративного движения в Польше в 1760-х гг.

¹⁸⁷ Иваницкий С.Ф. Польша во второй половине XVIII века и возникновение Барской конфедерации С. 180.

¹⁸⁸ Там же. С. 183.

¹⁸⁹ См.: Аржакова Л.М. Диссидентский вопрос и падение Речи Посполитой (дореволюционная отечественная историография проблемы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 1. С. 31-39.

Не убедительно звучат и рассуждения о том, что для Российской империи равноправие религиозных диссидентов с католиками, свобода вероисповедания выступали исключительно как средство для создания в Польше политической «партии», благодаря которой удастся влиять на население, и, прикрываясь «гарантиями», вмешиваться во внутренние польские дела. Совершенно естественно то, что противостояние давлению со стороны России, покушавшейся на «свободу и независимость» шляхты должна слиться с борьбой за рост влияния в обществе римско-католической церкви, за ликвидацию диссидентства, (как православия, так и протестантизма)¹⁹⁰.

И уж совсем по марксистской схеме ставился вопрос: могла ли Барская конфедерация трансформироваться в широкое освободительное движение, если бы шляхта сумела втянуть в борьбу народные массы, пожертвовав частично своими сословными интересами, что привело бы к оздоровлению социального организма Польши и создало условия ее освобождения?»

По той же схеме давался исследователем ответ: поскольку польское дворянство (шляхта) стремилась сохранить исключительно свои сословные привилегии, и вело борьбу с Российской империи без «опоры на народ», то движение конфедератов становилось все более реакционным, так как дворянская свобода подразумевала консервацию существовавшего в Польше «феодально-крепостнического строя», а с учетом проживавших на территории страны украинского и белорусского народов – их дальнейшее порабощение¹⁹¹.

26 марта 1768 г., как известно, Понятовский обратился к России с просьбой о военном вмешательстве. В Польшу были введены русские войска. А.Б. Каменский отмечает - под командованием А.В. Суворова¹⁹². Но это не так, А.В. Суворов всего лишь был полковником, командуя бригадой,

¹⁹⁰ Иваницкий С.Ф. Польша во второй половине XVIII века и возникновение Барской конфедерации. С. 186.

¹⁹¹ Иваницкий С.Ф. Первый период Барской конфедерации. С. 225.

¹⁹² Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. С. 268.

составленной из Смоленского, Суздальского и Нижегородского мушкетерских полков.

С этого момента в Польше развернулись широкомасштабные военные операции.

А.В. Гаврюшкин указывает на то, что близость границы с Австрией давала возможность конфедератам получить там убежище. Кроме того конфедераты целенаправленно старались перенести свои действия и к турецкой границе. Последний факт рано или поздно мог вызвать недовольство в Константинополе (Российский посланник в Турции, А.М. Обресков, сообщал, что в стране отмечен рост воинственной риторики и соответствующих настроений, - и этот факт приводится в исследовательских работах неоднократно), а боевые действия в результате провокации, или просто произвольно, перекинуться на турецкую территорию¹⁹³, что, в конце концов, и произошло. Е.И. Дружинина и П.П. Черкасов солидарны в своих мнениях в том, что французская дипломатическая миссия сознательно их поддерживала, указывая турецким властям на то, что российская сторона не принимает никаких мер к обузданию конфедератов, что позволяет держать в Польше достаточно большой по численности воинский контингент¹⁹⁴. Как отмечает П.П. Черкасов, в течение пяти лет, с 1763 г. по 1768 г. российский посланник успешно нейтрализовал все попытки французских дипломатов столкнуть Турцию с Россией¹⁹⁵, но после начала боевых действий в Польше сдерживать натиск французских оппонентов становилось все сложнее, а к осени 1768 г. – уже практически невозможно. Не помогали ни подкупы чиновников, ни заверения в том, что русские

¹⁹³ Гаврюшкин А.В. Указ.соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

¹⁹⁴ См.: Дружинина Е.И. Русский дипломат А.М. Обресков (XVIII в.) // Исторические записки. М., 1952. Т. 40; Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. // Новая и новейшая история. М., 1996. № 1.

¹⁹⁵ Черкасов П.П. Указ. соч. С. 51-52.

воинские части и подразделения будут выведены из Польши после нормализации обстановки.

Французские дипломаты уже летом 1768 г. рекомендовали Турции готовиться к войне с Россией, убеждая Мустафу III в том, что, занимая Польшу, Российская империя движется в сторону Константинополя¹⁹⁶. В результате осенью Франции (А.Б.Каменский считает, что Австрии¹⁹⁷) удалось убедить Турцию объявить войну России. В связи с мнением А.Б. Каменского стоит напомнить, что еще в 1760 г. Австрия и Россия подписали секретный договор о взаимодействии в случае военного столкновения с Османской империей. Об этом договоре в 1768 г. в Вене и не вспоминали, но австрийский канцлер В.Кауниц обещал, что его страна будет придерживаться нейтралитета, - это мнение А.В.Гаврюшкина¹⁹⁸. П.П.Черкасов отмечал, что Австрия с самого начала войны заняла «двуличную позицию»¹⁹⁹. По убеждению Г.М. Генделя, с началом войны Австрия освободила себя от обязательств по отношению к России, но что Вена будет придерживаться строжайшего нейтралитета²⁰⁰. П.П. Черкасов, развивая свою мысль об «австрийской двуличности», указывает на то, что официальная Вена, подтверждая свое намерение о нейтралитете во время русско-турецкой войны, заключила летом 1771 г. оборонительный союз с Турцией²⁰¹. Г.М. Гендель добавляет, что, ища точки соприкосновения с Турцией, Австрия стремилась к примирению России с Портой. Но – исключительно с одной целью, чтобы Россия не достигла еще больших успехов, и вела мирные переговоры с Константинополем при австрийском посредничестве и на

¹⁹⁶ Якушев М.М. «Разгромленная Турция лежала у ног русской монархии...»: Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года // Военно-исторический журнал. 2021. № 8 (736) /Август. С. 42.

¹⁹⁷ Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. С. 268.

¹⁹⁸ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

¹⁹⁹ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. С. 54.

²⁰⁰ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 191.

²⁰¹ Черкасов П.П. Указ. соч. С. 54.

желательных для Австрии условиях. Екатерина фактически отклонила посредничество Австрии. Турция, еще летом 1770 г. согласилась принять посредничество Австрии²⁰².

Как отмечается в современных исторических работах, «война была неизбежной, но несвоевременной»²⁰³.

Но необходимо уточнить: было ли это утверждение приемлемо для всех этапов отечественной историографии или только для 2000-х гг.? Ведь и в политической переписке Екатерины II невозможно обнаружить однозначный вопрос о неизбежности и несвоевременности войны.

По мнению некоторых отечественных историков, турецкая сторона в течение нескольких лет разрабатывала планы военного столкновения с Российской империей. Доказательством тому могут служить претензии Константинополя к Петербургу из-за возводимых, начиная с 1740-х гг., вдоль ее границ русских крепостей. События, развернувшиеся в граничащей с Турцией Польше – это лишь непосредственный повод к началу военных действий при поддержке Западной Европы²⁰⁴.

И с данным предположением можно было бы согласиться, если подойти к событиям в Польше и к деятельности западноевропейских (в первую очередь французских) дипломатов, как факторам незначительным.

Действительно, благодаря именно событиям в Польше удалось найти повод для объявления войны России. Но это был лишь повод, но не причины.

Исследователи считают, что поводом для военного столкновения послужил инцидент в городе Балте, где нашли укрытие турецко-татарские наемники. Состоявшие на русской военной службе гайдамаки (часть из них состояла на русской службе) разграбили этот город, не принимая во внимание тот факт, что населенный пункт этот находился на турецкой

²⁰² Гендель Г.М. Указ. соч. С. 195.

²⁰³ Виноградов В.Н. Война 1768-1774 гг. - неизбежная, но несвоевременная // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 93-114.

²⁰⁴ См.: Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769-1774 гг. Т. 1: Год 1769. СПб., 1866.

территории²⁰⁵. Эти же отряды гайдамаков взяли и разграбили город Дубоссары (территория Турции). И в Балте и Дубоссарах были ограблены и убиты несколько торговцев – турок.

Названные события упомянуты в большинстве отечественных исследований, но практически нигде не подвергнуты анализу с позиции международного права²⁰⁶.

А.В. Гаврюшкин считает, что инцидент в Балте незначителен, и если бы местный начальник доложил о нем всю правду, то дело не имело бы последствий. Но находившийся в районе Балты французский дипломат барон де Тот подкупил балтское руководство ради отправки в Константинополь сообщения, большая часть информации которого не соответствовала истине²⁰⁷.

Турция предъявила российской стороне ультиматум, в котором содержалось требование передачи нарушителей государственных границ. Однако российские военные власти отказались выдать нарушителей, хотя и подвергли их телесным наказаниям на русско-турецкой границе, в присутствии представителей турецкой стороны.

Султан Мустафа III, восприняв реакцию российских властей, как личное оскорбление, приказал арестовать русского посла²⁰⁸, что означало объявление войны (25 сентября 1768 г.)²⁰⁹.

²⁰⁵ Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769-1774 гг. Т. 1: Год 1769. СПб., 1866. С. 109; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). С. 463.

²⁰⁶ См.: Миловский Н.М. О недостаточно исследованных предпосылках и причинах русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в отечественной историографии // Вестник МГОУ. 2022. № 1. С. 80-91.

²⁰⁷ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]; См. также: Алексеев В.А. Барон Франсуа де Тот (Из пыли архива) // Военно-исторические очерки. 1915. № 1.

²⁰⁸ Петров А.Н. Указ. соч. С. 109.

²⁰⁹ Гусейнов Ю.М. Крымский регион в русско-турецкой войне 1768-1774 гг.: некоторые аспекты внешней политики // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2014. Т. 6. № 6 (Ч. 2). С. 68.

Следует согласиться с Е.В. Тарле, который утверждающий, что инициатива открытия военных действий принадлежала исключительно Турции, а не России²¹⁰.

Российская империя вступила в войну 18 ноября 1768 г., когда был опубликован соответствующий манифест. Но, по сути, война уже шла – с союзником Турции, Польшей – с начала весны того же года.

Ни одна из стран, подталкивающих Константинополь к войне, не выступила одним фронтом с ним. Борьбу с Россией Турции пришлось вести лишь в союзе с Барскими конфедератами, - это подчеркивали и Д.П. Бутурлин, и Л.Г. Бескровный²¹¹. И начало русско-турецкой войны, как отмечается в исследовательской литературе, в Речи Посполитой вызвало большие волнения, как в среде центрального правительства, так и у оппозиционно настроенных конфедератов. Последние считали, что Турция одержит победу и ее в борьбе против России поддержит вся Европа²¹².

Русская дипломатия сумела предотвратить создание единого фронта держав против России. Политика «Восточного барьера» потерпела полный крах (оценка Ю.Р. Клокмана)²¹³. Франция в этом раунде проиграла (мнение П.П. Черкасова)²¹⁴.

С.С. Дмитриев указывает, что в России известие о начале войны (поступившее от российских посланников во Франции и Австрии) встретили достаточно спокойно, и первым шагом было создание Совета для обсуждения и согласования всех вопросов, связанных с ведением войны. Первое заседание Совета состоялось 4 ноября 1768 года. На совещании, в

²¹⁰ Тарле Е.В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Ч. 1. С. 4.

²¹¹ См.: Бутурлин Д.П. Картина войн России с Турцией в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I. СПб., 1829. Ч. 1; См., также: Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М. С. 463.

²¹² Гаврюшкин А.В. Указ.соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

²¹³ См.: Клокман Ю.Р. Борьба России с Турцией за Северное Причерноморье и Крым во второй половине XVIII в. // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968. С. 133.

²¹⁴ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. С. 56.

котором приняли участие К.Г. Разумовский, генерал А.М. Голицын и вице-канцлер А.М. Голицын, Н.И. и П.И. Панины, М.Н. Волконский, генерал-прокурор князь А.А. Вяземский, генерал-аншеф З.Г. Чернышев и Г.Г. Орлов было принято решение вести наступательную войну²¹⁵.

Как отмечает П.П. Черкасов, уже 8 ноября Н.И. Панин, пригласив аккредитованных при русском дворе иностранных послов, вручил им циркуляр. Текст последнего сводился к заявлению о том, что намерения Российской империи в Речи Посполитой «исключительно миролюбивы и строго соответствуют всем действующим договорам», а потому Россия не давала никакого повода Турции предъявлять какие-либо ультиматумы и уж тем более объявлять войну²¹⁶.

Пруссия и Дания осудили действия Турции, выразив свою поддержку Российской империи. Австрия заявила о нейтралитете. От Франции вообще не поступило никакой реакции²¹⁷.

Но Петербургский двор и не ждал всеобщей поддержки. По мнению В.Н. Виноградова, российская императрица этой нотой повторила сказанную некоторым временем ранее фразу, характеризующую суть внешнеполитического курса России: «Мы ни за кем хвостом не тащимся»²¹⁸. Это – с одной стороны, с другой - нельзя согласиться с убеждением, что Россия начала войну с Турцией, стремясь изгнать из Восточной Европы варварство²¹⁹.

А после распространения указа Екатерины II о начале войны с Оттоманской Портой (31 декабря 1768 г.)²²⁰, 19 января 1769 г. императрица

²¹⁵ Дмитриев С.С. Чесменская победа. М., 1945. С. 7.

²¹⁶ См., также : Политическая переписка императрицы Екатерины II. СПб., 1893. Т. 87. 1768-1769. С. 197-200.

²¹⁷ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. С. 55.

²¹⁸ Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 127.

²¹⁹ Тарле Е.В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Ч. 1. С. 5.

²²⁰ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. С. 55.

обратилась с манифестом к восточноевропейским славянам²²¹, в котором не только призывала поддержать вооруженные силы России, но и подчеркивала историческую связь между славянскими православными народами. Однако, как отмечает исследователь Е.В. Белова, все же «приоритет отдавался русской миссии»²²².

В начале русско-турецкой войны 1768-1774 гг. в лагере русской дипломатии не было единства, но ответ России на откровенно провокационные действия официального Константинополя (арест посла и другое) оцениваются в исследовательской литературе, как бесспорно адекватные в сложившейся ситуации²²³. И хотя Российская империя не была готова к ведению боевых действий на нескольких фронтах сразу (в том числе и внутреннем), она смогла мобилизовать все свои ресурсы.

Война между Россией и Турцией действительно была неизбежной (как утверждал В.Н. Виноградов). Вокруг этих двух империй различными государствами делалось все, чтобы столкнуть их друг с другом. И в этом с позицией В.Н. Виноградова (и ряда других историков) стоит согласиться.

Еще один важнейший вопрос, связанный с анализом предпосылок и причин конфликта: была ли русско-турецкая война 1768-1774 гг. ожидаемой, но несвоевременной (как считал, например, В.Н. Виноградов)? Кризис в отношениях России и Польши, России и Турции, назревавший много лет, достиг критической точки. Польша посчитала, что может решить кризис за счет войны, к такому же выводу пришла и Турция. К войне, как неизбежности, в России – морально – были готовы. Но как всякая война, она была несвоевременной, в России имелось множество внутренних проблем (которые, кстати, обострились в ходе войны).

²²¹ Там же. С. 55.

²²² Белова Е.В. Деятельность П.А. Румянцева по укреплению российских позиций на Украине и в Молдавии в период Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // КЛИО. 2016. № 9 (117). С. 189-195.

²²³ См.: Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771-1775 гг. / Пер. с тур. и предисл. В. Смирнова // Русская старина. 1894. Т. 81. № 3. С. 113-134; № 4. С. 179-208; № 5. С. 144-169.

Суммируем рассмотренные нами различия позиций, имеющих в отечественной историографии относительно вопроса «дипломатия и причины войны 1768-1774 гг.»

Деятельность российской дипломатии периода правления Екатерины II лучшего всего будет понятна, если анализировать ее с точки зрения целесообразности или нецелесообразности, успешности или неудачи в деле осуществления тех государственно-политических задач, которые стояли перед страной. Внешнеполитическая «мораль» российской императрицы была общепринятой в то время: в дипломатических вопросах Екатерина II считалась, прежде всего, с обстоятельствами, со сложившейся обстановкой, к которой дипломаты обязаны «применяться», если не в состоянии ее видоизменить. «Обстоятельства и конъюнктура», - вот главные факторы внешней политики страны, - отмечал в своем исследовании Е.В. Тарле²²⁴, с такой позицией консолидировалось большинство историков.

²²⁴ Тарле В.Е. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Ч. 1. С. 5; Ч. 2. С. 18.

Глава 2. Особенности военных действий в оценках отечественной историографии

2.1. Дискуссионные вопросы начального этапа русско-турецкой войны (1768-1769 гг.)

Основные события этого периода определяют те вопросы, которые до сих пор остаются в центре внимания отечественных исследователей. Вводимый историками в научный оборот новый документальный материал²²⁵, дает возможность серьезной корректировки ранее уже обсуждаемых подходов к рассматриваемым вопросам, а также выдвижения новых гипотез.

Период конца 1768 г. - начала 1769 г. был отмечен манифестами турецких и российских властей об объявлении войны и подготовкой вооруженных сил, действиями конфедератов, вторжением крымских татар в Новороссию и отступление последних, также началом широкомасштабных боевых действий.

В центре внимания исследователей оставалось, в частности, начало деятельности созданного «Совета», который, приняв ряд манифестов, в том числе о вступлении России в войну, циркуляров, обращенных к мировому

²²⁵ См., например: Голованова О.И. «Продолжение известия деиствии Первои ЕЯ Императорскаго Величества армии противъ турокъ» как источник информации Русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг. в Тюменском уезде // Румянцевские чтения - 2010. М., 2010. Ч. 1. С. 72-77; Познахирев В.В. Турецкие военнопленные в Белгородской губернии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, Политология, Экономика, Информатика. Белгород, 2013. Выпуск 26. №. 8 (151). С. 89-93; Федюнина Т.Н. Письма Екатерины II графу А. Г. Орлову как источник для изучения событий русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Серии: «Педагогические науки», «Гуманитарные науки». Воронеж, 2018. № 4 (281). С. 120-122.

сообществу и православным единоверцам в Турции и на Балканах, приступил к разработке плана военных действий и развертывании русских сил на Украине²²⁶.

По мнению А.Н. Петрова, первоначальный план военных действий, который строился на расчетах Военной коллегии и рекомендациях самой императрицы Екатерины II был очень неопределенным в своих целях и задачах, и подразумевал выстраивание пассивной обороны, с помощью которой рассчитывали не допустить прорыва противника в пределы южных районов Российской империи²²⁷.

Е. Аренс и Ф.Ф. Веселаго считали, что изначально предполагалось вести войну наступательно²²⁸.

Л.Г. Бескровный считал, что Совет не считался со сложившейся обстановкой, ни с рекомендациями, предоставленными военными специалистами, в том числе с П.А. Румянцевым, получившим опыт боевых действий в ходе Семилетней войны 1756-1763 гг. Исследователь особо подчеркивал, что со своей стороны Военный совет не давал каких-либо четких указаний относительно введения боевых действий²²⁹.

А.В. Гаврюшкин видел ситуацию несколько иначе. Он считал, что на первых заседаниях Совета было принято – единодушное – решение о том, что военные действия должны быть наступательные, поскольку войну требуется окончить как можно скорее²³⁰. Там же, на Совете, была впервые

²²⁶ См.: Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769-1774 гг. СПб., 1866. Т. 1, 2; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958; Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин: из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

²²⁷ См.: Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769-1774 гг. СПб., 1866. Т. 2. (Год 1770).

²²⁸ См.: Аренс Е. История русского флота. Екатерининский период. СПб., 1896. С. 183; Веселаго Ф.Ф. Краткая история Русского Флота (с начала развития мореплавания до 1825 года) // Веселаго Ф.Ф. Краткая история Русского Флота. М.-Л., 1939. С. 94.

²²⁹ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 466.

²³⁰ Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин: из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

озвучена цель войны (З.Г. Чернышевым), причем - достаточно скромная: получить возможность свободного мореплавания по Черному морю и укрепить западные границы (то есть польские)²³¹.

То есть, единого мнения о том, какие же принял Совет рекомендации, у исследователей нет. Опубликованные источники дают возможность, правда, косвенно, говорить о том, что единого мнения у членов Совета не было, единство проявилось только в одном – нельзя допустить объединения турецких войск и конфедератов и не дать возможности турецким войскам и войскам крымского хана совершать опустошительные рейды вглубь российской территории. То есть, боевые действия предполагалось развернуть на территории противника²³².

Судя по действиям русских армий, командующие последних, хотя и обязаны были выполнять предписание и Военной коллегии и Совета, но действовали сообразно обстановки (например, действие А.М. Голицына, командующего 1-й армией, под Хотиним)²³³.

Остается дискуссионным вопрос о степени готовности русской армии к войне, и с точки зрения комплектования и обеспечения амуницией, и с оценки боевого опыта²³⁴. Что касается последнего, то у исследователей не было и нет сомнения в том, что окончившаяся пять лет назад Семилетняя война 1756-1762 гг. предоставила частям и подразделениям русских армий возможность на практике применить свои знания. Однако отечественные

²³¹ Там же.

²³² Фельдмаршал Румянцев. Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 136-138.

²³³ См.: Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769-1774 гг. СПб., 1866. Т. 1. Гл. 3.

²³⁴ Голованова О.И. «Продолжение известия деиствии Первои ЕЯ Императорскаго Величества арміи противъ турокъ» как источник информации Русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг. в Тюменском уезде // Румянцевские чтения - 2010. М., 2010. Ч. 1. С. 72-77; Ефимов А.М. Пензенцы в Русско-турецкой войне 1768-1774 гг. // Вестник военно-исторических исследований. Пенза: ПГУ, 2019. Вып. 10; Желтобородов А.Н. Участие Слободских гусарских полков в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. 2006. Т 7; Цыбаков Д.Л. Участие Орловского пехотного полка в русско-турецкой войне 1768-1774 гг.: от начала военных действий до штурма крепости Бендеры // Вестник государственного и муниципального управления. 2019. Т. 8. № 3 (33).

историки отмечали, что к началу русско-турецкой войны 1768-1774 гг. вооруженные силы пополнились большим количеством совершенно необученных рекрутов. Это, конечно, не могло не сказаться на боеспособности действующей армии, особенно в начале войны²³⁵.

Комплектование частей и подразделений, обеспечение их всем необходимым, уровень подготовки офицерских кадров, - все это вызывало критику и дискуссии исследователей²³⁶.

«Советом» по предложению Военной коллегии было принято решение разделить вооруженные силы, действующие в районе Северного Причерноморья и Крыма на три армии (в ряде документов – корпуса. – *Н.М.*) 1-я – наступательная под командованием А.М. Румянцева, 2-я – оборонительная под командованием П.А. Румянцева и так называемая «обсервационная»²³⁷.

Л.Г. Бескровный добавлял к выше сказанному, что по предложению Военного совета главная роль в боевых действиях отводилась войскам А.М. Голицына, 2-я армия должна была содействовать 1-й в решении оперативных задач²³⁸.

Задачи, стоящие перед армиями определяли численность соединений: в 1-й армии – до 90 тысяч, во 2-й – 40 тысяч человек. Конкретный план действия этих двух армий, как подчеркивал Бескровный, разрабатывался уже после того, как боевые операции начались²³⁹.

²³⁵ Масловский Д.Ф. Ларго-Кагульская операция графа П.А.Румянцева // Военный сборник. 1893. № 8. С. 191; см. также: Шабловский А.Г. Тактика русской полевой артиллерии в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. // Сборник докладов военно-исторической секции. Л., 1960. № 3. С. 116-136.

²³⁶ См.: Меркулов И.В. Российский морской офицерский корпус в царствование Екатерины II: социальные аспекты комплектования командного состава флота: автореф. дисс. ... к.и.н. СПб., 2005.

²³⁷ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

²³⁸ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 466.

²³⁹ Там же.

Исследователи акцентируют внимание на том, что для действий против крымских татар выделялся отдельный корпус (под командованием генерал-поручика М.В. Берга).

Еще один корпус (под командованием генерал-майора И.-Ф. Медема) должен бы развернуть боевые действия на Северном Кавказе²⁴⁰. Исследователь Д.С. Кидирниязов считает, что в начале войны (1769 г.) Кавказу подходили как к второстепенному театру военных действий²⁴¹. Но в скором времени ситуация кардинальным образом изменилась: военное командование убедилось в важности стратегического положения Северного Кавказа, и опасность для России, если местное население поддастся турецкой агитации и выступит на стороне турок.

В связи с этим, как отмечает Д.С. Кидирниязов, перед Медемом ставилась задача «поднимать против турок кавказские племена и поддерживать восстающих», что подразумевало сдержанность, гибкость и настойчивость в отношениях с местным населением²⁴². Этой же позиции придерживается и И.И. Якубова²⁴³.

Еще один русский корпус под командованием генерала Г.К.Г. Тотлебена должен был действовать в Грузии. На анализе исторической литературы, освещающей действие этого корпуса, мы остановимся ниже.

Из событий 1769 г. стоит отметить, остающиеся до сих пор предметом обсуждения в исторической литературе, развертывание под Хотиным 1-й

²⁴⁰ Там же. С. 460.

²⁴¹ Кидирниязов Д.С. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и Северный Кавказ // Конституционное и государственное строительство на Юге России: история и современность: 2-е Кадыровские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Референдума 23 марта 2003 года и принятия Конституции Чеченской Республики, г. Грозный, 20 марта 2013 г. Грозный, 2014. С. 356.

²⁴² Кидирниязов Д.С. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и Северный Кавказ. С. 357-358; Кидирниязов Д.С., Алиева У.М. Народы Северокавказского региона в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 2007. Вып. 3. С. 62.

²⁴³ Якубова И.И. Политика России на Центральном Кавказе в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989. С. 27, 30.

русской армией боевых действий, продолжавшихся с переменным успехом до конца июля и приведшие к смене командующего армией А.М. Голицына П.А.Румянцевым; назначение П.И. Панина командующим 2-й армией вместо графа П.А. Румянцева; поражение польских конфедератов от русских войск под Львовым в июле; создание Азовской флотилии; взятие русскими войсками Азова и Таганрога; начало перехода 1-й Архипелагской эскадры под руководством адмирала Г.А. Спиридова из Балтийского в Средиземное море. (Подробное изложение русских войск против конфедератов и турок в 1768-1769 гг. представлено в 1-й томе работы А.Н. Петрова.)

По нашему мнению, более значительными (и дискуссионными) остаются иные события начала русско-турецкой войны.

Уже первый год боевых действий, как отмечают исследователи, выявил тот факт, что русская армия, хотя и насчитывала в своем составе 278 тысяч рядовых и офицеров, не была полностью готова к военным действиям. Не был обеспечен обмундированием рядовой состав частей и подразделений русской армии, не все младшие и средние офицеры успели прибыть к месту своей службы в действующей армии накануне боевых действий, – акцентируют на этом внимание исследователи²⁴⁴.

Один из авторов многотомной «Истории русской армии» Н.В. Новиков отмечал, что объявление Османской империей войны России не было неожиданным, но российская сторона к противостоянию готова не была. Начавшаяся война «обещала быть» долгой, а условия для ее ведения складывались для русской армии не очень благоприятно. Это - мнение историка XIX – начал XX вв.²⁴⁵. В принципе и в работах историков конца XX

²⁴⁴ Белова Е.В. Деятельность П.А. Румянцева по укреплению российских позиций на Украине и в Молдавии в период Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // КЛИО. 2016. № 9 (117). С. 189-195.

²⁴⁵ Лефорт А.А. Царствование государыни императрицы Екатерины II. М., 1837. С. 1-2; Новиков Н.В. Первая русско-турецкая война // История русской армии. М., 1912. Т. 8. С. 45.

– начала XXI вв. от подобных оценок не отказались²⁴⁶. Быть может, исключение составляла позиция Г.А. Санина, который правда с оговорками, но был уверен в том, что русско-турецкая война 1768-1774 гг. была одной из немногих, к которой Российская империя была более-менее готова²⁴⁷. Правда доводов в обоснование своей позиции историк не приводит.

Но и турецкая армия отличалась готовностью к боевым действиям.

По данным А.В. Гаврюшкина, у высшего военного руководства России были сведения о том, что турецкая армия получила приказ сконцентрировать свои основные силы в районах Адрианополя и Бабадага.

В Петербурге предполагали, что направление главного удара противника - Польша. Действительно, как было подтверждено данными из разных источников, турки планировали в районе Хотина форсировать Днепр, взять Варшаву, и двинуться по направлению к Киеву и Смоленску. Одновременно 100 тысяч крымских татар должны были начать действия в Северном Причерноморье, оттягивая на себя часть русских армий²⁴⁸.

Л.Г. Бескровный добавляет: турки предполагали совершить отвлекающий маневр – двинуть 50-тысячную армию через Северный Кавказ в направлении на Астрахань. Турецкое военное командование планировало осуществить ряд отвлекающих операций – с привлечением горцев и закубанских татар - в районе Азова²⁴⁹.

По данным А.Н. Петрова общая численность войск Турции должна была составлять 600 тысяч человек²⁵⁰. Ю.Р. Клокман, указывая на то, что хотя эти данные о численности турецкой армии и недостоверны (как,

²⁴⁶ Военно-морской историк Е. Аренс отмечал, что «всегда готовиться и никогда не быть готовым, - такова неизбежная участь вооруженных сил государства. (См.: Аренс Е. История русского флота. Екатерининский период. СПб., 1897. С. 189.)

²⁴⁷ Санин Г.А. Проблема Проливов в годы русско-турецкой войны (1768-1774 гг.) // Россия и черноморские проливы (XVIII-XX столетия). М., 1999. С. 53.

²⁴⁸ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

²⁴⁹ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 463.

²⁵⁰ Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 гг. СПб., 1866. Т. 1. С. 108.

впрочем, и данные 400 тысячном составе), русская армия все равно уступала по численности противнику более чем в два раза. Но учитывая протяженность, - акцентировал на этом внимание Ю.Р. Клокман, - необходимость действия русских войск на значительном отрыве от баз снабжения, численное превосходство турецких войск сказывалось особенно чувствительно²⁵¹.

Л.Г. Бескровный отмечал, что П.А. Румянцев допускал почти четырехкратное превышение численности турецких войск над русскими, но для него главным был другой фактор – стремление не допустить прорыва противника в Польшу и далее в России, а для этого необходимо было сосредоточить основные силы русских армий на наиболее опасных участках фронта²⁵².

Анализируя стратегические планы российского и турецкого военных командований, исследователь Л.Г. Бескровный останавливается не столько на численности, сколько на технической составляющей турецкой армии, на ее «моральном духе». Турция фактически не располагала регулярной армией. Кадровыми частями можно было считать только корпус янычар (70 – 80 тысяч). Ополчение же, созывавшееся на случай войны, не имела ни боевого опыта, ни военной подготовки, ни желания воевать (на это указывал еще в 1830-х гг. А.А. Лефорт)²⁵³. Турецкая армия не была знакома ни с линейной тактикой, ни с регулярным строем. Пехота по численности уступала коннице. Артиллерийский парк не отвечал новейшим требованиям ведения боевых действий²⁵⁴. И это несмотря на то, что поток военного снаряжения (из стран Западной Европы) в Турцию постоянно возрастал²⁵⁵.

²⁵¹ См.: Клокман Ю. Р. Борьба России с Турцией за Северное Причерноморье и Крым во второй половине XVIII в. // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968. С. 142.

²⁵² Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 467.

²⁵³ Лефорт А.А. Царствование государыни императрицы Екатерины II. М., 1837. С. 38.

²⁵⁴ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 464. (По данным следующих авторов: Марсильи. Военное состояние Оттоманской империи с ее

К преимуществам османской стороны, отмечают российские исследователи, можно было отнести большой флот²⁵⁶, до 250 вымпелов в 1769 г. Но и личный состав кораблей не имел ни достаточной подготовки, ни боевого опыта. Нанимаемые Турцией иностранные советники и инструктора не могли исправить ситуации из-за недостатка времени, и ряда других субъективных причин (нежелания учитывать религиозные, национальные, ментальные и иные особенности населения Турции)

М.С. Мейер, Ю.А. Каменев и Ю.А. Петросян предлагают также учитывать и тот факт, что еще с начала XVIII в. Турция вступила в стадию перманентного и интегрального кризиса, затронувшего все сферы, что в первую очередь проявилось в ослаблении центральной власти и роста сепаратизма местной властей²⁵⁷. Этот кризис не мог не сказаться и на вооруженных силах Османской империи, офицерском корпусе, подготовке рядового состава, обеспечении армии и техническом оснащении.

М.С. Мейер акцентирует внимание на том, что состояние Османской империи в XVIII в. можно охарактеризовать как «канун потопа», что политика Турции после 1740 г. утрачивала самостоятельность при решении основных вопросов, в том числе и в военном деле, а мировые державы не прочь были использовать в своих интересах сложившуюся политическую ситуацию²⁵⁸. Данный подход европейских стран к Турции лишь усугубил, как считает Ю.А. Петросян, внутривластные проблемы²⁵⁹. Эти оценки

приращением и упадком. СПб., 1737; Ибрагим-эфенди. Изображение тактики, или искусный образ войск установления. СПб., 1777.)

²⁵⁵ Каменев Ю.А. К истории реформ в османской армии в XVIII в. // Тюркологический сборник. 1978. М., 1984. С. 143.

²⁵⁶ Смирнов А.А. Первая попытка создания линейного флота на Черном море 1768-1771 гг. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1988. № 6. С. 56.

²⁵⁷ Каменев Ю.А. Указ. соч. С. 140.

²⁵⁸ Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 204, 211.

²⁵⁹ Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель, Исторические очерки. М., 1990. С. 162-163.

солидаризируются с подходами как исследователей 1970-х гг.²⁶⁰, так и даже с дореволюционными исследованиями (например, В.А. Ульяницкого)²⁶¹.

Еще один важнейший момент, подмеченный Л.В. Зелениной и В.И. Шереметом: Турция рассчитывала опереться в борьбе с Россией на так называемую «третью силу» - народы, лишь минимально зависимые от Константинополя. Однако война стала развиваться по иной, чем планировалось, внутренней логике событий и последовательностей. Стараясь привлечь на свою сторону население Северного Кавказа и Закавказья, Северного Причерноморья, Константинополь постепенно, предоставляя своим сателлитам все больше прав, утрачивала за ними контроль. В результате, был спровоцирован практически неуправляемый механизм «этносоциальные и религиозно-политические предпочтения» населения того или иного региона²⁶².

То есть, по мнению исследователей, турецкая сторона изначально допустила стратегические расчеты уже в период подготовки к войне и на начальной стадии боевых действий.

М.И. Богданович отмечает, что Екатерина II, считая, что турки еще не были готовы к войне и не могли начать действия ранее весны следующего года, воспользовалась временем для усиления войск в Польше²⁶³. Но все же русское военное командование пропустило начало первого рейда противника на саму территорию Российской империи.

Ю.Р. Клокман указывает на то, что военные действия начались набегом крымских татар уже в ноябре 1768 г.²⁶⁴ Перейдя границу, крымская конница

²⁶⁰ Синица В.И. Балканский вопрос в политике России (1768-1774 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. Минск, 1974. С. 17-18.

²⁶¹ См.: Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883.

²⁶² Зеленина Л.В., Шеремет В.И. Черное море: «русские берега у турецкого озера?» // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 2000. С. 109.

²⁶³ Богданович М.И. Русская армия в век Екатерины Великой // Военный сборник. 1873. № 12. С. 196.

²⁶⁴ См.: Клокман Ю.Р. Борьба России с Турцией за Северное Причерноморье и Крым во второй половине XVIII в. // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968. С. 144.

вторглась в Россию: часть татар двинулась в Елисаветградскую провинцию, два других отряда - к Бахмуту и Волчьим водам (что подтверждается документально - реляциями П.А. Румянцева к Екатерине II²⁶⁵). В результате рейдов была опустошена территория Украины до Бахмута на востоке и Елисаветграда на западе. В Елисаветградской провинции было захвачено и уведено более 1 тысячи пленных, а также много скота, сожжено более 1 тысячи домов. В районе Бахмута татарский отряд захватил около 800 пленных, опустошив окрестности²⁶⁶. Крымскими отрядами была, по сути, разорена вся Новосербия – административная единица Новороссийского края России, заселенная, согласно указу Екатерины II, православными славянами из Сербии, Черногории, Македонии, Валахии и Молдавии.

И.В. Белова приводит данные о действии «ханского обоза с 70 тысячным войском», главная задача которого заключалось в том, чтобы обойти русскую армию на флангах, уничтожить ряд приднестровских сел (Парканы, Терновка, Суклея, Карагаш, Слободзея), дабы постараться разрушить коммуникации столь важные для противника²⁶⁷.

Этой же позиции придерживается и А.В. Гаврюшкин, добавляющий к сказанному исследователем Е.В. Беловой - крымские татары уже в самом начале боевых действий рассчитывали выйти на территорию Речи Посполитой²⁶⁸.

Но дело даже не в численности татарско-крымских отрядов и не в направлении их действий, и даже не в итогах этих рейдов (не получив поддержки, эти отряды были разбиты, и с большими потерями отброшены

²⁶⁵ Фельдмаршал Румянцева. Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 136-138.

²⁶⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. Т. 28. С. 288.

²⁶⁷ Белова Е.В. Деятельность П.А. Румянцева по укреплению российских позиций на Украине и в Молдавии в период Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // КЛИО. 2016. № 9 (117). С. 189-195.

²⁶⁸ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

обратно на территорию Крымского полуострова)²⁶⁹. Важным было то, что несогласованность действий турецкой армии и ее союзников уже на начальной стадии войны привела к поражению и потерям.

Важно и другое: это были последние татарские набеги со стороны Крыма. Набеги эти предрешили судьбу Крымского ханства и предопределили необходимость продвижения России к Черному морю, закреплению на его берегах, создания военных баз и Черноморского военноморского флота, - таково мнение А. Брикнера²⁷⁰.

В.Д. Смирнов добавлял, что это нашествие было не только последним, но и самым «затейливым»²⁷¹. Остается непонятным, что автор вкладывал в такое определение. Советские историки повторяли выводы своих предшественников, не заостряя особого внимания на обобщениях.

Излагая ход военных событий в 1769 г. А.Н. Петров отмечал, что главная роль отводилась 1-й армии (еще под командованием А.М. Голицына. – *Н.М.*), которая дважды подступала к важнейшему «узлу» турецких оборонительных линий на северных границах Хотину; провела несколько сражений; вступила в крепость (где «пленила» Молдавского и Валахского господарей). Затем заняла территории этих княжества, дойдя до Дуная.

2-я армия оказалась в иной ситуации: всего несколько боевых стычек с противником арьергардного характера.

Однако стоит обратиться к реляциям П.А. Румянцева, и деятельность 2-й армии под его командованием может быть оценена исследователями совсем по-другому.

²⁶⁹ Клокман Ю.Р. Борьба России с Турцией за Северное Причерноморье и Крым во второй половине XVIII в. // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968. С. 146-147.

²⁷⁰ Брикнер А. История Екатерины Второй. СПб., 1885. Ч. 3. С. 323.

²⁷¹ См.: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889.

А.Н. Петров предпринял попытку проанализировать как действия 1-й, так и 2-й русских армий, чтобы не только дать оценку первых месяцев боевых действий, но – противоборствующим силам в целом.

Исследователь, в частности, указывает на то, что начав продвижение к Хотину, 1-я армия изначально совершила тактическую ошибку, так как, несмотря на всю важность этой турецкой крепости, ее – небольшой по численности - гарнизон не мог бы угрожать русским коммуникациям

Ошибкой А.Н. Петров считает и расположение 1-й армии не на Днестре, а около Менджибожа. Там части и подразделения армии Голицына оставались в бездействии несколько недель, пока не начали отступление за Днестр. Это «бездействие» предоставило возможность турецкой стороне усилить Хотинский гарнизон до 80000 человек. В этом случае коммуникации русских войск оказывались в опасности.

2-я армия под командованием П.А. Румянцева, форсировав Днестр, совершала марш в сторону Буга. Но главнокомандующий не торопился, так как, получив известие о том, что основные силы противника находились на Дунае, не хотел заранее дать возможность туркам определить направление своего движения и численность армии, также ему не были окончательно понятны планы визиря.

Лишь после того как турецкая армия подошла к Рябой могиле, а затем - к Бендерам, П.А. Румянцев, посчитав, что она движется в направлении Новороссии, совершил стремительный марш-бросок к Бугу, рассчитывая остановить здесь противника. Однако командующий 1-й армии, своими передвижениями от Менджибожи к Хотину, открыл турецкой армии путь в Польшу. И армии Румянцева (в три-четыре раза уступавшей противостоящему ей противнику) необходимо перекрыть пространство от Азовского моря до Хотина.

А.Н. Петров указывал на то, что если бы П.А. Румянцев разделил свои силы на мобильные группы, то противник мог бы уничтожить их, благодаря только численному превосходству. Проигрышным было бы и базирование

всей армии в одном месте, с отказом от активных наступательных действий. Так как, действуя, наконец, наступательно, командующий 2-й армии, «обнаружил бы свою (численную. – *Н.М.*) слабость», что могло привести к большим потерям или даже к полному разгрому.

П.А. Румянцев, не разделяя вверенные ему части и подразделения, держа основные силы 2-й армии на значительном расстоянии от противника, не ограничивался только наблюдением за турецкими силами, а высылал отдельные мобильные отряды, которые «действовали наступательно».

Такая тактика не позволяла туркам выяснить численность. С другой стороны, действия русских отрядов были настолько активными, что визирь считал, что 1-й армия по численности в два-три раза больше, чем было в действительности и плотно прикрывает всю границу Новороссии.

Именно этот просчет турецкого командующего и явился причиной того, что турецкая армия, по сути, отказалась от наступательных действий и не решилась вторгнуться в Новороссию.

Когда визирь все же решил перебросить основные силы в район Хотина, П.А. Румянцев двинул основные силы к Бендерам, чем остановил визиря, дал возможность 2-й армии А.М. Голицына совершить отступление от Хотина, а отряду генерала Берга к Крыму парализовать действия крымского хана²⁷².

Л.Г. Бескровный считая, что летняя кампания 1769 года не принесла каких-либо существенных достижений ни той, ни другой стороне²⁷³, сам себе противоречит, указывая на то, что к осени турецкий стратегический план был сорван²⁷⁴.

Кроме того, и дореволюционные и советские историки сбрасывают со счетов военные события, происходившие в 1769 г. на Кавказе, что не

²⁷² См.: Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 гг. СПб., 1866. Т. 1. (Год 1769).

²⁷³ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 469.

²⁷⁴ Там же.

соответствует действительному положению дел на этом участке русско-турецкого фронта.

Турция готовилась осуществить военную экспедицию через Кизляр и Терек в направлении Астрахани, привлекая на свою сторону вооруженные силы мусульманских лидеров Северного Кавказа и Закавказья.

Параллельным направлением «закавказско-астраханского» стратегического плана Турции должна была стать Грузия²⁷⁵.

Л.В. Зеленина и В.И. Шеремет считают, что при разработке этих направлений военных действий турецкое руководство не учло слабость своих политических позиций в этом регионе, а рассчитывать на лидеров балканских пашалыков (область, управляемая пашой) было бы ошибкой²⁷⁶.

Но ошибки стратегического планирования были свойственны и российской стороне. Что и проявилось в частности на Грузинском театре военных действий. А Грузия представляла собой очень важный регион в противостоянии Российской и Османской империй. По мнению О.И. Гигинейшвили, всякий раз, когда в русско-турецких отношениях выдвигался вопрос о Крыме, поднимался вопрос и о Грузии²⁷⁷.

Исследований о действии русских войск и их союзников в Грузии крайне мало. В начале XX в. появилась работа З. Авалова²⁷⁸, в 1945 г. вышла книга Г.Д. Кикодзе²⁷⁹, а в начале 1950-х гг. была защищена диссертация В.Г. Мачарадзе²⁸⁰, и только совсем недавно вышла обстоятельная коллективная монография²⁸¹.

²⁷⁵ Зеленина Л.В., Шеремет В.И. Черное море: «русские берега у турецкого озера?» // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 2000. С. 106-107.

²⁷⁶ Зеленина Л.В., Шеремет В.И. Указ. соч. С. 107.

²⁷⁷ Гигинейшвили О.И. Некоторые вопросы внешней политики Турции в конце XVIII в. // Краткие сообщения института народов Азии. М., 1963. Т. 73. С. 113.

²⁷⁸ См.: Авалов З. Присоединение Грузии к России. СПб., 1906.

²⁷⁹ См.: Кикодзе Г.Д. Ираклий Второй. Тбилиси, 1945.

²⁸⁰ См.: Мачарадзе В.Г. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и Грузия: автореф. дисс. ... к.и.н. Тбилиси, 1953.

²⁸¹ См.: Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII - первой четверти XIX в. М., 2016.

В 1758 г. Имеретинский царь Соломон I и правитель Картли-Кахетии Ираклий II заключили военный союз. Однако Ираклий, из осторожности по отношению к Османской империи, не согласен был двинуть военную силу на помощь Имеретии, считавшейся вассалом Турции. Поэтому Соломон I решил обратиться за покровительством и помощью к российскому правительству.

Исследователь Г.Д. Кикодзе считал, что в Грузии имели более ясное представление о России, чем в России о Грузии²⁸², а в Петербурге - преувеличенное представление о военной мощи Грузии. Там полагали, что Ираклий и Соломон сумеют выставить, по крайней мере, восемьдесят тысяч человек, т.е. приблизительно столько, сколько в то время насчитывалось душ во всем Имеретинском царстве²⁸³. Незнание ситуации привело к просчетам при подготовке и отправке явно малочисленного контингента, и выборе командующего последним.

Еще в сентябре в Грузию прибыл отряд русских войск под командованием Г.К.Г. Тотлебена для совместных действий с Ираклием II. Г.К.Г. Тотлебен не владел ни русским, ни грузинским языкам. Во время совещания с грузинскими правителями ему требовалось два переводчика – с немецкого на русский и с русского на грузинский. Тотлебен не был лишен военного таланта; он принимал участие в Семилетней войне 1756-1763 гг. и командовал войсками, штурмовавшими Берлин; но его «склонность к авантюризму, сомнительное и темное прошлое делали его непригодным на таком ответственном посту, где полководец должен был обладать глубоким политическим умом и дипломатической гибкостью», - так считали советские историки²⁸⁴.

События в Грузии не были оставлены вне внимания высшего руководства России и лично императрицы.

²⁸² Что, в частности, подтверждается и перепиской Екатерины II. См.: Политическая переписка императрицы Екатерины II. СПб., 1893. Т. 87. 1768-1769. С. 290.

²⁸³ Кикодзе Г.Д. Ираклий Второй. Тбилиси, 1945. С. 47-48.

²⁸⁴ Там же. С. 49.

Авторы монографии «Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII - первой четверти XIX в.» указывают, что уже в середине октября 1769 г., то есть буквально через месяц после отправки «русского экспедиционного корпуса» в Грузию в Совете было принято решение увеличить численность русских войск в регионе²⁸⁵.

Г.К.Г. Тотлебену и поверенному России в делах Грузии А. Моуравову ставилась задача скорейшего вовлечения грузинской стороны царей в военные действия против Турции. Екатерина надеялась, что военные действия в Грузии отвлекут турецкие силы с основных фронтов и направлений²⁸⁶.

Как считают исследователи, «Тотлебен и Моуравов не рассматривали Имеретию, как возможно перспективный театр военных действий, так как Западная Грузия считался с экономической точки зрения бедным регионом, где трудно достать достаточного пропитания для воинских частей и фуража для лошадей. И в военно-политическом отношении Имеретия оставалось «слабой». С Соломоном I враждовали правители Мингрелии и Гурии, а главные крепости царства - Багдади, Кутаиси, Поти, Кобулету - были заняты турками. Да и сам имеретинский правитель не проявлял никакой инициативы в борьбе с Османской империей. А. поверенный России в делах Грузии А. Моуравов предлагал заключить союз с картли-кахетинским правителем Ираклия II. Последний был авторитетным во всем Закавказье правителем. В его распоряжении было 15-ти тысячное войско. Но кахетинский правитель считал, что для совместной борьбы нужно было довести действующие в Грузии русские силы до 5 тысяч человек. В этом случае Ираклий II взял бы их на полное обеспечение²⁸⁷.

²⁸⁵ Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII - первой четверти XIX в. С. 88.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Там же. С. 90.

Авторы монографии акцентируют внимание на том, что изначально генерал Г.К.Г. Тотлебен испортил свои отношения с Ираклием, «закрывая глаза» на случае мародерства в солдатской среде²⁸⁸.

Скорее всего, Г.К.Г. Тотлебен не принимал в расчет, что успех русских войск в Грузии зависел от поддержки местного властителя, а доставить в Петербург с жалобу на действия генерала в условиях войны было непросто.

Исследователи отмечают, что процесс взаимоотношений Г.К.Г. Тотлебена с правителями Имерети и Кахетии – это сочетание «европейского авантюризма» эпохи просвещенного абсолютизма и восточной интриги²⁸⁹.

Авторы исследования ставят вопрос о том, в чем же заключалась основная причина, «странного» - для командующего русским экспедиционным корпусом в Кахетии и Имеретии - поведения?

Ответ на этот вопрос, как считают авторы цитируемой монографии, следует искать в особенностях личности генерала Г.К.Г. Тотлебена - в его «патологическом» тщеславии, поразительной подозрительности и ничем не объяснимой склонностью к интриганству. Только этими чертами характера можно объяснить факт появления у генерала - сразу по прибытии в Грузию – собственного стратегического плана о том, как он должен выполнить свои задачи. Он считал, что для успешных действий русского корпуса против сил Османской империи следует в первую очередь покорить Грузию²⁹⁰.

Особенности характера русского командующего – ничем не объяснимая подозрительность, откровенное тщеславие, интриганство, явно авантюрные прожекты по «покорению Грузии», по убеждению историков, обуславливали, в совокупности, действия Г.К.Г. Тотлебена, которые, порой, просто не поддавались логическому объяснению. В итоге вместо боевых действий, в результате которых можно было оттянуть с главного театра

²⁸⁸ Там же. С. 92.

²⁸⁹ Там же. С. 92.

²⁹⁰ Там же. С. 93-94.

военных действий какую-то часть турецкой армии, Тотлебен тратил все время на интриги с грузинскими правителями и с офицерами своего корпуса, - подытоживают историю пребывания русского корпуса в Грузии в 1769 г. отечественные исследователи²⁹¹.

Но на этом «грузинская» история не закончилась и получила свое развитие в начале 1770-х гг.

Историки обращают внимание и на события, происходящие в восточных районах Кавказа и Закавказья.

В 1769 г. были предприняты достаточно успешные попытки нейтрализовать турецкие попытки уговорить выступить против России дагестанских и закавказских властителей, которые, получая достоверную информацию о том, что происходило на основных фронтах, будучи очень осторожными в своих словах и действиях, однозначно заверили российские пограничные власти в своей лояльности. В свою очередь внешнеполитическое ведомство российской империи не жалело средств поддержания своего авторитета в регионе²⁹².

Это мнение не только авторов исследования «Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII - первой четверти XIX в.», но и других историков²⁹³.

В сущности, каких-то спорных аспектов между историками различных этапов не отмечено. Другой вопрос в том, насколько адекватно оценивала центральная власть «концепцию» Г.К.Г. Тотлебена и почему так затягивала с его заменой? Однако ответа в работах указанных авторов нет. Можно предположить, что «грузинское направление» рассматривалось все же не как

²⁹¹ Там же. С.95.

²⁹² Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Указ. соч. С. 115.

²⁹³ См.: Мачарадзе В.Г. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и Грузия: автореф. дисс. ... к.и.н. Тбилиси, 1953; Колесников И.Н. Особенности политических устремлений Российской Империи в Грузии: вторая половина XVIII в. - начало XIX в.: автореф. дисс. ... к.и.н. Пятигорск, 2011.

основное, а потому и не стоило ожидать скорой реакции на происходящие в регионе события.

Однако если В.Г. Мачарадзе считал, что в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. фактически сложился русско-грузинский союз²⁹⁴, то З. Авалов оценивал союзные отношения России и Грузии отрицательно, считая, что его последствия обернутся для последней зависимостью от той или иной империи²⁹⁵.

Огромное количество работ отечественных историков всех трех этапов было посвящено действиям в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. русскому флоту, в первую очередь – к так называемым «Архипелагским экспедициям».

На Совете еще в конце ноября 1768 г. было заслушано предложение Г.Г. Орлова передвинуть с Балтики в Средиземное море боевые корабли русского военно-морского флота, с целью совершения диверсий в тылу противника²⁹⁶. Предложение Г.Г. Орлова застало «Совет» врасплох, а потому было принято решение отложить его рассмотрение, детально проработав узловые проблемы.

Но идея нанести удар по противнику и его тылам, нарушив военно-морские коммуникации в северо-восточных районах Средиземноморья, постепенно «овладевала умами» членов Совета, - как считал С.С. Дмитриев²⁹⁷.

²⁹⁴ См.: Мачарадзе В.Г. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и Грузия: автореф. дисс. ... к.и.н. Тбилиси, 1953.

²⁹⁵ Авалов З. Присоединение Грузии к России. СПб., 1906. С. 77-79, 109-111. (23-й параграф Кючук-Кайнарджийского мирного трактата касался Грузии. Россия признавала суверенитет Турции над Западной Грузией, но Константинополь должен был отказаться от взимания дани на этих территориях. Крепости Богдадчик, Кутаиси и Шегербан отходили грузинам (Мачарадзе В.Г. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и Грузия: автореф. дисс. ... к.и.н. Тбилиси, 1953. С. 25.).

²⁹⁶ Федюнина Т.Н. Письма Екатерины II графу А. Г. Орлову как источник для изучения событий русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Серии: «Педагогические науки», «Гуманитарные науки». Воронеж, 2018. № 4 (281). С. 120-122.

²⁹⁷ Дмитриев С.С. Чесменская победа. М., 1945. С. 7.

Исследователи считают, что предложенная Г.Г. Орловым так называемая «Архипелагская экспедиция» могла (и должна была) стать одним из театров военных действий России против Османской империи. Расчет делали и на организацию (возможную) вооруженного антитурецкого выступления славянских народов. Это выступление могло бы отвлечь на себя части и подразделения турецкой армии, нарушить бесперебойное снабжение турецкой столицы, заставить османский флот уйти из Черного моря в Средиземное море. Основная задача состояла в координации разрозненных сил славянских народов в их борьбе с турками. В рескрипте от 29 января 1769 года на имя А.Г.Орлова (брата Г.Г. Орлова) русская императрица Екатерина II, поручая ему военное руководство русским военно-морским флотом и прорусскими соединениями на Балканах, отмечала, что главной его целью, как командующего, должно стать нанесение противнику «чувствительной диверсии», причем, не только на море (Архипелагская экспедиция), но и на суше²⁹⁸.

Г.Л. Арш считает, что Екатерина II приняла решение о походе Балтийского флота в Средиземное море, преследуя цель нанести удар по неприятелю со стороны Греции²⁹⁹. Императрица рассчитывала, что подобный удар почти по тылам турецких вооруженных сил, параллельно с решительными действиями русской армии на сухопутных театрах, принудит противника к прекращению войны³⁰⁰. Е.Н. Рукавишников указывал, что целью Архипелагской экспедиции являлись – защита христиан, диверсии, объединение славян с целью борьбы против Турции³⁰¹.

По мнению И.Ю. Родзинской, Архипелагские военно-морские экспедиции были организованы главным образом, чтобы поднять восстание

²⁹⁸ Там же. С. 10.

²⁹⁹ Арш Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I: очерки. М., 2013. С. 24.

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ Рукавишников Е.Н. Внешняя политика и пребывание российского военного флота в Средиземном море. 1770–1774 гг. // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 123.

на подвластных Османской империи греческих островах и отвлечь часть ее военных сил от основной арены войны с Россией. Кроме того, русский флот должен был парализовать действия турецкого флота и прекратить подвоз в Турцию продовольствия и боеприпасов³⁰².

Исследователи, правда, совершенно не затрагивают вопрос о том, а был ли флот готов к столь длительному плаванию? Екатерина II посетив в 1765 г. корабли Балтийского флота, считала, что последний более напоминает рыболовную флотилию, а не боевое соединение; ни один из проинспектированных ей кораблей не смог держаться в линии с другими кораблями.

Русская императрица описала Н.И. Панину неудовлетворительное состояние русского флота после посещения ею в 1765 г. балтийской эскадры. В заключение своей режиссии императрица отметила, что по ее мнению, проинспектированные корабли больше годились для «ловли сельдей», а не для боевых действий, поскольку ни один из них не смог удержаться «в линии»³⁰³.

Подобная оценка приводится лишь в дореволюционной историографии³⁰⁴, в советской и постсоветской – не повторялась.

В исследованиях Л.Г. Бескровного представлена, пожалуй, самое короткое изложение и анализ этого сюжета – Архипелагской экспедиции - русско-турецкой войны 1768-1774 гг. В военной кампании 1768-1769 гг. русский флот участие не принимал (и не мог, так как базировался исключительно в Балтике и частично в Архангельске). Подготовка кораблей к боевым действиям в море продолжалась до начала июля 1769 г. 18 числа того же месяца из Кронштадта вышла эскадра под командованием адмирала

³⁰² Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война 1768-1774 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Статьи аспирантов по вопросам истории СССР, источниковедения, архивоведения и документоведения. М., 1967. Т. 23. С. 166.

³⁰³ Соколов А.П. Архипелагские кампании 1769–1774 гг. // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1849. Ч. 7. С. 235.

³⁰⁴ Аренс Е. История русского флота. Екатерининский период. СПб., 1897. С. 189.

Г.А. Спиридова в составе 15 кораблей (в том числе – семи линейных). 9 октября 1769 года из Кронштадта вышла 2-я эскадра под командованием контр-адмирала Джона Эльфинстона (семь вымпелов). Еще три эскадры под командованием И.Н. Арфа, М.Т. Коняева и А.С. Грейга, выдвинулись из Кронштадта в 1770, 1772 и 1773 гг.³⁰⁵ Сам инициатор идеи А.Г. Орлов еще весной 1769 выехал в Италию, откуда координировал подготовку антитурецкого восстания в Греции и на Балканах. К эскадре он присоединился уже в Средиземном море³⁰⁶.

Исследователь истории военно-морского флота А.П. Соколов отмечает, что первой эскадре понадобилось семь месяцев, чтобы добраться до берегов Греции, но в итоге дошло только пять кораблей, остальные либо отстали, либо встали на длительный ремонт в различных портах, либо совсем пропали без вести (скорее всего – стали жертвой непогоды). Кроме того, личный состав эскадры сократился почти на половину. Соколов добавляет: «Императрица была весьма недовольна»³⁰⁷.

Г.Л. Арш отмечал, что восстание, охватившее Грецию после появления Архипелагской эскадры, в современной греческой историографии определяется как «орловщина» (1770-1774 гг.)³⁰⁸.

Несмотря на удачу объединенных греко-русских сил (освобождение почти весь юга Пелопоннеса, овладение крепостью Наварин) восстание было подавлено силами албанцев–мусульман, состоящих на турецкой военной

³⁰⁵ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 471.

³⁰⁶ Федюнина Т.Н. Дипломатическая и военная деятельность А.Г. Орлова в 1768-1774 гг. // Научные труды преподавателей и студентов исторического факультета. Воронеж, 2010. Вып. 5. С. 52-57.

³⁰⁷ Соколов А.П. Архипелагские кампании 1769–1774 гг. // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1849. Ч. 7. С. 246.

³⁰⁸ Арш Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I: очерки. М., 2013. С. 28.

службе³⁰⁹. Однако скрупулезных исследований по этому сюжету в отечественной историографии не представлено.

Арш специально отмечает, что вину за неудачу своей сухопутной операции в Морее (греческий полуостров Пелопоннес) А.Г. Орлов целиком возлагал на греков³¹⁰.

Но еще С.М. Соловьев предъявил обвинение Орлову, указывая на то, что греки не были трусами, но их военный опыт сводился только к оборонительной тактике, к наступательным действиям против своего хорошо вооруженного и подготовленного противника они не были готовы³¹¹. По сути, Соловьев указал Орлову его незнание особенности традиций греков, их ментальности и отношения к жизненным ценностям.

Однако стоит напомнить, что далеко не все греки приветствовали появление у берегов Пелопоннеса русской эскадры, что отмечалось в официальных дореволюционных изданиях³¹².

И исследования Е.В. Тарле, Ф.Ф. Веселаго, в противовес С.М. Соловьеву были проникнуты недоверием и пренебрежением не только к Турецкой империи, но и к грекам³¹³.

В.И. Шеремет возлагал всю вину в поражении антитурецкого восстания на греков, считая, что они быстрые на наступления, но и быстрые - при первых же неудачах и без приказа, на отход с позиций³¹⁴.

³⁰⁹ Синица В.И. Балканский вопрос в политике России (1768-1774 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. Минск, 1974. С. 19.

³¹⁰ Арш Указ.соч. С. 30.

³¹¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. Т. 28: 1766-1772. М., 1965. С. 361.

³¹² Каллистов Н.Д. Архипелагская экспедиция // История русской армии и флота. Т. 8. М., 1912. С. 53.

³¹³ См.: Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769-1774. М., 1945; Веселаго Ф.Ф. Краткая история Русского Флота (с начала развития мореплавания до 1825 года) // Веселаго Ф.Ф. Краткая история Русского Флота. М.-Л., 1939. С. 96.

³¹⁴ Шеремет В.И. Русское присутствие в Средиземном море. Геополитические маневры и военные действия периода Русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг. // Геомилитаризм. Геополитика. Безопасность. М.-Жуковский, 2003. № 8. С. 294.

Стоит, однако, отметить, что в своих более ранних работах этот автор - В.И. Шеремет - не был так категоричен³¹⁵.

Наиболее реалистичным представляется предположение А.М. Смелянской. По ее мнению, Россию в войне с турками поддерживали далеко не все греки. Опору действиям Екатерины II на Балканах составляли греческие предпринимательские круги и землевладельцы (но далеко не все), близко знакомые с идеями Просвещения, и увлеченные мыслью о национальной независимости. Однако все они представляли очень незначительную часть греческого общества. И время для всеобщего национального движения еще не пришло³¹⁶.

Современные исследователи согласны со своими предшественниками в том, что Архипелагский поход эскадры балтийского флота решал двуединую задачу – удар по турецкому флоту и по турецким военно-морским базам, а также поддержка антитурецких выступлений, на подавление которых турки вынуждены были перебрасывать с основных театров военных действий части и подразделения своей армии³¹⁷.

Однако эти же исследователи в своих обобщениях значения действия эскадры шли несколько дальше, чем и предшественники и современники: маскируя настоящие цели и задачи войны - занятие берегов Черного моря, и вскрытие проливов, «учинение Турции чувствительной диверсии» греческими восстаниями на, пожалуй, главном театре всех военных действий - в Балканской Турции, российская императрица не призывала к освобождению христиан Османской империи. Если в 1768 г. манифесты Екатерины II преподносили обещания защищать православных единоверцев,

³¹⁵ См.: Шеремет В.И. Генерал-аншеф А.Г. Орлов: «На кону стоял весь европейский политик России» // Военно-исторический журнал. М., 1996. № 5.

³¹⁶ См.: Смелянская И.М. «Приуготовления» к русско-турецкой войне 1768 - 1774 гг.: российские эмиссары в Греции и на Балканах // Восточный архив. М., 2009. №. 2 (20). С. 40-50.

³¹⁷ Зеленина Л.В., Шеремет В.И. Черное море: «русские берега у турецкого озера?» // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 2000. С. 110. (Ср.: Соколов А.П. Архипелагские кампании 1769–1774 гг. // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1849. Ч. 7.)

поддерживать выступления антитурецких сепаратистов. Однако, уже 1772-1773 гг. официальный Петербург не только сторонился сепаратизма отдельных османских сателлитов, но предлагал свою помощь в борьбе против этого политического явления³¹⁸.

Однако никаких доказательств помощи Турции со стороны России в борьбе с сепаратизмом авторы не приводят. В таком случае можно считать, эту гипотезу недоказуемой.

Чтобы получить полное представление об этой совершенно уникальной операции, приведем всего лишь несколько фактов и цифр, почерпнутых нами из работы уже упомянутого А.П. Соколова:

«Снаряжение первых трех эскадр (1769-1771 г.) обошлось в 1576749 руб.; содержание четырех эскадр, в 1772-1773 г., обходилось в 508725 руб., содержание пяти эскадр, в 1775 г., стояло 565142 руб.; следовательно, во все шесть лет, издержано на снаряжение и содержание эскадр (49 кораблей и судов. – *Н.М.*) 3149341 руб.; вновь, сверх штата, для настоящей войны собственно построенные суда, стоили 1285598; всего 4434939 руб.». Но в этом перечне не были учтены те суммы, которые были ассигнованы непосредственно из Государственного казначейства, а также собираемые в качестве налогов на Балканах – более 1 млн руб.³¹⁹

Все эти данные, приведенные исследователями, свидетельствуют о том, какое значение придавала Россия Архипелагской экспедиции и русским эскадрам, переброшенным из Балтики в Средиземноморье.

Однако в отличие от исследователей дореволюционного, да и советского историографических этапов, В.И. Шеремет в своей статье от 2003 г. приводит данные о том, что русская Архипелагская экспедиция финансировалась не из казны, а венецианским маркизом, греком по происхождению Пано Маруцци в обмен на предоставление русского

³¹⁸ Зеленина Л.В., Шеремет В.И. Черное море: «русские берега у турецкого озера?» // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 2000. С. 110.

³¹⁹ Соколов А.П. Архипелагские кампании 1769–1774 гг. // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1849. Ч. 7. С. 400-401.

подданства³²⁰. В опубликованной переписке П. Маруци упоминается неоднократно, но лишь как человека, представляющего в Венеции интересы Российской империи³²¹.

Е.Б. Смилянская указывает, что в 1775 г. российский флот, действовавший в Средиземном море, покинул районы Греческого архипелага, оставив недостроенную базу на острове Парос и своих союзников – в Греции и Палестине. Однако исследователь не считает, что Российская империя отказалась от всех завоеваний в этом регионе: Россия боролась в Средиземном море и Архипелаге за возможные зоны влияния; причем - посредством демонстрации военно-морской мощи³²². Смилянскую дополнял Е.Н. Рукавишников, отмечавший, что и после завершения русско-турецкой войны 1768-1774 гг. военно-морской флот Российской империи представлял собой весомый «аргумент» российского внешнеполитического курса³²³.

Оценивая боевые действия 1768-1769 г. мы уже обращали внимание на обобщения Л.Г. Бескровного, к которым близок и Ю.Р. Клокман: кампания первого года войны протекала вяло и не принесла существенных результатов России, но была, в общем-то, выиграна. Русская армия сумела не только чрезвычайно эффективно прикрыть южные границы государства на всем их протяжении от Азовского моря до Польши, но и полностью сорвать план наступления турок³²⁴.

³²⁰ Шеремет В.И. Русское присутствие в Средиземном море. Геополитические маневры и военные действия периода Русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг. // Геомилитаризм. Геополитика. Безопасность. М.-Жуковский, 2003. № 8. С. 292.

³²¹ См.: Политическая переписка императрицы Екатерины II. СПб., 1893. Т. 87. 1768-1769.

³²² Смилянская Е.Б. Освоение Средиземноморья во время Русско-турецкой войны 1768-1774 гг.: реалии и символы // Историческая география: пространство человека VS человек в пространстве: материалы XXIII Международной научной конференции, Москва, 27-29 января 2011 г. М., 2011. С. 139, 146.

³²³ Рукавишников Е.Н. Внешняя политика и пребывание российского военного флота в Средиземном море. 1770–1774 гг. // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 133.

³²⁴ Клокман Ю.Р. Фельдмаршал П.А. Румянцев в период Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. М., 1951. С. 73.

2.2. Исследовательские оценки военных действий в 1770-1774 гг.

Без всяких оговорок стоит согласиться с оценкой С.С. Дмитриев о том, что 1770 г. стал поворотным в русско-турецкой войне, поскольку ознаменовался успешными наступательными действиями как военно-сухопутных, так и военно-морских сил. Туркам был нанесен ряд сокрушительных поражений, которые во многом предопределили и исход всей войны³²⁵.

Кампания 1770 г. ознаменовалась удачными и победоносными для русской армии сражениями при Фокшанах 3-го и 4-го января; при Бухаресте 14-го января; при Браилове 18-го января; при Журже 4-го февраля, при Рябой могиле 15-го июня, при реке Ларге 7-го июля и Кагуле 21-го июля, занятием Измаила, Браилова, Бухареста, Ясс; осадой и штурмом Бендер 16-го сентября, действиями под Очаковым; открытием военных действий в Средиземном море и на греческих островах, сражением при острове Хиос, уничтожением турецкого флота при Чесме и осадой Лемноса³²⁶.

Не останавливаясь на указанных событиях³²⁷, постараемся выявить и сопоставить, по возможности, то главное, что – *по мнению отечественной историографии* - привнесли главные события 1770 г. и в ход войны, и в теорию военного искусства, и что подтверждается или опровергается документальными источниками.

Согласно утверждению Л.Г. Бескровного в сражении у Рябой могилы русскими войсками было продемонстрировано превосходство ведения боя расчлененными боевыми порядками: с помощью дивизионных каре войска

³²⁵ Дмитриев С.С. Чесменская победа. М., 1945. С. 41.

³²⁶ См.: Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769-1774 гг. СПб., 1866. Т. 2. (Год 1770).

³²⁷ См., например: Масловский Д.Ф. Ларго-Кагульская операция графа П.А.Румянцева // Военный сборник. 1893. № 8. С. 191-213; № 9. С. 5-31.

получили возможность маневрировать и целеустремленно наносить удары по противнику. А согласование – по времени и рубежам – действий частей и подразделений дало возможность наносить единый, общий удар. Получили оправдание и ночные атаки, благодаря которым появилась возможность внезапного нападения³²⁸.

В столкновении с противником у Ларги были вновь применены те формы боевого построения, которые принесли успех под Рябой могилой: применение полковых и дивизионных каре дали возможность войскам удачно маневрировать в бою, что повысило их активность.

Артиллерия, действуя в боевых порядках и на коротких дистанциях, прикрывала каре, защищая пехоту от огня противника. Маневрирование артиллерии приобретало очень важное значения для успешного ведения боя³²⁹. После сражения при Ларге получила оценку и конница: разбор ее действий показал, что для этого театра военных действий она мало пригодна.

М.И. Богданович считает, что поражение при Ларге турок не устрасило³³⁰ и при Кагуле они оказали серьезное сопротивление. Однако это утверждение Богдановича не получило развитие в последующих исследованиях, также как и в документальных источниках³³¹.

При Кагуле маневры артиллерий и взаимодействие родов войск создали все условия для удачной атаки. Координация действий частей и подразделений была достигнута благодаря грамотному осуществлению управления войсками³³².

Однако противника, турок, не стоило считать слабым противником, - на что обращала внимание Г. Гребенщикова. Как правило, они упорно защищали свои позиции (в том числе и крепости), особенно те, что были

³²⁸ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 476.

³²⁹ Фельдмаршал Румянцев. Документы. Письма. Воспоминания. М., 2001. С. 108-112.

³³⁰ Богданович М.И. Русская армия в век Екатерины Великой // Военный сборник. 1873. № 12. С. 197.

³³¹ Фельдмаршал Румянцев. Документы. Письма. Воспоминания. М., 2001. С. 112-124.

³³² Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 479, 483.

важны в стратегическом отношении и стойко оборонялись. Это продемонстрировали сражения и осады 1770 г.³³³. Это же подтверждается и «Мнения» (реляция от января 1771 г.; то есть по результатам кампании предыдущего года) и П.А. Румянцев³³⁴.

Нет каких-то дискуссионных вопросов по реалиям морских битв при острове Хиос и при Чесме³³⁵.

Однако, как в дореволюционной, как в советской, так и в современной литературе внимание акцентируется на огромных потерях турецкого флота – как в кораблях, так и в живой силе, и незначительных (два десятка человек убитыми и не одного потерянного корабля) потерях русской стороны при Чесме.

В одной из первых работ, посвященных участию русского флота в войне 1768-1774 гг. приведены данные о том, что во время боя у острова Хиос были уничтожены как флагман турецкого флота, так и российский флота. На последнем («Ефстафий») находился и адмирал эскадры Г.В. Свиридов и Г.Г. Орлов, которым удалось спастись. Однако команда флагмана – более 600 человек – почти полностью погибла. На турецком флагмане погибло около 900 человек³³⁶. Больше внимания на данных о потерях русского флота у Хиоса в исследованиях не акцентировалось³³⁷.

³³³ Гребенщикова Г.А. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. (средиземноморская политика Екатерины II в донесениях российских дипломатов) // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 7, 14.

³³⁴ Фельдмаршал Румянцев. Документы. Письма. Воспоминания. М., 2001. С. 47.

³³⁵ Глотов А.Я. Чесменский бой // Отечественные записки. 1820. № 6; Головачев В.Ф. Чесменское сражение и русский флот в 1769-1770 гг. // Морской сборник. 1900. № 1. С. 55-88; № 2. С. 31-68; Его же. Чесма: Экспедиция русского флота в Архипелаг и Чесменское сражение. М.-Л., 1944.

³³⁶ См.: Глотов А.Я. Чесменский бой // Отечественные записки. 1820. № 6.

³³⁷ См.: Лефорт А.А. Царствование государыни императрицы Екатерины II. М., 1837. С. 98-99; Бобраков А. Предтеча Чесменской победы. Анализ Хиосского сражения с точки зрения командира корабля // Морской журнал. 2005. № 2.

В то же время нельзя не признать правоту Л.Г. Бескровного в том успехи русских войск на основных театрах военных действий в значительной мере были обусловлены действиями военно-морского флота³³⁸.

И еще один интересный факт, связанный с такими вопросами, как потери или награждение приводит исследователь В. Дуров.

22 сентября 1770 г. был подписан указ Военной коллегии об учреждении серебряных медалей для награждения нижних чинов – участников сражения при Кагуле. На лицевой стороне данной медалей был помещен портрет императрицы Екатерины II, на оборотной – надпись: «Кагул, июля 21 дня, 1770 года». Носилась эта медаль на голубой узкой ленточке в петлице. Сохранились сведения об изготовлении 18 тысяч медалей. При передаче медалей в армию не хватило двух штук, то есть наград могло быть роздано 17998. Всего фактически по ведомости, составленной в Военной коллегии, участвовало 30004 человека, поэтому, с учетом двух утерянных медалей, требовалось еще более 10 тысяч медалей.

Командующий 1-й армией П.А. Румянцев был удостоен чина генерал-фельдмаршала, в его честь в Царской Селе был сооружен обелиск. На обелиске число русских участников Кагульского сражения названо неверно — 17 тысяч, По всей видимости, те, кто остался без медали - а это более 10 тысяч нижних чинов - так и не получили положенного знака отличия³³⁹.

По мнению исследователей, в 1770 г. в Петербурге вызывала беспокойства ситуация в Грузии, которая обострялась с каждым днем.

Авторы исследования «Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII - первой четверти XIX в.» указывают на то, что неудача совместных действий русских и грузинских сил под Ахалцихом (эта крепость позволяла контролировать все пути, идущие в Имеретию и Кахетию от турецких границ; там же находились базы, противостоящих грузинам

³³⁸ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 484.

³³⁹ Дуров В. «Оные того яко наидостойнейшие». (Российские награды периода русско-турецкой войны 1768-1774 годов) // Советский музей. 1992. № 5. С. 56-57.

лезгин) predeterminedила новый виток интриг, идущих со стороны командования русского корпуса.

Вверх взяли не целесообразность, а интриги, из-за которых, как отмечают историки, русский экспедиционный корпус «раскололся» на две части: кто-то поддерживал командующего Г.К.Г. Тотлебена, кто-то – его оппонентов. Раскол мог обернуться боевым столкновением, в которое втянулась и грузинская сторона. Подобного поворота удалось избежать только благодаря вмешательству представителя Российской империи в регионе А. Моуравову³⁴⁰.

В современных исследованиях отмечается, что в Петербурге пытались разобраться в том, что же происходит в Грузии. Екатерина II, изучив ситуацию, высказалась откровенно о необходимости отстранения Г.К.Г. Тотлебена. 20 июня 1770 г. Военная коллегия направила указ об отзыве всех участвовавших в этой истории русских офицеров для расследования этого экстраординарного дела. Но военные действия должны были в Грузии продолжаться, так как императрица была заинтересована в дальнейшем участии грузинских войск в войне против Турции³⁴¹. Тем более что в Грузии намечался успех, были взяты крепости - Багдади, Цуцхватская и Шорапанская, Кутаиси. В начале октября 1770 г. началась осада турецкого гарнизона крепости Поти³⁴². Все эти события подтверждают и опубликованные документы, связанные с отправкой в Грузию гвардии Семеновского полка капитана Николая Языкова³⁴³.

Суммируя исследования кампании 1770 г., необходимо отметить следующее. Историки едины в оценках того, что благодаря успехам на основных участках русско-турецкого фронта, противнику России был

³⁴⁰ Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII - первой четверти XIX в. С. 95, 98, 100.

³⁴¹ Там же. С. 101.

³⁴² Там же. С. 101, 105.

³⁴³ Политическая переписка императрицы Екатерины II. СПб., 1896. Т. 97. 1769-1771. С. 89-95.

нанесен сокрушительный удар. По мнению А.А. Керсновского, кампания 1770 г. — классический пример наступательной операции³⁴⁴.

Конечно, Турция была далека от идеи капитуляции, но турецкий флот был деморализован³⁴⁵, сухопутная армия отступала по левому берегу реки Прут, к переправам через Дунай у крепости Галаца. Союзник (Франция) не спешил оказать Константинопольскому двору практическую помощь.

Русская армия и флот, смогли, хотя и уступая противнику по численности, мобилизовавшись и постоянно совершенствуя тактику ведения боя доказать свое преимущество. Победам способствовал и удачный подбор командующих русскими армиями на основных театрах военных действий (кроме, как мы указывали, командования русским корпусом в Грузии).

Кампания 1771 г. ознаменовалась формированием Дунайской флотилии, ожесточенными боевыми действиями у крепости Журжи и Турно, сражениями при Негоешти и при Бухаресте, занятием Журжи; действиями русских войск в Крыму: у крепостей Перекоп, Кафа, занятием Керчи и Еникале; покорением всего Крыма; занятием Финийского порта и Кастель-Россо; продолжением военных действий в Польше у Ченстохова, Кракова, монастыря Тынец, при Ландскроне и при Столовичах, актом конфедератов о низложении короля Станислава³⁴⁶.

События, происходившие в Крыму в 1771 г., оценивались в исторической литературе с различных позиций.

Позиция дореволюционных исследователей сводилась к тому, что непрекращающиеся набеги (рейды) крымских татар, которых «подстрекала» и поддерживала Турция, наносили огромный ущерб южным районам

³⁴⁴ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. От Нарвы до Парижа. 1700-1814 гг. М., 1992. С. 137.

³⁴⁵ В.Дуров отмечает, что на серебряной «матросской» медали за Чесменское сражение на оборотной стороне изображены русские военные корабли, а за ними объятые пламенем турецкие. Вверху медали помещено всего одно слово «был». (Дуров В. «Оные того яко найдостойнейшие». (Российские награды периода русско-турецкой войны 1768-1774 годов) // Советский музей. 1992. № 5. С. 57-58.)

³⁴⁶ См.: Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769-1774 гг. СПб., 1874. Т. 3. (Год 1771).

Российской империи. Для ликвидации этой опасности требовалось применение самых решительных мер. Во времена Екатерины II, по мнению историков, пришло время покончить с Крымским ханством, считавшимся «аппажем» Константинополя, отодвинуть русские границы на юг, заполучить обладание Черным морем, исторгнув, наконец, «из рук поклонников Магомета (мусульман. - *Н.М.*) землю, в которой правнук основателя русского государства приобрел великую славу апостола России»³⁴⁷. Это - точка зрения автора книги о В.М. Долгорукове-Крымском А. Бокка.

Изложение несколько «напыщенное», но главная цель очерчена четко. Стоит учитывать и то, что книга, из которой приведена данная цитата была издана в самый разгар Крымской войны 1853-1856 гг. Приведенные в издание материалы подтверждаются и документально³⁴⁸.

М.И. Богданович пытался соединить в своих рассуждениях факты и «высокопарный слог»:

Части и подразделения русской армии под руководством В.М. Долгорукого, овладели Крымом, считавшимся до этого «гробницей русских легионов», «разбойничьим гнездом», «притоном варваров», стал имперской «провинцией»³⁴⁹.

Иного подхода придерживались последователи М.Н. Покровского, они считали, что не достигнув весомых результатов в отношении Крымского ханства путем «мирных» переговоров (хотя таковых и не было), «господствующая» в Российской империи «общественная группа» подталкивала русскую императрицу Екатерину II к использованию самых решительных мер, вплоть до применения вооруженных сил, чтобы добиться от Турции решения Крымского вопроса. Именно это, искусственное

³⁴⁷ Бокк А. Вспоминание о князе В.М. Долгорукове-Крымском. М., 1855. С. 9.

³⁴⁸ Поденная записка путешествия его сиятельства князя В.М. Долгорукова в Крымский полуостров во время кампании 1773 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1872. Т. 8. С. 182-187.

³⁴⁹ Богданович М.И. Русская армия в век Екатерины Великой // Военный сборник. 1873. № 12. С. 198.

нагнетание политического кризиса со стороны российских властей и интриги российских дипломатов вынудили Османскую империю объявить Российской империи войну в 1768 г.³⁵⁰. Данную интерпретацию можно считать «общим местом» в рассуждении и ничего не определяющим.

Однако последователь М.Н. Покровского А.Е. Мачанов развил свой тезис, указывая на то, что Россия после начала русско-турецкой войны предприняла самые решительные меры против крымских татар.

Хотя русская сторона и возобновила в 1771 г. прерванные военными действиями переговоры с представителями Крымского хана, Екатерина II двинула на Крымский полуостров корпус под командованием В.М. Долгорукого, которому удалось сломить сопротивление войск Селим-Гирея и взять под свой контроль всю территорию ханства. Сторонникам Османской империи пришлось бежать с полуострова. А русское военное командование заключило в 1772 г. договор с ханом, объявив Крымское ханство независимым от Турции³⁵¹.

Автор не совсем прав – не только силой оружия. Не проявил В.М. Долгорукий и Н.В. Репнин дипломатических способностей в процессе переговоров с крымскими ханами, боевые действия на полуострове продолжались бы еще долго.

А.Е. Мачанов указывает на то, что овладев Крымским полуостровом и добившись признания «независимости» Крымского ханства, российская сторона рассчитывала такими же ускоренными темпами добиться заключения мирного договора и с турецким правительством. Но оказалось, что добиться от Турции признания самостоятельности Крымского ханства не так-то просто и быстро. Константинополь не соглашался на условия,

³⁵⁰ Мачанов А.Е. Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством. Симферополь, 1929. С. 47.

³⁵¹ Там же. С. 48.

выдвинутые Россией, и в этом его поддерживали Австрия и Пруссия, которые выступали посредниками переговорного процесса³⁵².

И снова автор старательно подгоняет факты под встроенную заранее схему: Австрия и Пруссия мало интересовались судьбой Крыма. Их интересовал вопрос: рассчитывает ли Россия на создание на полуострове военно-морских баз, способных угрожать Турции после окончания боевых действий.

Автор цитируемого нами исследования приводит высказывание австрийского дипломата, согласно которым, требуемая русской стороной независимость крымского хана в последующем времени может обернуться банальным присоединением всего Крыма к Российской империи. Конечно, австрийский посланник не сомневается в истинности намерений российской императрицы Екатерины II, однако, - спрашивает он, - где гарантия, что ее наследники подтвердят намерения и сохранят независимость Крымского ханства³⁵³. Стоит только напомнить – шел 1771 г., девятый год царствования Екатерины II, которая скончалась четверть века, а преемники придерживались ее политики в этом регионе, и что Крым был присоединен к России через несколько лет после окончания русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

Естественно, что А.Е. Мачанов - исследовать 1920-х гг. - придерживались иной точки зрения, согласно которой австрийские посредники дипломат оказались правы, когда опасались того, что политика Российской империи может измениться, причем – кардинальным образом. Буквально через несколько лет Крымский полуостров стал составной частью Российской империей, и о его независимости никто не вспоминал. А.Е. Мачанов считает, что данный факт подтверждает традиционность

³⁵² Там же. С. 49.

³⁵³ Мачанов А.Е. Указ. соч. С. 50. (автор пересказывает позицию С.М.Соловьева, хотя и считал себя последователем М.Н. Покровского).

истории «дворянско-помещичьих и капиталистических государств»³⁵⁴. То, что это произошло еще при Екатерине II, указывает: ссылка на «историю дворянско-помещичьих и капиталистических государств» носит чисто идеологический характер.

Тенденции, свойственные 1920-м годам редко, но все же переносятся в работы современных исследователей. Так, один из современных авторов, суммируя рассуждения цитируемого нами выше историка, заявляет, что договор Российской империи с Крымским ханом не только predetermined процесс постепенного перехода полуострова под юрисдикцию Российской империи, но и снял какие-либо вопросы о праве России на Большую и Малую Кабарду, на крепости Керчь и Еникапе. Обресков (русский посланник в Турции. – *Н.М.*) считал, что договор с Крымским ханом должен указать турецкой стороне – война с Россией Константинополем проиграна³⁵⁵. Но после подписания договора война продолжалась еще почти два года.

Большинство же современных авторов, отмечая важную роль в занятии Крыма русскими войсками, благожелательное отношение к последним со стороны ногайцев и буджакских татар, уделяют большее внимание решению официального Петербурга переселить на Правобережье Кубани находившихся в вассальной зависимости от Турции ногайцев. Исследователи считают, что разделив крымских татар и ногайцев, удалив их с полуострова, Россия смогла бы ускорить процесс отхода от Турции ногайцев Кубани и Северного Причерноморья. Да и сами крымские ногайцы желали переселиться из Крыма, так как страдали от воинственно настроенных соседей – крымских татар³⁵⁶.

Внешнеполитическое ведомство России поддержало стремление ногайцев переселиться из Крыма, российские власти брали обязательство

³⁵⁴ Там же. С. 50.

³⁵⁵ Джахиева Э.Г. Договоры России с Турцией, Ираном и правителями Кавказа. 1774-1813 гг. Махачкала, 2006. С. 28.

³⁵⁶ См.: Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. СПб., 1866. Кн. 5. С. 182-236; 1867. Кн. 6. С. 182–236.

оказать ногайцам защиту в случае нападения на них турок и не заключать мира с Константинополем, не получив договора о независимости Крыма. Исследователи указывают на то, что Екатерина II была даже согласна на избрание ногайцами своего хана, что подразумевало проявление сепаратизма. В ответ на предоставляемые ногайцам (и не только им³⁵⁷) льготы и защиту, последние готовы были в случае необходимости составить отряды иррегулярных войск русской армии³⁵⁸. При поддержке ногайских отрядов русские войска взяли крепость Копыл и приблизились к границам Кабарды³⁵⁹. Историки считают, что данные факты являются убедительным свидетельством того, что в массе своей народности, населяющие Северное Причерноморье поддерживали Россию, решительно отказывая союзу с Турцией.

По мнению авторов ряда научных исследований, подобный взаимообмен был приемлем для обеих сторон, и не вызывал ни критики, ни неприятия как со стороны центральных, так пограничных властей России.

В 1771 г. продолжились боевые действия и не только в Крыму, но и в Грузии, где вверх брал не полководческий талант, а – интриги. На данный бесспорный факт указывают все исследователи³⁶⁰. Интриги явились одними из причин снятия в феврале 1771 г. осады с Поти. Отступление от крепости довершило расстройство корпуса³⁶¹.

³⁵⁷ См. в этом плане работу А.В. Цюрюмова «Участие калмыков в русско-турецкой войне 1768-1774 годов» (Опуб.: Вестник Калмыцкого университета. 2000. № 1).

³⁵⁸ Кидирниязов Д.С. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и Северный Кавказ // Конституционное и государственное строительство на Юге России: история и современность: 2-е Кадыровские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Референдума 23 марта 2003 года и принятия Конституции Чеченской Республики, г. Грозный, 20 марта 2013 г. Грозный: Грозненский рабочий, 2014. С. 360.

³⁵⁹ Кидирниязов Д.С., Алиева У.М. Народы Северокавказского региона в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 2007. Вып. 3. С. 64.

³⁶⁰ См.: Мачарадзе В.Г. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и Грузия: автореф. дисс. ... к.и.н.. Тбилиси, 1953.

³⁶¹ Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII - первой четверти XIX в. С. 106.

Исследователи абсолютно правы в том, что генерал Г.К.Г. Тотлебен утерля остатки авторитета³⁶², но сменен он был только в мае 1771 г. (указ был подписан еще 31 декабря 1770 г.). Его сменил генерал-майор А.Н. Сухотин³⁶³.

Как историки начала XX в.³⁶⁴, так и современные исследователи считают, что русскому корпусу в Грузии в очередной раз не повезло. Сухотину не хватало «очень важного качества — самостоятельности», что сыграло свою негативную роль в дальнейшем. Правда авторы монографии «Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII - первой четверти XIX в.», что формирование отрицательного мнения Екатерины II о грузинских царях предопределялось не столько неудачно подобранными командирами русского корпуса, сколько вся совокупность истории конфликта русских военачальников с Ираклием II.³⁶⁵ В связи с этим, как отмечают исследователи, высшим военным руководством Российской империи перед новым командиром корпуса была поставлена задача - действовать самостоятельно. Грузинам предоставлялось право вести военные действия обособленно, исходя из их представлений о войне как таковой³⁶⁶.

Но рекомендация лишь ухудшила обстановку, новый командующий еще более усложнил ситуацию с грузинскими властями. В результате генерал-майор А. Н. Сухотин двинул вверенный ему корпус в мингрельские болота, где потерял от болотной лихорадки (малярии) около 800 человек личного состава. Дело закончилось тем, что Сухотин подал российской императрице рапорт об отставке. В Петербурге приняли решение срочно вывести остатки русского корпуса из Закавказья³⁶⁷.

³⁶² Там же.

³⁶³ Там же. С. 107.

³⁶⁴ См.: Авалов З. Присоединение Грузии к России. СПб., 1906.

³⁶⁵ Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII - первой четверти XIX в. С. 107.

³⁶⁶ Там же. С. 108.

³⁶⁷ Там же. С. 112.

Таким образом, события на грузинском театре военных действий обернулись для Петербурга полным провалом. Советские историки винили во всем и саму императрицу, не смогшую подобрать подходящие региону и обстановке командные кадры, и сами эти кадры – Тотлебена и Сухотина, чьи личные характеристики не позволяли им осуществлять руководство как русскими войсками, так и грузинскими без знания особенностей региона и его населения³⁶⁸.

Современные историки в основном близки в своих оценках к предшественникам³⁶⁹.

Подводя итоги рассмотрения в отечественной научной литературе основных событий кампании 1771 г., необходимо отметить, что исследователи правы - успех сопутствовал русской армии в основном на Крымском полуострове, поражения, нанесенные крымскому хану, парализовали союзника Турции – крымского хана.

Победы русской армии на Дунае, завоевание Крыма и ряд других успешных сражений поставили Турцию к началу 1772 г. перед реальной опасностью полного военного поражения. В таких условиях турецкое правительство не могло дальше продолжать войну. Оно было вынуждено согласиться вести мирные переговоры с Россией, которые закончились 19 мая 1772 г. подписанием перемирия. Боевые действия на русско-турецком фронте не велись. В отечественной историографии этот факт если и упоминается, то крайне редко, как второстепенное событие. Тогда как, судя по документальным источникам для перемирие – возможное и реальное, как факт – рассматривалось Екатериной II, как важное событие³⁷⁰.

В исследовании А.Н. Петрова содержатся данные о том, что конвенция

³⁶⁸ См.: Кикодзе Г.Д. Ираклий Второй. Тбилиси, 1945; Мачарадзе В.Г. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и Грузия: автореф. дисс. ... к.и.н.. Тбилиси, 1953.

³⁶⁹ См.: Колесников И.Н. Особенности политических устремлений Российской Империи в Грузии: вторая половина XVIII в. - начало XIX в.: автореф. дисс. ... к.и.н. Пятигорск, 2011.

³⁷⁰ Политическая переписка императрицы Екатерины II. СПб., 1896. Т. 97. 1769-1771. С. 139.

о перемирии со стороны России была подписана П.А. Румянцевым, а со стороны Турции ее уполномоченным Абдул Керимом, что конвенция отражала реальное соотношение сил, сложившееся к тому времени в результате побед русского оружия, что линией разграничения воюющих сторон признавалась река Дунай, от Виддина и Орсовы до впадения ее в Черное море, что военные суда Турции не имели права проникать в устье Дуная и подходить к берегам Крыма и Бессарабии, что Россия сохраняла свой контроль над занятыми ею островами в Архипелаге, и что, наконец, турецкие торговые корабли не имели права проходить из Дарданелл в Архипелаг³⁷¹.

После подписания конвенции о перемирии 27 июля 1772 г. в г. Фокшанах между Россией и Турцией начались переговоры о мире, которые продолжались до 12 августа 1772 г., но окончились безрезультатно. Как указывает Ю.Р. Клокман, Турция упорно не желала упускать из своих рук Крым и отказаться от своего безраздельного и многовекового господства на Черном море. Такая решительная позиция Турции позволяла ей затягивать мирные переговоры, чтобы выиграть время и перегруппироваться³⁷². Неуступчивость турок не уменьшилась от того, что в военном противостоянии с Россией они из года в год терпели одно серьезное поражение за другим³⁷³. Это отмечал (порой иносказательно) и П.А. Румянцев в переписке, в том числе и верховным визирем в 1772 г. (что подтверждается опубликованными документами)³⁷⁴.

Суммируя выводы исследователей о переговорах 1772 г. между Россией и Турцией, о заключенном перемирии и бесспорном возобновлении боевых действий в следующем, 1773 г., важно отметить те факты, которые

³⁷¹ См.: Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769-1774 гг. СПб., 1874. Т. 4. (1772-1773 гг.).

³⁷² Клокман Ю.Р. Фельдмаршал П.А. Румянцев в период Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. М., 1951. С. 123-124.

³⁷³ Там же. С. 124.

³⁷⁴ Фельдмаршал Румянцев. Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 221-224.

историками порой пропускаются или не воспринимаются всерьез: осенью 1772 г. международное положение России значительно ухудшилось, очень напряженной оставалась и внутренняя ситуация: в ряде губерний произошли крестьянские восстания, участились волнения казачества на Волге, Урале, Дону, Кубани. К исходу 1772 г. внутривластная ситуация еще более ухудшилась.

В условиях обострившейся международной и внутренней обстановки русское правительство стремилось как можно скорее заключить мир, не останавливаясь даже перед значительным уменьшением своих требований к Турции.

Военные действия возобновились с марта - близ Силистрии, Турно и Рущука, в июне произошло сражение при Кучук Кайнарджи, в июле у Гирсова, в сентябре при Карасу, в октябре - у Базарджика, при Силистрии и у Рущука и при Варне, в ноябре у Черновод, близ Туртукая³⁷⁵.

Практически везде русской армии сопутствовала удача. И это несмотря на то, что сложившаяся зимой 1772-1773 гг. внешнеполитическая ситуация вынудило русское военное командование снять с турецкого фронта часть войск и перебросить их к границе со Швецией (а также в Польшу)³⁷⁶.

Стоит обратить внимание на дискуссионные проблемы и вопросы, представленные и обсуждаемые в исследовательской литературе. В первую очередь – результаты кампании 1773 г.

По мнению П.П. Черкасова, итоги кампании 1773 г. могли быть еще более успешными для русской армии, но внешние и внутренние обстоятельства свели военные и дипломатические достижения к довольно скромным результатам. В Российской империи вспыхнувшая в конце 1772 г. казачье-крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева, к концу 1773 г. охватила обширные районы Среднего и Нижнего Поволжья и

³⁷⁵ См.: Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769-1774 гг. СПб., 1874. Т. 4. (1772-1773 гг.).

³⁷⁶ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 495.

Приуралья. Для подавления пугачёвщины русскому командованию пришлось срочно перебрасывать с турецкого театра военных действий регулярные части³⁷⁷.

Однако Ю.Р. Клокман дает совершенно иное изложение событий. Он считает, что кампанию 1773 г. военное командование вынуждено было проводить по навязанному Екатериной II плану, который не соответствовал наличным силам и возможностям армий и не отвечал стратегической обстановке, сложившейся к тому времени на Дунайском театре войны. «Нереальность этого плана, авантюризм всего его содержания были единственной причиной того, что, несмотря на ряд блестящих побед, фельдмаршал не смог закрепиться на правом берегу Дуная, должен был оставить завоеванную территорию в Северной Болгарии и вернуться на левый берег реки».

Однако, несмотря на всю «нереальность» и «авантюризм» стратегического плана, Ю.Р. Клокман не отрицает, что командующий 1-й армией П.А. Румянцев и в рамках Петербургских военных схем проявил себя, как тактик. Особое значение в этом смысле имеет, по мнению исследователя, форсирование реки Дуная: П.А. Румянцев, произведя ряд демонстративных действий на флангах с целью отвлечь внимание противника от пункта намеченной переправы у Гуробал и добившись, благодаря проведенному Суворовым поиску на Туртукай, ослабления турок также и в центре, форсировал Дунай перед лицом численно превосходящего врага.

Во время дальнейшего наступления, П.А. Румянцев широко применял маневрирование артиллерией на поле боя, прибегал к массированию артиллерийского огня на направлении главного удара. Все это свидетельствует о том, что фельдмаршал Румянцев на Дунайском театре войны в 1773 г., заложил первые основы тактики артиллерии и правильно определил пути дальнейшего развития данного рода войск, - такова позиция

³⁷⁷ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. // Новая и новейшая история. М., 1996. № 1. С. 69.

Ю.Р. Клокмана.

Позиция Клокман бесспорна, также как и его оценки новой тактики кавалерии: Румянцев совершенно отказался от применения ружейного огня с коня. С этого времени его кавалерия в борьбе с турецкой конницей полностью перешла к употреблению одного только холодного оружия.

Таким образом, подытоживает Ю.Р. Клокман, в кампанию 1773 г. П.А. Румянцев, обобщив накопившийся опыт, придал вполне законченную форму своему боевому порядку, который просуществовал затем уже без всяких изменений в течение всей Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Кампания 1773 г. достаточно ясно показала, что война с Турцией не такое легкое дело, как казалось правительственным кругам в Петербурге³⁷⁸.

В последнем с автором солидарна и Е.И. Дружинина, подчеркивавшая невозможность окончания войны быстрой и легкой победы для России³⁷⁹.

Л.Г. Бескровный считал стратегическим итогом 1773 г. было то, что русская армия удерживала левый берег Дуная; а в тактическом плане - что окончательно оформилась тактика действия колонн и рассыпного строя³⁸⁰.

Отечественные исследователи, подводя итог первых пяти лет войны, указывая на ряд побед и стратегических итогов, подчеркивают невозможность легкой победы, затягивания военных действий и отсутствие успехов на дипломатическом поприще.

Исследователи отмечают, что к началу кампании 1774 г. 1-я русская армия насчитывала 55 тысяч человек, почти вдвое уступая противнику (100 тысяч). Но численное превосходство не свидетельствовало о мощности

³⁷⁸ Клокман Ю.Р. Фельдмаршал П.А. Румянцев в период Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. М., 1951. С. 152.

³⁷⁹ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 101.

³⁸⁰ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 502.

турецкой армии. Ее лучшая часть – янычары – понесли тяжелые потери. Флот наполовину уничтожен. В Турции назревало серьезное недовольство³⁸¹.

А.Н. Петров в своей монографии фиксирует, что боевые действия продолжались: 11-го мая - при деревне Абату, в конце мая - начале июня - у Базарджика. 9 июня турки потерпели сокрушительное поражение у Туртукая, затем - при Козлуджи, у Рущука, Турно и у Эни-Базара, у деревни Турлак. Продолжались военные действия и в Крыму, где турки, высадив десант у Алушты, пытались перехватить стратегическую инициативу, поддержав восставших татар³⁸², и вернуть полуостров. Однако операция окончилась поражением для турецких войск.

И только смерть султана Мустафы III, как считали и считают исследователи, наглядно продемонстрировала затруднительность положения Турции и предопределила изменение политики Константинопольского двора³⁸³.

Унаследовавший турецкий престол султан Абдул-Хамид, уполномочил верховного визиря Мухсун-заде как можно скорее заключить мир. Мухсун-заде хорошо понимал обстановку и искал лишь путей разрешения поставленной задачи. Мир был заключен в болгарской деревушке Кючук-Кайнарджи 10 (21) июля 1774 г.

Русско-турецкая война 1768-1774 гг. оказалась более продолжительной, чем ожидали обе стороны. Но она - важный этап в развитии русского военного искусства. В области стратегии были сделаны новые шаги вперед. В частности, как считает Е.В. Белова, произошел решительный отказ русских военачальников следовать установившейся на

³⁸¹ См.: Новичев А.Д. Турецкий источник о внутреннем положении Османской империи и причинах ее поражения в войне с Россией в 1768-1774 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета. 1975. История. № 8. С. 81, 83-85.

³⁸² Бокк А. Воспоминание о князе В.М. Долгорукове-Крымском. М., 1855. С. 27. Что подтверждается и документально, см.: Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. 1. Ч. 1. С. 268.

³⁸³ Новичев А.Д. Указ соч. С. 80, 82-83, 85-86.

Западе кордонной стратегии, сторонниками которой являлись западные военные теоретики Г. Ллойд, Г.Д. Бюлов³⁸⁴.

Л.Г. Бескровный усматривал в действиях П.А. Румянцева выработку новых тактических приемов ведения боевых действий, не имеющих аналогов в западноевропейской военной теории и практике. Так, Румянцев, отказавшись от тактики маневрирования, главная цель которого – овладение крепостями и населенными пунктами, предложил наносить поражение противнику в генеральном сражении. Л.Г. Бескровным отмечались и успехи в области тактики - линейная тактика заменялась аналогом - дефензивой колонн и рассыпного строя.

На практике применялись такие боевые порядки, как дивизионные, полковые и батальонные каре, что дало возможность, применяя маневр на поле боя, прибегнув к концентрическому наступлению.

Оригинальной «находкой» для военного искусства явилось осуществление тактического взаимодействия войск в Крыму и на Дунайском театре военных действий с маневрами флота в Архипелаге и Азовской флотилии.

Недостатком в стратегическом руководстве, отмечал Л.Г. Бескровный, являлось желание и настойчивость Военной коллегии руководить войной на всех театрах военных действий. Но при коммуникациях распоряжения из Петербурга опаздывали. Военное руководство армиями и отдельными корпусами рисковало, но брало на себя ответственность при принятии решений. Подобные ситуации вызывали недовольства в Военном совете и у самой Екатерины II и, как отмечают источники, у того же П.А. Румянцева.

Исследователи считают, что в ходе русско-турецкой войны изменился характер действий различных родов войск. В пехоте применялось разделение огня и удара: сначала легкая пехота ружейным огнем готовила «плацдарм»

³⁸⁴ Белова Е.В. Деятельность П.А. Румянцева по укреплению российских позиций на Украине и в Молдавии в период Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // КЛИО. 2016. № 9 (117). С. 189-195.

для штыковой атаки линейной пехоты. Выстраиваемая в колонны и каре, пехота уже не боялась потерять локтевую связь с другими родами войск, проявляя самостоятельность в решении поставленных задач. Действия одного каре поддерживалась действиями других каре. Сочетание действий легких и линейных пехотных частей обеспечивала решение той или иной задачи, сводя к минимуму потери.

В артиллерии, как отмечал тот же Л.Г. Бескровный, новой была тактика маневрирования батарей, что позволяло сосредотачивать артиллерийский огонь сначала на артиллерии противника, а потом и на его пехотных или кавалерийских частях.

Важная роль отводилась артиллерийскому резерву, мобильность которого позволяла перемещаться с одного участка фронта на другой, поддерживая наступающую или обороняющуюся пехоту.

Л.Г. Бескровный прав и в том, что произошли изменения и в управлении войсками, во время русско-турецкой войны был введен в практику следующий порядок: необходимо было отдавать не команду, а приказ в форме диспозиции, содержащие задачи частям и подразделениям.

Боевое столкновение выстраивалось следующим образом: сближение маневр, атака и преследование³⁸⁵.

Это то, что касалось вклада опытов и итогов русско-турецкой войны 1768-1774 гг., анализ которых нашел отражение в трудах Л.Г. Бескровного.

Подводя итог изучению «хода военных действий в оценках отечественной историографии» необходимо помнить еще и о социально-политических итогах войны. Еще С.М. Соловьев рассматривал этот русско-турецкий конфликт как проявление борьбы («вечной») между «европейским и азиатским духом». Огромное значение Соловьев придавал стремлению Екатерины II освободить единоверческие народы.

³⁸⁵ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 509.

На первый взгляд, большинство дореволюционных исследователей понимало: несмотря на впечатление, что на театрах военных действий все складывалось удачно, реальная ситуация была далека от оптимистических оценок.

Ряд авторов советского и постсоветского этапов историографии также считали, что война 1768-1774 гг. складывалась удачно для России, но реальное положение дел было несколько иным: Петербургский двор постоянно испытывал давление со стороны европейских держав, некоторые из которых нарушали существующие договоры и обязательства, порой внешнеполитическая ситуация заставляла российское руководство идти на уступки, армия и флот требовали колоссальных финансовых вливаний, что в свою очередь не могло не сказаться и на внутривнутриполитической ситуации в стране – на росте социального недовольства.

Сторонники идеи о «тяжести» войны для Российской империи (в исследовательской среде) постарались объяснить свою позицию следующим образом:

Во-первых, война шла одновременно в пяти направлениях – в Польше, Молдавии, Крыму, на Кавказе и в Средней Азии, что требовало максимального напряжения всех сил и средств.

Во-вторых, можно было не сомневаться в том, что, например, Австрия, никогда не допустит расширения российских границ за счет Турции. То есть, рассчитывать Российской империи на все приобретенные в ходе боевых действий территории не стоило³⁸⁶.

В-третьих, территории, отошедшие к России по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г., вклинивались между турецкими владениями, Польшей и Крымским ханством. Вне всякого

³⁸⁶ Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 270.

сомнения данная ситуация рано или поздно выступит причиной новых столкновений между Россией и Турцией³⁸⁷.

В-четвертых, затянувшаяся война явилась одной из причин проявления широкого недовольства в России. Актуальным был вопрос прекращения военного конфликта. Проблемы финансового плана, рост антирусских настроений в Западной Европе, эпидемии, а, главное, «Пугачевщина» делали продолжение войны невозможным³⁸⁸.

В-пятых, с другой стороны, как считают отечественные исследователи, мир с Турцией предотвратил распространение Крестьянской войны на территорию Центральной России³⁸⁹. Получив 23 июля 1774 г. известие о подписании мира с Турцией, Екатерина II велела Г.А. Потемкину немедленно двинуть в Поволжье для подавления восстания дополнительные воинские части³⁹⁰.

Н. Игнатъев, считал, что война любого из европейских народов с турками имеет для военных людей особенную занимательность, по резкому различию своему от всякой другой европейской войны. В Турции, ведение боевых действий находилось в зависимости от множества местных особенностей, от религиозных и ментальных обстоятельств, - все это приводило к тому, что даже самый опытный полководец, не в состоянии был справиться с неожиданными затруднениями, которые предопределялись особенностями социальной эволюции страны в целом³⁹¹.

По мнению А.А. Керсновского, значение имеют лишь две кампании – 1770 и 1774 гг. Эти две кампании резюмируют, в сущности, всю войну³⁹².

³⁸⁷ Там же.

³⁸⁸ Белова Е.В. Деятельность П.А. Румянцева по укреплению российских позиций на Украине и в Молдавии в период Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // КЛИО. 2016. № 9 (117). С. 189-195.

³⁸⁹ Андрущенко А.И. Пугачевское восстание и Кучюк-Кайнарджийский мир // Вопросы военной истории России XVIII и первой половина XIX в. М., 1969. С. 342.

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ Игнатъев Н. Взгляд на постепенные изменения в образе действий русских войск против турок. СПб., 1872. С. 1.

³⁹² Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. От Нарвы до Парижа. 1700-1814 гг.

Суммируя разновекторность внешнеполитической и военной устремленности Российской империи в годы русско-турецкой войны 1768-1774 гг., можно отметить:

- Война явилась проверкой на прочность Российской империи в столкновении ее не только с Турцией, но и с рядом западноевропейских государств, которые не воспринимали Россию, как державу, и рассчитывали не допустить ее продвижения на юг, к Черному морю, к выходу на Средиземноморье, опасаясь, что она может стать сильнейшим конкурентом в социально-экономическом противостоянии. По мнению А.В. Мальгина, именно после 1774 г. о Российской империи можно говорить, как о мировой державе³⁹³.
- В целом, стоит согласиться с выводом Е.Н. Рукавишникова, который ссылаясь на президента Коллегии иностранных дел Н.И. Панина, отмечал, что Турция является своеобразным звеном между Российской империей и ведущими державами Западной Европы. Именно поэтому и Россия, и западноевропейские страны заинтересованы в том, чтобы установить с Османской империей деловые и равные отношения. А война – исключение и в принципе ничего не дает с позиции социально-экономических связей двух стран³⁹⁴.
- Россия, несмотря на всю тяжесть войны с турками (а также необходимости ведения боевых действий, как на «втором», так и на «третьем» фронтах), продемонстрировала все присущие мировой державе качества, главным из которых было защита государственных интересов, базирующаяся на лояльности (патриотизме) подданных государству.

М., 1992. С. 134.

³⁹³ Мальгин А.В. «Покоренье Крыма», 1768-1774. Симферополь, 2016. С. 3.

³⁹⁴ Рукавишников Е.Н. Внешняя политика и пребывание российского военного флота в Средиземном море. 1770–1774 гг. // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 133.

Глава 3. Мирные переговоры в ходе русско-турецкой войны 1768-1774 гг. и ее итоги: основные тенденции научной литературы

3.1. Отечественная историография о поиске путей мирного урегулирования (1769-1774 гг.)

Для исследователей оставался бесспорным утверждение о том, что Россия не видела смысла в затягивании военных действий, с войной хотели покончить как можно скорее³⁹⁵.

Как отмечает А.В. Гаврюшкин, уже осенью 1769 г. глава внешнеполитического ведомства России Н.И. Панин вел, через посредников, переговоры с представителями Крымского хана, убеждая их разорвать союз с Константинополем, поставить и решить вопрос о независимости. В этом случае российская сторона обещала прекратить военные действия на крымском участке фронта. В противном случае, Крыму грозило разорение и голод. Переговоры носили сепаратный характер, но они сыграли свою роль, поскольку крымское руководство было вынуждено задуматься о последствиях войны в случае победы русских войск³⁹⁶.

Тот же исследователь излагает сюжет с предложением, выдвинутым в 1770 г. Г.Г. Орловым, который настаивал на радикальном, как он считал, шаге ради скорейшего прекращения войны – на взятии Константинополя.

Стоит отметить, что подобную информацию – об идеи похода на Константинополь – не удалось обнаружить в каких-либо других научных исследованиях. Быть может, эта идея считалась настолько «несерьезной» и

³⁹⁵ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

³⁹⁶ Там же.

«проходной», что на ней даже и не заострялось внимания, а быть может это исключительно предположение самого исследователя.

Исследователи в своих оценках идеи Г.Г. Орлова могут сослаться на мнение руководства внешнеполитическим и военным ведомствами, которые оценивали идею, как авантюрную. Но Екатерина II, уверен А.В. Гаврюшкин, считала иначе, по ее мнению, чтобы переговоры о мире продвигались быстрее и были успешными, стоит нанести противнику такой удар, который не оставит ему выбора в вопросе мира и войны. В результате высшее общество, чиновничий мир Российской империи, условно разделились на два лагеря.

Тот же исследователь излагал позицию Н.И. Панина, также выступающего за скорейшее прекращение войны, готовился к непростому переговорному процессу, а братья Орловы, тогдашние фавориты императрицы, рассматривали переговоры, по крайней мере, о перемирии, лишь как время для подготовки развертывания военной операции по взятию турецкой столицы³⁹⁷.

Турецкая сторона, как отмечается научных трудах дореволюционного этапа историографии (и эта позиция была поддержана и позже), впервые озвучила идею о возможности прекращения военных действий и заключения мирного договора в 1770 г., после поражений, нанесенных ей русской армией и флотом под Ларгой и Кагулом и у Чесмы³⁹⁸. Именно тогда официальный Константинополь обратился к Австрийскому и Прусскому дворам выступить посредниками во время мирных переговоров с Российской империей. Несмотря на то, что Вена и Берлин согласились, Екатерина II отнеслась с неодобрением к данному (о возможных посредниках) предложению³⁹⁹. Как

³⁹⁷ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

³⁹⁸ См.: Лефорт А.А. Царствование государыни императрицы Екатерины II. М., 1837.

³⁹⁹ См.: Вяземский П. О политике Фридриха Великого с 1763 по 1775 год. М., 1868; Мартенс Ф. Россия и Пруссия при Екатерине II // Вестник Европы. 1882. № 5-6; Гендель Г.М. Позиция Пруссии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Ученые записки Горьковского государственного университета имени

отмечает А.В. Гаврюшкин, такое решение русская императрица приняла после продолжительной беседы с главой Коллегии иностранных дел Н.И. Паниным, который считал, что посредники, в лице Австрии и Пруссии, учитывая их скрытую неприязнь к России, способны оказывать давление на Турцию⁴⁰⁰. Со своей стороны, как утверждается в ряде исследований, Фридрих II, опасался, что русско-турецкая война может перерасти в общеевропейскую⁴⁰¹, а потому всеми силами и возможностями пытался выступить посредником, считая, что сможет уговорить воюющие стороны прийти к согласию. Опять же, в исторической литературе мы не найдем даже намека на дискуссию вокруг вопроса о том, почему Екатерина II постоянно и настойчиво отказывалась от посредничества, как союзной Пруссии, так и нейтральной Австрии. Причина – опасение, что взамен эти два посредника потребуют «свою долю» за услуги в прекращении войны⁴⁰².

Возможно причина отказа от посредничества, как считают исследователи, в другом. Успехи русского оружия в 1770 г. вселили надежды на то, что победа России – дело скорейшего времени, и капитуляция Турции гораздо выгоднее имиджу России, чем подписание мирного договора, удовлетворяющего не только победителя, но и побежденного, – позиция Г.М. Генделя⁴⁰³. На последнем настаивали и Пруссия, и Австрия, – отмечал П. Вяземский⁴⁰⁴.

Но военные успехи 1770 г. не привели российскую сторону к победе, война продолжалась. В конце лета 1770 г. Военный совет дал П.А. Румянцеву

Н.Н.Лобачевского. Горький, 1957. Серия историко-филологическая. Вып. 43; Его же. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1947. Выпуск исторический. Т. 17.

⁴⁰⁰ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

⁴⁰¹ Гендель Г.М. Позиция Пруссии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 210.

⁴⁰² Вяземский П. О политике Фридриха Великого с 1763 по 1775 год. М., 1868. С. 29.

⁴⁰³ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 212.

⁴⁰⁴ Вяземский П. Указ. соч. С. 72.

поручение установить контакты с турецкой стороной и передать предложение начать мирные переговоры без привлечения посредников, которые, повторим еще раз позицию ряда исследователей, были заинтересованы во взаимном военном и экономической истощении обеих противостоящих друг другу сторон. Это подтверждается и документальными источниками⁴⁰⁵.

Как считают современные исследователи, внутри- и внешнеполитические ситуации, военные поражения, вынуждали Османскую империю задуматься над предложениями российской стороны о начале мирных переговорах⁴⁰⁶.

Каковы же были требования России?

Отечественные историки указывают, что первым требованием официального Петербурга было немедленное и безусловное освобождение русского посланника в Турции А.М. Обрескова, находящегося в заключении вот уже почти два года⁴⁰⁷. Кроме того, российская сторона высказала желание приобрести базу в Архипелаге (Греция)⁴⁰⁸, добиться амнистии для участников антитурецкого восстания в Мореи, решить вопрос о независимости Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии), открыть Черное море для русской торговли и передать России Таганрог и Азов⁴⁰⁹.

Исследователи лишь перечисляют данные пункты, поскольку дискуссионных аспектов здесь вряд ли можно обнаружить, каждое из

⁴⁰⁵ Политическая переписка императрицы Екатерины II. СПб., 1896. Т. 97. 1769-1771. С. 139.

⁴⁰⁶ См.: Мальгин А.В. «Покоренье Крыма», 1768-1774. Симферополь, 2016; Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция (проблема формирования границ). М., 1999; Шеремет В. Война 1768-1774 гг. в исторических судьбах Османской империи // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000.

⁴⁰⁷ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 197; Кирьякова Е.П. Дипломатическая деятельность П. А.Румянцева в период русско-турецкой войны 1768-1774 годов // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Тирасполь, 1997. № 1. С. 27.

⁴⁰⁸ Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. С. 105.

⁴⁰⁹ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 197.

положений обуславливалось важностью его для российской стороны, для укрепления ее южных границ.

Вопрос для исследователей заключен в дипломатической сфере: почему Австрия одобрила, выдвинутые в 1770 г. русские требования, а Пруссия воздержалась и заняла нейтральную позицию? И почему официальная Вена поручила своему послу в Турции Тугуту сделать все для освобождения Обрескова и других сотрудников русской миссии в Константинополе, и не стремилась более выступать посредником в ходе переговорного процесса, а официальный Берлин опять же придерживался нейтралитета во всех переговорных процессах?

Эти вопросы поставлены в научных трудах⁴¹⁰, но ответа в исследовательской литературе мы не найдем.

Однако можем сами предположить, что Австрия, в отличие от Пруссии не находилась в определенной политической зависимости от России, да и не была с ней связана союзным договором (от договоренностей предыдущих, как мы отмечали выше, официальная Вена отказывалась). Австрия, не желая упускать свою выгоду от идущей войны и ее возможных последствий, принимала любой дипломатический или политический поворот, стремясь использовать так или иначе все возможности, но – не диктуя свою волю или желание.

Е.И. Дружинина отмечала, что в 1770 г. впервые было четко сформулировано требование о предоставлении независимости Дунайских княжеств. Это было вызвано тем, что после побед русской армии на Дунайском театре военных действий в Россию побывало несколько делегаций и Валахии и Молдавии, выразившие пожелание о присоединении к Российской империи. Однако Н.И. Панин считал, что постановка вопроса о присоединении на данный момент может вызвать волну недовольства в

⁴¹⁰ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 198.

Европе, но предоставление независимости – обсуждаемая тема⁴¹¹. В Петербурге учитывали тот факт, что с началом войны с Турцией в Дунайских княжествах усилились антитурецкие настроения, выливающиеся порой в открытые столкновения с турецкими властями, и что Константинополю приходилось держать на этом направлении войска, которые было бы выгоднее использовать на иных театрах военных действий, - считал историк И.А. Котенко⁴¹². Он же отмечал, что требуя предоставить дунайским княжествам независимость, российская сторона исходила, прежде всего, исключительно из интересов собственного дворянства. Но дунайские княжества, будучи независимыми, по его мнению, могли оказаться и под протекторатом Российской империи. Кроме того, Россия могла в случае предоставления независимости дунайским княжествам, отодвинуть свои границы ближе к Дунаю и укрепить свои стратегические позиции в этом регионе.

Эти два возможных варианта развития событий свидетельствовали о том, что «русское самодержавие преследовало захватнические цели в отношении Молдавии к Валахии». Однако с другой стороны, действия России «совпадали» (это мнение автора) с интересами населения княжеств, так как отделение Валахии и Молдавии от Турции привело бы к ликвидации «османского гнета», к установлению широких социально-экономических, культурных и политических связей с Россией⁴¹³.

⁴¹¹ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 122-123.

⁴¹² Котенко И.А. Молдавский вопрос в период русско-турецкой войны 1768-1774 годов и русская дипломатия // Ученые записки Бельцкого педагогического института. 1958. Вып. 3. С. 3.

⁴¹³ Котенко И.А. Указ. соч. С.5; См. также: Котенко И.А. Из истории освободительного движения в Молдавии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Ученые записки Тираспольского государственного института. Тирасполь, 1957. Вып. 3. С. 3; Он же. Из истории участия молдавских отрядов в русско-турецкой войне 1768-1774 годов // Вековая дружба. Материалы научной сессии Института истории Молдавского филиала АН СССР, состоявшейся 27-29 ноября 1958 г. Кишинев, 1961. С. 23-40; Кожолянко Г.К. Русско-турецкая война 1768 - 1774 гг. и ликвидация турецкого господства в северной части Буковины // Русин. Международный исторический журнал. Кишинев, 2014. №. 1 (35). С. 83.

Диалектический подход, свойственный советским исследованиям проявляется здесь очень рельефно. Возникает вопрос – что приобретали и что теряли Дунайские княжества в случае присоединения к России? У исследователей разные гипотезы; причем, точка зрения советских историков совпадает с позицией дореволюционных исследователей в том, что покровительство России даст возможность княжествам развиваться более интенсивно (учитывая общность и религиозную, и в чем-то историческую, и даже ментальную), но диаметрально противоположна в предположении общности социально-экономической (то есть, классовой) борьбы; то гипотезы современных исследователей лишь отчасти совпадают с дореволюционным видением проблемы, но – радикально различны в оценках с советской исторической литературой⁴¹⁴.

Мирные переговоры в 1770 г. однако, не состоялись. Их проведению, как считали историки, противодействовала Франция, которая усилила свое политическое давление на Константинополь, настаивая на продолжении борьбы Турции с Россией. Париж предложил продать турецкой стороне 12-15 кораблей, чтобы в какой-то мере компенсировать потери турецкого флота в битвах при Хиосе и Чесме, а также направил польским конфедератам, в ранге главного военного советника генерала Дюмурье (причем – без согласования с самими конфедератами). Ряд исследователей считало, что Франция дала войне новую подпитку, другие, что вмешательство официального Парижа

⁴¹⁴ См.: Добров Л. Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. СПб., 1879; Гросул Г.С. Дунайские княжества в политике России. 1774-1806. Кишинев, 1975; Ткач В.И. Организация центральных органов русско-молдавской администрации в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев, 1988; Хайдарлы Д.И. Политические взаимоотношения между Молдавией и Крымским ханством в XVIII в.: (1718-1774): дисс. ... к.и.н. Кишинев, 1998; Семенова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV - начало XIX в.: очерки внешнеполитической истории. М., 2006.

лишь усугубило ситуацию для Барских конфедератов, и проч.⁴¹⁵ То есть, в исследовательской среде нет единогласия.

П.П. Черкасов оценивает ситуацию таким образом: продолжая оказывать материально-техническую помощь Порте, Франция одновременно ставила перед собой задачу - дипломатическими средствами свести к минимуму итоги побед России на полях сражений, имея в виду перспективу мирного урегулирования инициированного ею же конфликта. Предполагалось в нужный момент выступить с предложением посредничества Франции в неизбежных в недалеком будущем русско-турецких переговорах о мире, действуя в этих переговорах в пользу турецкой стороны. По мере того, как Порта терпела одно поражение за другим, настойчивость французской дипломатии по проталкиванию идей своего посредничества постоянно усиливалась⁴¹⁶.

То есть, обобщая позицию П.П. Черкасова, можно сказать, что Париж вел даже не двойную, а тройную дипломатическую «игру»: с одной стороны, выступал против переговоров Турции с Россией, с другой – продолжал осуществлять поставки вооружения в Турцию, с третьей – не исключал переговоры в будущем, но лишь тогда, когда Россия по максимуму истощит свои силы и ответит согласием на возможное посредничество в достижении мира исключительно Франции.

«Пристрастная позиция Франции была совершенно очевидна, что исключало саму возможность французского посредничества в мирных переговорах России и Турции. В Версале Россию считали, и не без основания, главной нарушительницей европейского равновесия, и потому не имели никакого желания содействовать ее намерениям. Тем не менее, французская дипломатия настойчиво продолжала домогаться своего

⁴¹⁵ См., например: Безобразов П.В. О сношениях России с Францией. М., 1892; Виноградов В.Н. Российская северная система и французский восточный барьер // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000.

⁴¹⁶ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. // Новая и новейшая история. М., 1996. № 1. С. 65.

приобщения к переговорному процессу, имея в виду оказание политической поддержки терпевшей поражения Порте», - суммирует П.П. Черкасов⁴¹⁷.

Л.Г. Бескровный в свою очередь считал, что мирные переговоры не состоялись потому, что Турция настаивала на посредничестве Австрии и, быть может, Пруссии, а для России подобный подход был неприемлем⁴¹⁸.

Э.Г. Джахиева в оценках причин срыва переговоров в 1770 г. повторяет мнение и Л.Г. Бескровного и С.М. Соловьева – из-за противоположных взглядов турецкой и российской стороны на возможность привлечения посредников⁴¹⁹.

Понятно, что взгляды противоборствующих сторон на условия заключения мира всегда будут несовместимыми.

Да и в самом Петербурге, как считает Е.П. Кирьякова шла борьба вокруг вопроса о посредниках: одна из групп выступала категорически против, вторая группа, считая, что главное – это начать переговоры с Константинополем, хоть и при посредниках, от услуг которых можно было и отказаться⁴²⁰.

Л.Г. Бескровный считает, что Пруссия, несмотря на свою, по сути, безразличную реакцию на предложения о мире со стороны России в 1770 г., активизировала свою дипломатическую деятельность. В качестве доказательства он приводит встречу Фридриха II и с австрийским императором Иосифом II в Нейсе (она правда состоялась еще в августе 1769 г.) и встречу этих же лиц в Нейштадте в 1770 г. (на этой встрече присутствовали и турки), в ходе которых Австрия и Пруссия приняли ряд важных и по сути антироссийских решений, а именно о сосредоточении

⁴¹⁷ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. С. 68.

⁴¹⁸ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 487-488.

⁴¹⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. VI. Т. 28. С. 694-696; Джахиева Э.Г. Договоры России с Турцией, Ираном и правителями Кавказа. 1774-1813 гг. Махачкала, 2006. С. 19.

⁴²⁰ Кирьякова Е.П. Дипломатическая деятельность П.А. Румянцева в период русско-турецкой войны 1768-1774 годов // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Тирасполь, 1997. № 1. С. 27-28.

австрийских войск в Трансильвании, на стыке польско-турецкой границы, согласовали предложение о посредничестве в возможных русско-турецких переговорах. На ход и решение этих двух встреч ссылался и С.М. Соловьев, считавший позицию и Пруссии, и Австрии по сути предательской по отношению к России⁴²¹.

Л.Г. Бескровный указывает на то, что Екатерина II отправила прусскому королю проект мирного договора (это поступок ряд исследователей рассматривали как ничем не оправданную уступку и, по сути, ошибку⁴²²), который содержал не только уже озвученные для Турции условия окончания войны, но и новые; в частности, Большая и Малая Кабарда должны отойти к России, Турция должна отказаться от своих территорий в Грузии и Закавказье, а также требование уточнения государственных границ Российской империи на Северном Кавказе.

Фридрих II ничего не ответил русской императрице, а австрийскому императору сообщил, что, по его мнению, требования Петербургского двора чрезмерны⁴²³.

Э.Г. Джахиева правда настаивает на том, что получив новые требования к Турции, Фридрих ответил российской императрице, что она может рассчитывать на присоединение к империи Большой и Малой Кабарды, на присоединение крепости Азов, и на мореплавание по Черному морю. Однако Австрийская империя открыто заявила о том, что независимость Крымского ханства, Валахии и Молдовы может в конечном счете угрожать ее, Австрии, безопасности⁴²⁴.

Таким образом, переговорный процесс закончился ничем.

⁴²¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. VI. Т. 28. С. 681-683.

⁴²² Вяземский П. О политике Фридриха Великого с 1763 по 1775 год. М., 1868. С. 12-14.

⁴²³ Там же.

⁴²⁴ Джахиева Э.Г. Договоры России с Турцией, Ираном и правителями Кавказа. 1774-1813 гг. Махачкала, 2006. С. 19.

Однако, как подчеркивают исследователи, даже после отказа Турции от возможности мирного урегулирования противостояния, в Петербурге требования России, продолжались уточняться и корректироваться. В частности было добавлено требование о предоставлении России Крымским ханством, как только оно получит независимость, ряда портов и крепостей на ее территории. Позже Россия указала на Керчь и Еникале (а также – Тамань, которая имела стратегическое значение для противоборствующих сторон⁴²⁵). В научной литературе отмечалось, что в высших государственных и дипломатических кругах европейских стран (Российская империя, Пруссия, Австрия, Франция, Англия) велись споры вокруг требований о возможности использования Россией Черноморских проливов, как в торговых, так и военных целях, а также покровительства российской императрицы над христианским населением Турции. Поднимался и вопрос о Дунайских княжествах: российская сторона готова была выдвинуть предложение о протекторате над ними сроком на 25 лет. Обсуждались вопросы, связанные с будущим Грузии и всего Закавказья⁴²⁶.

Исследователи единодушны во мнении о том, что консультации о ситуации на русско-турецком фронте и о возможных последствиях ряда побед русского оружия в 1770 г. шли не только Россией и Турцией, но и между Веней и Константинополем. Историки акцентируют внимание на том, что именно в конце 1770 г. между этими двумя странами шли интенсивные переговоры о заключении секретной конвенции. Согласно последней, Австрия брала на себя обязательства воздействовать на Россию, рассчитывая вернуть Константинополю захваченные территории. Турция даже

⁴²⁵ См.: Шапавалов С.Н. Крепость Тамань в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг.: между Россией и Турцией // Турция и славянский мир: вопросы международных отношений и историко-культурных связей: материалы Международной научно-практической конференции (28 октября 2016 г.). Краснодар, 2016. С. 52-60; Его же. Земли Тамани в стратегических планах Российской империи и Османской Порты во время войны 1768–1774 гг. // Общество: философия, история, культура. Научный журнал. Краснодар, 2017. №. 7. С. 79-83.

⁴²⁶ Джахияева Э.Г. Договоры России с Турцией, Ираном и правителями Кавказа. 1774-1813 гг. Махачкала, 2006. С. 19.

поддержала бы (что и произошло) позицию Австрии денежным вливанием в ее казну.

Г.М. Гендель перечисляет основные пункты конвенции более подробно:

1. Австрия обязывалась Россию освободить и мирным путем или силой оружия принудить возвратить Порте крепости и территории, принадлежащие Турции и захваченные Россией.
2. Австрия должна была содействовать ускорению мира без нарушения независимости и прав Польши.
3. Порта за содействие, оказываемое ей, уплачивает Австрии субсидию в размере 11 ^{1/4} млн флоринов. Из них одну пятую часть — немедленно.
4. Порта соглашается уступить Австрии часть Валахи между Трансильванией, Банатом, Дунаем и Алутой. Договор должен храниться в тайне, особенно относительно Франции⁴²⁷.

Исследователь убежден, что эта конвенция была направлена непосредственно против России, а ее заключение явилось реальным и формальным нарушением объявленной Австрией политики нейтралитета⁴²⁸.

Подписывая эту конвенцию, как считал К.В. Базилевич, Турция очень рассчитывала не только на реальную помощь со стороны Австрии, но также и возможное вступление в войну Швеции. Рассчитывая на изменение в позиции по отношению к России этих двух стран, а также прислушиваясь к обещаниям Франции, Константинополь отказывался идти не только на какие-либо переговоры с Россией, но даже на обсуждение условия мирного договора⁴²⁹.

Г.М. Гендель указывает в этой связи на то, что уже весной 1771 г. российская сторона убедилась в том, что не удастся заставить официальный

⁴²⁷ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1947. Выпуск исторический. Т. 17. С. 201-202.

⁴²⁸ Там же. С. 202.

⁴²⁹ Базилевич К.В. О Черноморских проливах (Из истории вопроса). М., 1946. С. 10.

Константинополь пойти на заключение мирного соглашения без участия посредников. Н.И. Панин довел позицию России (по мирным условиям) до Австрийской империи. Но когда российская сторона предложила провести прямые переговоры с австрийским канцлером без посредничества прусского представителя, оказалось, что «слаженный механизм» австрийской дипломатии действует по выработанному ранее плану и не намерен отступать от принятых программных принципов. Изменить направление австрийской внешней политики могли только кардинальные уступки со стороны России, поскольку предложения российской Коллегии иностранных дел показались официальной Вене абсолютно неприемлемыми⁴³⁰.

К.В. Базилевич считает, что в ответ на реакцию Австрии Екатерина II вновь скорректировала условия будущего мира:

- сокращение военной мощи Турции – передача России крепости Азова, согласно условиям мирного договора от 1700 г., провозглашение независимости Крымского ханства и присоединение к Российской империи территорий Большой и Малой Кабарды, вывод турецких войск с грузинской территории;
- допуск России на Черное море и на черноморские рынки с выходом в Средиземное море через Босфор и Дарданеллы
- возмещение понесенных Россией убытков⁴³¹.

Как видно из указанного в исследовании К.В. Базилевича перечня требований, исчезло одно из звучавших – о Молдавии и Валахии. Императрица Екатерина II так и не решила для себя, на чем остановиться в вопросе о Дунайских княжествах.

Самое серьезное беспокойство у европейских государств, как считает уже упомянутый выше К.В. Базилевич, вызывало настойчивое требование России о предоставлении свободного плавания торговым судам в акватории

⁴³⁰ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 199.

⁴³¹ Базилевич К.В. Указ. соч. С. 9.

Черного моря. Прекрасно понимая, что этот вопрос даже не политический, а сугубо экономически, Франция и Австрия стремились сделать все, чтобы Турция ни в коем случае не соглашалась на удовлетворения этого требования.

Базилевич не договаривал: экономика предопределяла политический вектор, а не наоборот. По нашему мнению, правы те исследователи, которые напоминали, что Западная Европа сопротивлялась проникновению русских коммерсантов, русского торгового флота и через Балтику (в самом начале XVIII в.). И тогда у каждого европейского государства находились причины не допустить создания портов и баз России на побережье Балтийского моря, выход русских на рынки сбыта (и сырья), установления дипломатических отношений с теми странами, которым союз с Петербургским двором был крайне выгоден⁴³². По сути, отмечал К.В. Базилевич, несмотря на прошедшие 60 лет после смерти Петра I, противники России в Западной Европе остались все те же, и прибегали они ко всем тем же идеям, лозунгам и действиям⁴³³.

И все же Россия искала и использовала все возможности, в первую очередь дипломатического плана, чтобы защитить свои позиции и доказать свою правоту, - считал Ф.А. Кудринский⁴³⁴, с которым консолидировалось большинство отечественных исследователей.

По мнению историков, помощь Петербургскому двору порой приходила от кругов, от которых ее меньше всего ожидали, но которые, благодаря опыту, считали, что мировые державы не правы в своих оценках и поступках в отношении России. Так, как отмечает А.В. Гаврюшкин, усилия австрийского императора в его противостоянии с Российской империей были, по сути, дезавуированы его матерью, престарелой императрицей

⁴³² См.: Фирсов Н.Н. Правительство и общество в их отношениях к внешней политике России в царствование императрицы Екатерины II: Очерки из истории торговой политики. Казань, 1902.

⁴³³ Базилевич К.В. Указ. соч. С. 9-10.

⁴³⁴ Кудринский Ф.А. Императрица Екатерина II: Сборник исторических статей. Вильна, 1904. С. 89; Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883; и др.

Марией Терезией, которой удалось убедить в своей правоте еще и австрийского канцлера Кауница. Она напрямую высказала своему сыну-императору, что его стремление вести двойную игру в отношении, как Турции, так и России может обернуться большой катастрофой для страны. Ей вторил Кауниц, предложивший императору отказаться от угроз Российской империи оружием (правда, в приватном разговоре с российским послом он предлагал передать императрице, что стоит выдвигать Турции только требования материального возмещения убытков, забыв о территориальных приращениях)⁴³⁵.

По этому поводу исследователь Г.М. Гендель абсолютно прав в своем видении ситуации: внешняя политика Австрийской империи была очень «своеобразной», поскольку руководствовалась исключительно одним принципом — нельзя допустить, чтобы иные соседние государства обогащались (территориально и населением) более чем сама Австрия. Это в первую очередь относилось к восточному направлению внешней политики Австрийской империи; иных целей здесь у официальной Вены не было⁴³⁶.

В научной литературе отмечается, что турки естественно, чувствуя негласную поддержку со стороны не только Франции, но и (до определенного времени) Австрии решительно отказывались даже обсуждать возможность свободного плавания по Черному морю торговых судов из России. Отказывались рассматривать и вопрос о передаче России крепости Еникале, которую считали «ключом к Константинополю»⁴³⁷.

По мнению А.В. Гаврюшкина⁴³⁸, и в этом его могли бы поддержать другие отечественные исследователи⁴³⁹, условия российской стороны, на

⁴³⁵ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

⁴³⁶ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 205.

⁴³⁷ Базилевич К.В. Указ. соч. С. 11.

⁴³⁸ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

которых она готова была заключить мирный договор, отличались известной умеренностью. В частности в качестве территориальных приращений Россия настаивала на Азове, Большой и Малой Кабарде. Население последних, в первую очередь – правители, уже неоднократно обращались в Петербург с просьбой о включении в состав Российской империи⁴⁴⁰.

Исследователь В.Е. Пищугова отмечает, что в ходе войны 1768-1774 гг. российская политика в Кабарде определялась целым комплексом как местных, региональных, внутривластных, так и внешнеполитических обстоятельств. Но военные средства решения проблем в этом регионе (особенно во взаимоотношениях с властной верхушкой) никогда не рассматривались, как приоритетные. Но расчеты русского правительства по привлечению кабардинской элиты для укрепления русского влияния в регионах Центрального Кавказа не оправдывались в полном объеме ожидаемого, так как существовавшая местная «фронда» противилась протекторату России (еще со времени появления крепости Моздок), считая, что утрачивает из-за усиливавшегося здесь русского присутствия свою власть среди местного населения.

Кабардинская элита, прекрасно оценивая ослабление давления со стороны, как Турции, так и Крымского хана, стремилась к собственному доминированию в крае, и российское присутствие лишь сковывало ее внутреннюю политику. Этим автор объясняет и проблемы между кабардинской элитой и русской администрацией, существовавшие последующие десятилетия⁴⁴¹. Такой же позиции придерживается и

⁴³⁹ См.: Стегний П. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М., 2002.

⁴⁴⁰ См.: Якубова И.И. Политика России на Центральном Кавказе в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989.

⁴⁴¹ Пищугина Е.В. Политика Российского правительства в Кабарде в ходе османороссийской войны 1768-1774 гг. // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 86.

И.И. Якубова, изучавшая особенности политической ситуации на Центральном Кавказе в условиях русско-турецкой войны 1768-1774 гг.⁴⁴².

Иными словами, местная кабардинская знать, хотя и не отрицали предпочтения в ориентации на Россию, но стремились к независимости. Подобные тенденции в будущем могли обернуться откровенно сепаратистскими настроениями.

Но стоит вернуться к оценкам исследователей переговорного процесса в 1771 г. В новой редакции предложений и требований к Турции Россия не настаивала на присоединении к ней земель Молдавии и Валахия, а только предоставления им независимости или же протектората на 25 лет. То же касалось и земель Западной и Восточной Грузии.

По мнению А.В. Гаврюшкина, требование предоставить свободное мореплавание торговому флоту было вполне закономерным и обоснованным. Единственно в чем Петербургский двор не желал уступать, это вопрос о независимости Крымского ханства. Остальные же вопросы могли быть согласованы, в том числе за счет взаимных уступок⁴⁴³.

Г.М. Гендель считал, что Россия с самого начала 1771 г. пришла к мысли, что независимый от Турции Крым для нее важнее, чем Дунайские княжества. Россия постепенно стала отходить от требования аннексий княжеств на 25 лет, в начале лета 1771 г. настаивая только на независимости их, а в декабре 1771 г. согласилась вернуть их Порте⁴⁴⁴.

Что касается вопроса о статусе Крыма, то Г.А.Санин считает, что это произошло ранее, а именно 15 марта 1770 г. на заседании Совета, где было решено не добиваться включения Крыма в состав Российской империи, а настаивать на его независимости⁴⁴⁵. Т.М. Феофилактов считает, что отказ от

⁴⁴² См.: Якубова И.И. Политика России на Центральном Кавказе в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989. С. 27-43.

⁴⁴³ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

⁴⁴⁴ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 203.

⁴⁴⁵ Санин Г.А. Проблема Проливов в годы русско-турецкой войны (1768-1774 гг.) // Россия

идеи присоединения Крыма к Российской империи, и выдвижение предложения о предоставлении независимости Крымского ханства произошло 6 ноября 1768 г. на Государственном совете⁴⁴⁶ (что подтверждается и документами⁴⁴⁷).

Данные Генделя о сроках изменения взглядов России на будущее Молдавии и Валахии невозможно проверить, но дела даже не в том – когда, а в какой вектор превалировал в корректировке позиции Петербургского двора – положительный и отрицательный.

Таким образом, исследователи правы в том, что вопрос о мирных переговорах между противоборствующими странами стоял на повестке дня уже с осени 1769 г. И та, и другая стороны прекрасно понимали – после года противостояния – что проблемы можно решить и дипломатическим путем. Однако неудачи переговорного процесса были обусловлены в первую очередь действиями стран напрямую не участвующими в военном конфликте, но рассчитывающими получить политические и экономические дивиденды. Это в первую очередь относилось к Франции, а также к Австрии и Пруссии. Свою роль в срыве первых попыток переговоров, как точно было подмечено в научной литературе, сыграли и политические амбиции ряда государственных деятелей.

В исследовании А.Н. Петрова представлена последовательность событий как предваряющих, так и дающих представление о ходе мирных переговоров в Журже и Фокшанах, и их результатов:

Начало переговоров с Турцией по вопросу заключения мира. Важность перемирия, как для России, так и для Османской империи в 1772 г. Прибытие в Журжу уполномоченных двух стран в апреле 1772 г. Затруднения (и причины) хода мирных переговоров в Журже. Заключение перемирия в мае

и Черноморские проливы (XVIII-XX столетия). М., 1999. С. 54.

⁴⁴⁶ Феофилактов Т.М. Кубанский вопрос в русско-турецких отношениях в 1768-1774 гг. // Вопросы истории и филологии. Ростов-на-Дону, 1974. С. 71.

⁴⁴⁷ Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. 1. Ч. 1. С. 44.

1772 г. Конгресс в Фокшанах. Дискуссии вокруг вопроса о предоставлении независимости Крымского ханства. Закрытие Фокшанского конгресса⁴⁴⁸.

Э.Г. Джахиева указывает на то, что в начале марта 1772 г. Константинополь *напрямую* обратился к Петербургскому двору с предложением начать мирные переговоры. Российские власти ответили согласием, но требовали освободить А.М. Обрескова и его подчиненных по дипломатической миссии с тем, чтобы турки тем самым подтвердили серьезности и обстоятельности своего предложения о переговорах⁴⁴⁹.

Российский поверенный А.М. Обресков был немедленно освобожден и выехал в Петербург.

Российскую делегацию на переговорах возглавил П.А. Румянцев, а турецкую – один из турецких министров Абдул-Керим. Местом переговоров стала крепость Журжа.

Переговоры начались 13 мая 1772 г. Но в течение почти двух недель шло согласование условий перемирия: предусматривалось сохранение всех сухопутных и морских сил на занятых позициях, запрещалось прохождение как турецкого флота из Черного моря в Архипелаг и обратно. И Россия, и Турция согласились, что сроки завершения перемирия на разных участках русско-турецкого фронта должны быть различными - на Кавказе до 1 октября, в Средиземноморье – до 1 ноября и т.д.

Е.Н. Рукавишников акцентирует внимание и на том, что переговоры шли не только между военным руководством сухопутных сил, но военно-морских флотов России и Турции (на острове Парси) – между адмиралом Г.А. Спиридовым и Мустафой беём⁴⁵⁰.

Соглашение о перемирии вступило в силу 20 июля 1772 г.⁴⁵¹. Военные

⁴⁴⁸ Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769-1774 гг. СПб., 1874. Т. 4. (1772-1773 гг.). С. 5-7.

⁴⁴⁹ Джахиева Э.Г. Договоры России с Турцией, Ираном и правителями Кавказа. 1774-1813 гг. Махачкала, 2006. С. 20.

⁴⁵⁰ Рукавишников Е.Н. Внешняя политика и пребывание российского военного флота в Средиземном море. 1770–1774 гг. // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 127.

⁴⁵¹ Джахиева Э.Г. Указ. соч. С. 21.

действия в 1772 г., таким образом, не велись (за исключением стычек с конфедератами). И это, как отмечали исследователи, было известным достижением дипломатии.

Проведение самих мирных переговоров решено было перенести в Фокшаны, населенный пункт, расположенный недалеко от Бухареста. Российскую сторону представляли Г.Г. Орлов и прибывший из Петербурга с личными инструкциями А.М. Обресков.

По мнению А.В. Гаврюшкина, назначение руководителем делегации Орлова, по сути, предопределило неудачу встречи двух сторон, так как в нарушении инструкций Екатерины II и Н.И. Панина, глава российской делегации начал переговоры исходя из собственного видения военной и геополитической ситуации⁴⁵².

По мнению Э.Г. Джахиевой, Г.Г. Орлов, отказавшись от строгого соблюдения права на завоеванные государством-победителем новых территорий, сделал заявление о готовности российской стороны в этом вопросе пойти на некоторые уступки.

Центральными и дискуссионными вопросами на Фокшанском конгрессе оставались договор между двумя Россией и Турцией о налаживании межгосударственных отношений после окончания войны; размер и выплата компенсаций Российской империи за ее военные расходы; выработка внешнеполитического инструментария для предотвращения возможных конфликтов, в первую очередь военного между этими двумя странами в будущем⁴⁵³.

Последний пункт не совсем ясен, как по источнику, так и в изложении его исследователя Э.Г. Джахиевой. Речь, скорее всего, идет о заинтересованности и Турции и России в окончании войны, установлении мира и поддержания последнего усилиями обеих сторон.

⁴⁵² Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

⁴⁵³ Джахиева Э.Г. Указ. соч. С. 21-22.

По мнению Е.И. Дружининой серьезные разногласия между Г.Г. Орловым и А.М. Обресковым сыграли свою негативную роль во время конгресса в Фокшанах.

Орлов считал, что возможно решить задачи России без учета реальной обстановки, трудностей внутри- и внешнеполитических обстоятельств. Перемирие Орлов рассматривал как время для перегруппировки войск и военно-морского флота.

Обресков же наоборот настраивал всех на длительный переговорный процесс, в ходе которого придется идти и на компромиссы и жесткое отстаивание российских позиций; главное – не торопится (чему способствовало бы длительное перемирие)⁴⁵⁴.

Остается неясным, почему Е.И. Дружинина считала, что Екатерина II поддерживала позицию Орлова, хотя ее инструкциями (совпадающие во многом с позицией Обрескова) как раз и руководствовался российский экспосланник в Константинополе? Получается, что Орлов представлял собственную позицию?

В этом подходе мы солидаризируемся с Э.Г. Джахиевой, которая также не согласна с трактовкой Е.И. Дружининой причин провала этого этапа переговорного процесса. Э.Г. Джахиева считает, что одной из причин провала мирных переговоров в Фокшанах стало требование Г. Орлова к Турции отказаться от инвеституры. Турецкая делегация усматривала причину срыва переговоров с российской стороной в позиции, занятой австрийскими и прусскими наблюдателями, которая оценивалась, как «недостаточно твердая»⁴⁵⁵.

Анализируя особенности Фокшанского переговорного конгресса, Г.М. Гендель, отмечал, что уже в начале переговоров между тремя странами, представители которых участвовали на этом форуме (Австрии, Пруссии и

⁴⁵⁴ Дружинина Е.И. Русский дипломат А.М. Обресков // Исторические записки. М., 1952. Т. 40. С. 270; Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 181.

⁴⁵⁵ Джахиева Э.Г. Указ. соч. С. 22.

России) происходили дискуссии. Спор шел, главным образом, между Австрией, с одной стороны, и Пруссией и Россией — с другой, но не по вопросу о требованиях России и Турции, а по вопросу о размерах польской доли (во всю в то время шли встречи и дебаты вокруг будущего раздела Польши) каждого участника⁴⁵⁶.

Но это, подчеркивает Г.М. Гендель, давало Австрии возможность маневрировать и по русско-турецкому вопросу. У России могло создаться впечатление, что подобная неблагоприятная позиция определяется не системой отношения Австрии к русско-турецкому конфликту, а желанием использовать затруднительное положение России в целях приобретения большой доли в Польше. Это обстоятельство побуждало Россию уступить Австрии в польском вопросе, в надежде, что полное урегулирование споров при разделе Польши ускорит и благоприятное для России разрешение русско-турецкого вопроса.

Поэтому большой интерес представляет позиция Австрии, когда споры, связанные с территориальным распределением Польши между тремя ее соседями, были закончены. Характерно, что когда оставался только формальный момент — подписание конвенции об участии в разделе Польши, то естественно, поскольку речь об этом шла заблаговременно, в конвенцию предполагалось вписать статью о содействии Австрии России в целях заключения мира на русских условиях. Но, оказывается, венский двор и теперь старался освободиться от всяких обязательств по адресу России в отношении Порты, - так подытоживал Г.М. Гендель⁴⁵⁷.

В.И. Ульяницкий и Л.Г. Бескровный (представители разных исторических этапов отечественной историографии) указывают, что в Фокшанах российская сторона представила те требования, которые

⁴⁵⁶ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 210.

⁴⁵⁷ Там же. С. 211.

разрабатывались и корректировались в течение 1770-1771 гг.⁴⁵⁸ Россия, по мнению Л.Г. Бескровного, определилась и с Дунайскими княжествами, потребовав для них автономии⁴⁵⁹.

Однако представители турецкой стороны отвергли все требования Петербурга. Л.Г. Бескровный считает, что позиция Турции на переговорах в Фокшанах обусловлена давлением на Константинополь со стороны Австрии и Пруссии. Непонятно, однако, «исчезновение» Франции. Или ей на конгресс путь был невозможен?

Так или иначе, и это стоит повторить, но Л.Г. Бескровный совершенно прав: отказ турецких представителей от русских требований обусловила позиция послов Австрии и Пруссии («адвокатов турок»), присутствовавшие в Фокшанах в порядке «добрых услуг». В конце августа 1772 г. турецкая делегация вернулась в Константинополь⁴⁶⁰.

Однако единства в общей оценке Фокшанского мирного конгресса у исследователей нет.

А.В. Гаврюшкин считает, что конгресс в Фокшанах закончился провалом⁴⁶¹, В.Н. Виноградов и В.И. Шеремет придерживаются иной точки зрения: Фокшаны – первая встреча противостоящих сторон, встреча, на которой делегации лишь «присматривались» друг к другу, обменивались требованиями; но ждать от Фокшанского конгресса какого-то прорыва – просто неразумно⁴⁶².

Близок к позиции А.В. Гаврюшкина и Л.Г. Бескровный, но главную причину неудач Фокшанского конгресса он видит в изменившейся

⁴⁵⁸ См.: Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958.

⁴⁵⁹ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 494.

⁴⁶⁰ Там же.

⁴⁶¹ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

⁴⁶² См.: Виноградов В.Н. Кючук-Кайнарджийский мир - окно на Балканы // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000; Шеремет В. Война 1768-1774 гг. в исторических судьбах Османской империи // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000.

международной обстановке – в Швеции произошел государственный переворот, в результате которого король шведский Густав III привел к власти группу политиков враждебно настроенных к России. В Польше Станислав-Август Понятовский отказался созывать сейм для санкционирования раздела страны. Франция усилила давление и на польских конфедератов и на официальный Константинополь⁴⁶³.

Так или иначе, но переговоры в Фокшанах имели один результат, удалось запустить переговорный процесс, стороны обменялись требованиями друг к другу, выяснили, насколько противоположная сторона может, и на какие уступки, пойти. Фокшанский мирный конгресс также дал понять, на чьей стороне выступают европейские державы – Пруссия и Австрия, и какие цели преследуют на четвертый год русско-турецкой войны.

Важным итогом Фокшанского конгресса 1772 г. исследователи считают договоренность о продолжении переговоров, на этот раз в Бухаресте⁴⁶⁴. Бухарестский конгресс открылся в конце октября 1772 г., а перемирие было продлено до марта 1773 г. Россию в Бухаресте представлял только А.М. Обресков.

Е.И. Дружинина указывает на то, что русско-турецкие переговоры в Бухаресте А.М. Обресков начал с обсуждения явно второстепенных вопросов. Обсуждение главных условий российской стороны было отложено. Явно, что Обресков хотел предотвратить возможно прекращение встречи в Бухаресте, как это произошло в Фокшанах. Он ждал сообщений о заключении мирного договора между Российской империей и Крымским ханством (которое объявлялось независимым государством). Это сообщение, по мнению Е.И. Дружининой, должно было облегчить Обрескову решение поставленных перед ним задач, в том числе и признания независимости Крыма самой Турцией.

⁴⁶³ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 494.

⁴⁶⁴ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 213.

Но переговоры вновь зашли в тупик именно после выдвижения (в ноябре 1772 г.) русским представителем требований признания независимости Крыма от Турции и права на свободное мореплавание в Черном море торговых судов и военных кораблей под флагом Российской империи.

Однако переговоры не прервались (как в Фокшанах). Решено было запросить новых инструкций у русского и турецкого правительств. Ответ из Петербурга Обресков получил только в конце января 1773 г. (запрос был отослан в середине декабря 1772 г.). Но и эти полтора месяца русский дипломат использовал для дальнейшей разработки и согласования основных и второстепенных пунктов статей будущего мирного договора⁴⁶⁵.

У Г.М. Генделя мы найдем очень важное дополнение к сказанному Е.И. Дружининой: «Камнем преткновения» и на Бухарестском мирном конгрессе оставался Крымский вопрос. Согласившись на инвеституру Крымского хана султаном, Россия потребовала реального залога, обеспечивающего независимость Крыма - уступки ей Керчи и Еникале⁴⁶⁶.

Э.Г. Джахиева акцентирует внимание на том, что если русский дипломат Обресков считал вопросы Кабарды и Грузии второстепенными, то турецкая сторона, осознавала всю значимость этих регионов для внешнеполитической стратегии Османской империи в будущем, а также то, что впервые выдвинутое Россией на Бухарестском конгрессе требование о необходимости защиты православных единоверцев, являвшихся подданными другого государства, может в последующем обернуться причиной новых вооруженных конфликтов⁴⁶⁷.

⁴⁶⁵ Дружинина Е.И. Русский дипломат А.М. Обресков // Исторические записки. М., 1952. Т. 40. С. 272. См., также: Стегний П. Посол III класса. Хроники «времен Очаковских и покоренья Крыма». М., 2009.

⁴⁶⁶ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 213.

⁴⁶⁷ Джахиева Э.Г. Договоры России с Турцией, Ираном и правителями Кавказа. 1774-1813 гг. - Махачкала, 2006. С. 27, 29.

Э.Г. Джахиева привела и позицию в этом вопросе и Е.И. Дружининой: защита православных единоверцев открывало все возможности укрепить ту важнейшую религиозную опору, которой Российская империя обладала в Османской империи – авторитет среди христиан⁴⁶⁸.

По мнению Л.Е. Семеновой, содержание статьи 16-й Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. (покровительство Российской империи над Валахией и Молдовой), предоставляли российской дипломатии возможность использовать ее для предъявления требований к Турции в случае нарушения закрепленного статуса и привилегий Дунайских княжеств⁴⁶⁹.

То есть, по сути, и в Бухаресте основные споры шли вокруг основных проблем, по которым никак не удавалось достичь «дипломатического единения». И без продвижения вперед по этим важнейшим вопросам, не было подвижек переговорного процесса между двумя странами вообще.

Переговоры в Бухаресте продолжались почти пять месяцев (с октября 1772 г. до марта 1773 г.), но вновь закончились безрезультатно, - так считал Г.М. Гендель⁴⁷⁰.

А.В. Гаврюшкин, указывал на то, что турки стали еще менее сговорчивыми, и отказывались от тех уступок, на которые они шли в Фокшанах⁴⁷¹.

По мнению Л.Г. Бескровный, напуганное разрастающейся в России крестьянской войной, русское правительство готово было пойти на все

⁴⁶⁸ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 245.

⁴⁶⁹ Семенова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV - начало XIX в.: очерки внешнеполитической истории. М., 2006. С. 139.

⁴⁷⁰ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 213.

⁴⁷¹ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

уступки Турции, дабы перебросить армию на «подавление народного движения» в самой Российской империи⁴⁷².

Но это не совсем так, и далеко от истины. Тот же А.В. Гаврюшкин подчеркивая то, что переговоры были долгими и тяжелыми, акцентирует внимание на следующем - А.М. Обрескову удалось согласовать десять статей, которые год спустя вошли Кючук-Кайнарджийский договор⁴⁷³. Это были 1, 2, 4, 5, 6, 8, 9, 21, 23 и 25-я статьи будущего мирного договора 1774 г.

Авторы коллективной монографии «История внешней политики России. XVIII в. (От Северной войны до войн России против Наполеона)» высоко оценили профессионализм Обрескова, который нашел возможным включить в перечень обсуждаемых статей и пункт о свободном плавании по Черному морю российских судов, но только торговых. Но, несмотря на то, что большинство членов Совета при высочайшем Петербургском дворе поддержали Обрескова, считая, что хотя бы таким путем можно было бы начать осваивать регион, Екатерина II на это не согласилась. Сделав замечание самому Обрескову, она заявила, что не позволит официальному Константинополю диктовать, какой род кораблей имеет права быть в морской акватории⁴⁷⁴.

В работе Бухарестского конгресса представители Австрии и Пруссии не участвовали, так решили, желая предупредить нарекания, обе стороны – русская и турецкая⁴⁷⁵, но представитель Австрии в Турции находился в постоянной переписки и с Константинопольским двором, и с руководством турецкой делегации в Бухаресте. Обресков даже обвинил австрийского

⁴⁷² Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 495.

⁴⁷³ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

⁴⁷⁴ См.: История внешней политики России. XVIII в. (От Северной войны до войн России против Наполеона). М., 2018.

⁴⁷⁵ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 213.

представителя в том, что он один виноват в завершении Бухарестского конгресса (Обресков даже писал: «срыва»), - это позиция Г.М. Генделя⁴⁷⁶.

По мнению Е.И. Дружининой, в отличие от Фокшанского, Бухарестский мирный конгресс приобрел большое историческое значение. В Бухаресте мирные требования Российской империи были досконально обсуждены и получили четкое определение. Десять из них были подписаны, остальные были представлены выверенными формулировками. В дальнейшем эти наработки облегчили подписание мирного договора в 1774 г.⁴⁷⁷.

Суммируя позиции российских исследователей относительно оценки Бухарестского мирного процесса, стоит отметить, что и по этому аспекту русско-турецкой войны 1768-1774 гг. нет единого мнения. Это и понятно, так как каждый из исследователей оценивает этот этап переговорного процесса исходя из собственного видения ситуации в целом.

По нашему мнению, каждый из этапов всего переговорного процесса важен по своему, и в Журже, и в Фокшанах, и в Бухаресте, несмотря на их общий отрицательный итог, шла выработка единой позиции, сопоставлялись и сравнивались позиции как воюющих стран, так и тех государств, которые оставались наблюдателями, но от деятельности которых во многом зависела общая ситуация и в Западной Европе вообще на театре военных действий в частности.

К переговорному процессу вернулись только летом 1774 г., причем – исключительно по инициативе турецкой стороны, - что отмечают исследователи, подчеркивая тем самым изменения, сложившиеся на театрах военных действий и в самой Турции.

В Турции за прошедшее после Бухарестского мирного конгресса время произошли серьезные изменения. Скончался султан Мустафа III (правил с 1757 г.) – непримиримый противник России. Его приемникам (которых

⁴⁷⁶ Там же. С. 214.

⁴⁷⁷ Дружинина Е.И. Русский дипломат А.М. Обресков // Исторические записки. М., 1952. Т. 40. С. 276.

исследователи считают более склонными к мирному урегулированию конфликта, чем к военным методам⁴⁷⁸) предстояло решить очень сложную задачу – продолжать войну с Россией или нет. С одной стороны, Франция – явно, а Швеция, Австрия и Пруссия – тайно обещали Константинополю всяческую поддержку (и оказывали ее – финансами, вооружением, инструкторами, но не вооруженной силой), настаивая на продолжении военных действий с Россией. С другой стороны, как подчеркивают исследователи, турецкая армия и флот были практически деморализованы шестью годами противостояния⁴⁷⁹. В самой Турции ощущалась нехватка продовольствия, росло число недовольных правительством, на окраинах империи разрастались сепаратистские настроения⁴⁸⁰.

Новый султан принял решение возобновить переговорный процесс, передав вопрос заключения мира армейскому командованию.

Л. Г. Бескровный излагает процесс далее:

По приказанию султана, визирь Мухсун-заде обратился лично к П.А. Румянцеву с предложением о возобновлении переговоров, причем особо указал на то, что просьба эта идет не от него, и даже не от султана, а инициатива исходит от прусского посла в Турции.

Командующий 1-й русской армии передал предложение турецкой стороны в Петербург. Последовал рескрипт Екатерины II. Она уполномочила Румянцева вести переговоры, но на основе статей, разработанных и одобренных обеими сторонами на Бухарестском мирном конгрессе.

По свидетельству А.Н. Петрова, располагавшего перепиской П.А. Румянцева, о требовании Петербургского двора командующий сообщил и Мухсун-заде. Последний попытался протестовать, повторяя высказанные

⁴⁷⁸ См.: Бухаров Д. Россия и Турция от возникновения политических между ними отношений до Лондонского трактата 13/25 марта 1871 г. Исторический очерк. СПб., 1878.

⁴⁷⁹ См.: Новичев А.Д. Турецкий источник о внутреннем положении Османской империи и причинах ее поражения в войне с Россией в 1768-1774 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета. 1975. История. № 8.

⁴⁸⁰ Каменев Ю.А. К истории реформ в османской армии в XVIII в. // Тюркологический сборник. 1978. М., 1984. С. 140.

еще на конгрессе возражения. Но Румянцев соглашался продолжить переговоры только на основе 10 пунктов проекта, разработанных в Бухаресте. Позиция Румянцева подтверждается и документально, в том числе и перепиской его с императрицей Екатериной II, и с руководством Коллегии иностранных дел Российской империи⁴⁸¹.

В ответ на предложение Мухсун-заде Румянцев ответил, что он готов начать переговоры на основе проекта, разработанного в 1773 г. Визирь снова повторил высказанные еще на конгрессе возражения в отношении независимости Крыма, принадлежности Керчи и Еникале и плавания судов в Черном море⁴⁸². Однако Румянцев соглашался вести дальнейшие переговоры только на основе проекта 1773 г. Это подтверждается и обращением к документальным источникам⁴⁸³.

В апреле 1774 г. Румянцев получил новые инструкции от Екатерины II. Л.Г. Бескровный приводит, не подтвержденные документально, сведения о том, российская сторона была готова пойти на большие уступки Турции, рассчитывая как можно скорее снять перебросить воинские части для подавления антиправительственного выступления под предводительством Е.И. Пугачева. В связи с чем П.А. Румянцеву передавались самые широкие полномочия с условием скорейшего подписания мирного договора⁴⁸⁴.

А.Н. Петров в своем 5-томнике дополняет эти события:

Турция передала все дела, связанные с проработкой вопроса о мире военным, Россия поступила аналогично, передав все полномочия в этом вопросе П.А. Румянцеву. Причем, в инструкции, переданной командующему 1-й армии, Екатерина настойчиво рекомендовала идти на уступки – если понадобится, то исключить из проекта мирного договора военное

⁴⁸¹ См.: Фельдмаршал Румянцев. Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 245, 247; П.А. Румянцев. Документы. Т. II. 1768-1775. М., 1953. С. 697, 765-769.

⁴⁸² Петров. А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. СПб., 1874, Т. 5. С. 147-148.

⁴⁸³ Фельдмаршал Румянцев. Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 242-244, 247.

⁴⁸⁴ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 503-504.

мореплавание по Черному морю, а также при необходимости отказаться от передачи России крепостей Керчь и Еникале⁴⁸⁵.

Екатерина II, по словам А.Н. Петрова, ставила одно «но», – вести переговоры необходимо было начиная с того пункта, на котором остановился Бухарестский мирный конгресс, и подтвердив все те статьи, которые уже одобрены во время переговоров турецких представителей с А.М. Обресковым⁴⁸⁶.

Е.И. Дружинина дополняла А.Н. Петрова:

У П.А. Румянцева для продолжения переговоров на руках был документ, основные пункты которого были известны туркам. Кроме того, П.А. Румянцев, став дипломатом, оставался военачальником⁴⁸⁷.

Таким образом, Румянцев имел в руках готовый документ, уже известный во всех подробностях туркам, что облегчало его задачу. Важным преимуществом Румянцева было соединение в его руках функций дипломата и военачальника⁴⁸⁸, что сказалось буквально через несколько дней после начала переговоров. В помощь Румянцеву выделили кадрового дипломата и военного, известного своими успехами в Польше Н.В. Репнина. А.М. Обресков не был задействован в переговорах (Л.Г. Бескровный ошибается, утверждая, что посланник в Турции участвовал в ходе последнего этапа переговорного процесса), так как из-за непогоды не смог вовремя добраться до штаб-квартиры русских войск. Он прибыл в Кючук-Кайнарджи на следующий день после заключения мира.

Не только Турция переживала социально-экономический кризис, вызванный огромными расходами на военные нужды. Россия, как справедливо указывают историки, также стояла перед выбором: «Упорство

⁴⁸⁵ Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. СПб., 1874, Т. 5. С. 131-138.

⁴⁸⁶ Там же. С. 132.

⁴⁸⁷ Дружинина Е.И. Русский дипломат А.М. Обресков // Исторические записки. М., 1952. Т. 40. С. 276.

⁴⁸⁸ Там же.

Турции, переворот в Швеции, по существу, противодействие Австрии и тяжелое внутреннее положение, переживаемое Россией, заставили ее пойти на дальнейшие уступки Порте. Россия уже была согласна взамен крепостей Керчи и Еникале, — которые должны были в дальнейшем закрепить Крым за Россией, довольствоваться Кинбурном. Россия готова была уступить и в области судоходства: она идет на некоторые ограничения и в отношении плавания русских военных судов в Черном море. Идя на такие уступки, Россия потребовала от Австрии, чтобы она теперь угрожающим тоном разговаривала с Портой. И за эти услуги Россия обещала помочь Австрии получить отрезок земли в Молдавии», - это утверждение Г.М. Генделя, подробно отследившего все особенности австрийской внешней политики в годы русско-турецкой войны⁴⁸⁹.

Однако переговоры лета 1774 г. могли вновь свернуться, едва начавшись. Уже в конце первого дня турецкая сторона настоятельно потребовала предоставить ей время (перемирие) для очередного обдумывания русских предложений. В ответ Румянцев отдал приказ возобновить боевые действия. Из ультимативного письма П.А. Румянцева верховному визирю Магомету Мухсун-заде от 28.VI [9.VII] 1774 г., П.А. Румянцев, уведомляя о возобновлении боевых действий, указывал. Что ни о каком перемирии он не мог и не хотел даже слышать⁴⁹⁰.

Л.Г. Бескровный считает, что это был единственный способ заставить турок вернуться за стол переговоров⁴⁹¹, поскольку у Турции не было резервов способных укрепить армию и организовать сопротивление русским.

Только после этого Мухсун-заде отдал распоряжение продолжить переговоры.

Л.Г. Бескровный и ряд других исследователей⁴⁹², уделяют внимание тому факту, что П.А. Румянцев потребовал завершить переговоры и

⁴⁸⁹ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 216.

⁴⁹⁰ Фельдмаршал Румянцев. Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 247.

⁴⁹¹ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 503-504.

подписать мир не позднее 10 июля 1774 года (чтобы приурочить подписание ко дню, когда в 1711 г. был подписан Прутский мирный договор), и что все это время русская армия продолжит наступление, которое действительно продолжалось вплоть до утверждения мирного договора великим визирем⁴⁹³.

Достаточно оригинальную гипотезу причин столь быстрого и удачного процесса подписания договора высказывал Г.М. Гендель: «Австрийская дипломатия не учитывала, что путем дипломатических интриг и ухищрений можно многого добиться, но все же решающим моментом является соотношение сил, в первую очередь военных. Сам факт заключения мира именно фельдмаршалом Румянцевым — очевидное свидетельство, что не столько дипломатия, сколько военная сила решила исход этого длительного военно-дипломатического состязания между Россией, одной стороны, и Турцией, поддерживаемой рядом европейских стран и в первую очередь Австрией, — с другой стороны». И добавлял высказывание австрийского посланника в Турции Тугута, который характеризовал Кучук-Кайнарджикский договор, как «образец искусства» русской дипломатии, и как исключительный пример «тупости» турецкой стороны⁴⁹⁴. Эту оценку Кучук-Кайнарджикского договора считают объективной и современные исследователи⁴⁹⁵.

Считаем, однако, что в последней оценке отечественные историки не правы, у турецкой стороны просто не было выбора, а продолжать военные действия было для официального Константинополя, по сути «политическим самоубийством».

⁴⁹² Кирьякова Е.П. Дипломатическая деятельность П. А.Румянцева в период русско-турецкой войны 1768-1774 годов // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Тирасполь, 1997. № 1. С. 28.

⁴⁹³ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 597.

⁴⁹⁴ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 217.

⁴⁹⁵ Якушев М.М. «Разгромленная Турция лежала у ног русской монархии...»: Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года // Военно-исторический журнал. 2021. № 8 (736) / Август. С. 47.

3.2. Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. и итоги войны: научные суждения и дискуссии

С дискуссиями вокруг особенностей выработки, подписания и ратификации Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. связаны и различия мнений исследователей по итогам войны вообще.

Л.В. Зеленина и В.И. Шеремет оценивают Кючук-Кайнарджийский мирный договор, как «самый обширный и детализированный из всех русско-турецких договоров» и который был основой для всех мирных договоров, заключенных между Россией и Турцией в последующее время⁴⁹⁶, поскольку согласно трактату, турки обязались:

1. признать независимость крымских, буджакских (бессарабских) и кубанских татар;
2. уступить России Азов, Керчь, Еникале, Кинбурн, Большую и Малую Кабарды;
3. открыть русским торговым судам свободное плавание «по всем морям, состоящим во владении Турции»;
4. допустить русских резидентов ходатайствовать по делам жителей Молдавии и Валахи;
5. уплатить России 4500000 руб. и проч.⁴⁹⁷

По мнению А.В. Гаврюшкина, Кючук-Кайнарджийский мирный договор не дал Российской империи всего того, на что она рассчитывала в ходе 6-летней войны, но, безусловно, это был впечатляющий успех и русского оружия, и русской дипломатии⁴⁹⁸.

⁴⁹⁶ Зеленина Л.В., Шеремет В.И. Черное море: «русские берега у турецкого озера» // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 2000. С. 114.

⁴⁹⁷ Богданович М.И. Русская армия в век Екатерины Великой // Военный сборник. 1873. № 12. С. 200.

⁴⁹⁸ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

Главное - это независимость Крымского ханства⁴⁹⁹.

Как замечал А.Е. Мачанов (1920-е гг.), за турецким султаном, после обретения Крымом независимости, оставался бы только один религиозный авторитет. Но отношения между обеими империями в дальнейшем были мирными только формально⁵⁰⁰.

С.В. Бахрушин (1930-е гг.) считал, что в Крыму складывалась непростая социально-политическая ситуация, из-за которой крымские татары могли и не сохранить независимость своего ханства⁵⁰¹.

Последнего автора дополняет Б.А. Дранов (1940-е гг.), убежденный в том, что независимость (а затем и присоединение к России) Крыма – единственно оправданный - исторически и географически - выход⁵⁰².

В диссертации В.Г. Тартарашвили (1970 г.) отмечалось, что далеко не все крымские ханы поддержали идею независимости; тем, кто выступал против Российской империи, пришлось бежать в Константинополь. Противники независимости полуострова пытались противостоять решению судьбы Крыма вплоть до ратификации Кючук-Кайнарджийского мирного договора в январе 1775 г.⁵⁰³.

В 1980-е гг. исследователи указывали на то, что дипломаты всех европейских государств прекрасно понимали, что «независимость» Крыма – явление временное, и что ханство неизбежно окажется в полной зависимости от России. И процесс этот начался уже в ноябре 1772 г. подписанием

⁴⁹⁹ См.: Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. СПб., 1866. Июнь. С. 182-236; 1867. Кн. 6. С. 182–236.

⁵⁰⁰ Мачанов А.Е. Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством. Симферополь, 1929. С. 53.

⁵⁰¹ Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе. 1936. № 3. С. 29-61.

⁵⁰² Дранов Б.А. Черноморские проливы. (Международно-правовой режим). М., 1948. С. 58.

⁵⁰³ Тартарашвили В.Г. Дипломатическая борьба между Россией и Турцией вокруг Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774-1779 годах: автореф. дисс. ... к.и.н. Тбилиси, 1970. С. 7.

сепаратного Карасунского мирного договора между Крымским ханством и Российской империей⁵⁰⁴.

Оценки противоречивые. Но, например Э.Г. Джахиева идет еще дальше, отмечая, что при скрупулезном анализе подготовки и подписания Кючук-Кайнарджийского мира, бесспорно, проявляется его «неравноправный характер», так как Россия при его заключении руководствовалась «правом завоевания»⁵⁰⁵.

По мнению автора, в отечественной историографии по данному договору присутствует только одна оценка. Исследователи, как считает Э.Г. Джахиева, акцентируют внимание исключительно на победе российской армии и российской дипломатии, на важности расширения южных границ Российской империи и обеспечения безопасности российских регионов от татарских набегов, завышают оценки российских представителей (А.М. Обрескова) в ходе всего переговорного процесса, о важности выхода к побережью Азовского и Черного морей, но не упоминают о неравноправном характере Кючук-Кайнарджирского договора. В качестве примера Э.Г. Джахиева приводит позицию Ф.И. Кожевникова, который указывал на то, что мирный договор 1774 г., утвердивший за Российской империей право отстаивать интересы православных единоверцев – турецких подданных, создал все условия для авторитетного влияния официального Петербурга на всем Ближнем Востоке (вплоть до Крымской /Восточной/ войны 1853-1856 гг.)⁵⁰⁶.

⁵⁰⁴ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

⁵⁰⁵ Джахиева Э.Г. Договоры России с Турцией, Ираном и правителями Кавказа. 1774-1813 гг. Махачкала, 2006. С. 17.

⁵⁰⁶ См.: Кожевников Ф.И. Русское государство и международное право. (До XX в.). М., 1947. Э.Г. Джахиева в данном случае не права. Ее, в частности, опровергает С.Ф. Орешкова, считавшая, что не стоит заключать слово «независимость» Крыма в кавычки, как в прямом, так и в переносном значении (как на этом настаивал В.Д. Смирнов. См.: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. М., 2005. С. 125). С.Ф. Орешкова считает, что в оценках и независимости Крыма, и Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. исследователи подходят с позиции современного им времени, а не с условий XVIII в., не с

Интерпретирует Э.Г. Джахиева и позицию Е.И. Дружининой, которая, по ее мнению, акцентирует внимание исключительно на выгодных для Российской империи статьях Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г., совершенно не оценивая трактат с позиций норм существовавшего уже тогда международного права. Однако исследователь указывает - право капитуляции носило «неравноправный характер»⁵⁰⁷.

Отечественные исследователи, по мнению Г.Э. Джахиевой, оценивают мирный договор 1774 г. исключительно, как «крупный успех» российских дипломатов, объясняя свою позицию тем, что трактат, по сути, это поворотный пункт в истории международных отношений последней трети XVIII в., предопределившим присоединение к Российской империи не только Крымского полуострова, но в дальнейшем и всего Центрального Кавказа⁵⁰⁸.

Э.Г. Джахиева отмечает, что и В.Н. Виноградов, оценивая договор, уверен в том, что Турция, потеряв Крымское ханство, лишилась главнейшей своей базы, которая в течение многих столетий угрожала не только южным рубежам, но и всей Российской империи. Авторитет Османской империи был серьезно подорван, и Черное море перестало восприниматься, как «турецкое озеро»⁵⁰⁹.

Стоит дополнительно привести еще одну оценку В.Н. Виноградова мирному трактату 1774 г.

позиции участников самого процесса переговоров (см.: Орешкова С.Ф. Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 121. А также: Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция (проблема формирования границ). М., 1999.) Позицию С.Ф. Орешковой можно подтвердить документально, обратившись документам Государственного совета (см.: Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. 1. Ч. 1. С. 43-44.)

⁵⁰⁷ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 292.

⁵⁰⁸ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М., 1958. С. 103; Халаева К.Э. Политика России на Северном Кавказе в годы русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар, 2015. № 10. Ч. 1. С. 37-38.

⁵⁰⁹ Джахиева Э.Г. Договоры России с Турцией, Ираном и правителями Кавказа. 1774-1813 гг. Махачкала, 2006. С. 39-40. (Цитируется работа В.Н. Виноградова «Война 1768-1774 гг. - неизбежная, но несвоевременная // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 106.)

Анализируя статьи Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., закрепляющие защиту Российской империи православному населению Турции, он утверждал, что последняя, по сути, представляла собой пример апартеида: «мусульмане и христиане жили в ней порознь»⁵¹⁰.

Эти идеи В.Н. Виноградова автор рассматриваемой нами монографии (Э.Г. Джахиева) воспринимает, как доказательство предвзятости оценок Кючук-Кайнарджийского трактата.

Развивая свое видение мирного трактата 1774 г., Э.Г. Джахиева, указывает: договор 1774 г. был продиктован Турции в ультимативной форме исключительно победившей стороной.

Российская империя договором юридически закрепила присоединение завоеванных турецких территорий, а также право на неограниченное в численности строительство Черноморского военно-морского флота, а также торговые привилегии и право экстерриториальности. Все эти, юридически закрепленные в договоре 1774 г. права, по мнению автора, предоставляли России возможность вмешиваться во внутренние дела Османской империи.

Э.Г. Джахиева цитирует Л.Е. Семенову, по мнению которой Россия, благодаря своим военным и дипломатическим победам, использовала полученные права защитницы христианских народов Османской империи, как инструмент всестороннего – не только дипломатического, но и религиозного – давления на Константинополь. И тем самым, Россия рассчитывала решать задачи своего преобладания в Причерноморье⁵¹¹.

Однако данный критический подход в оценках мирного договора 1774 г. скорее исключение из правил. Несмотря на различие этапов отечественной историографии, оценки Кючук-Кайнарджийского трактата отличались стабильностью и не выходили за рамки «положительных результатов». Так,

⁵¹⁰ Цитируется работа: Виноградов В.Н. Кючук-Кайнарджийский мир - окно на Балканы // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 121. (Джахиева Э.Г. Договоры России с Турцией, Ираном и правителями Кавказа. 1774-1813 гг. Махачкала, 2006. С. 37.)

⁵¹¹ Семенова Л.Е. Дунайские княжества // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 191.

автор опубликованной в 1947 г. монографии «Мустафа Паша Байрактар» А.Ф. Миллер, отмечал, что заключение в Кючук-Кайнарджи летом 1774 г. мирного договора не только означало, что Турция потерпело очень серьезное военно-политическое поражение, но и потеряла большую часть своего авторитета, как в Европе, так и на всем Ближнем Востоке. Мало того, Османская империя утратила свои форпосты – крепости Керчь и Еникале, а также земли между реками Днепр и Буг – которые обеспечивали ее безопасность на северных и северо-восточных границах. Турция утратила свою монополию на торговое мореплавание по Черному и Средиземному морям и проливам.

Россия смогла взять под опеку Дунайские княжества (Валахия и Молдова), и под предлогом юридически закрепленного права защиты православных единоверцев создать правовую основу для вмешательства во внутривосточные дела Турции.

Этот же исследователь считал, что Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. это поворотный пункт в истории международных отношений Турции. Турция и раньше терпела поражения от европейских соседних государств, но Кючук-Кайнарджийский мирный трактат 1774 г. радикальным образом изменил соотношение сил в Черноморском бассейне и в Северном Причерноморье и поставил на повестку дня европейской политики вопрос о разделе Османской империи.

Российская империя, укрепившись на северном побережье Черного моря, ставила перед собой новую, более глобальную задачу – овладение проливами и самим Константинополем. С этого момента, как считает автор, и ведет свой отсчет так называемый «Восточный вопрос» (который автор характеризует, как «пресловутый»), который Кючук-Кайнарджийским мирным договором 1774 г. был возведен «в систему»⁵¹².

Тюрколог А.Д. Новичев в классической «Истории Турции»

⁵¹² Миллер А.Ф. Мустафа Паша Байрактар. М.-Л., 1947. С. 64.

подчеркивал: Русско-турецкая война 1768-1774 гг. продемонстрировала, что Российская империя, даже при стечении неблагоприятных для нее внешне и внутреннеполитических условий способна наносить противнику, в данном случае – Турции, сокрушительные поражения. Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. по сути «ввел» в правовое поле то, что было завоевано русскими армиями на поле боя. В результате, Россия ликвидировала плацдарм (Крымский полуостров) для осуществления набегов со стороны татарских орд, закрепила на Черноморском побережье, и получило право решать важнейшие для Турции вопросы, такие, как судьба христианских народов – турецких подданных.

Таким образом, Кючук-Кайнарджийский трактат продемонстрировал интегральный кризис Османской империи, коснувшийся, в первую очередь ее вооруженных сил. Но даже в такой ситуации турецкие политические деятели не оставляли надежды вернуть потерянные во время войны 1768-1774 гг. территории⁵¹³.

Из исследования, датированного 1978 г. следовало, что после того как Россия стала Черноморской державой, она подключилась к решению мировых проблем, так или иначе связанных с Восточным вопросом.

Уже в ходе русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Российская империя сама себе очертила круг вопросов, которые ей предстояло решать на Ближнем Востоке. И главнейший из них - открытие Черноморских проливов для военно-морского флота России.

До 1774 г. такого вопроса перед Петербургским двором даже не стояло, и не разрабатывалось российской дипломатией.

После ратификации Кючук-Кайнарджийского мирного трактата все аспекты (и проливы – в первую очередь) Восточного вопроса стали «непреходящим фактором» в российской политике. В условиях кризиса на Ближнем Востоке или на Балканах Черноморские проливы становились

⁵¹³ Новичев А.Д. История Турции. Т. I. Эпоха феодализма (XI-XVIII вв.). Л., 1963. С. 233.

одним из важнейших факторов безопасности страны, ее южных регионов. Но, как отмечают авторы монографии, проблема Черноморских проливов никогда не оставалась однозначной «по своему наполнению». В прямой и косвенной зависимости от политической ситуации Россия предпринимала все меры или к поддержанию наиболее благоприятственного режима движения военных кораблей и гражданских судов через Черноморские проливы, или к оккупации последних. Если последняя мера была отражением «агрессивных, экспансионистских замыслов феодально-крепостнического государства», то благоприятственный режим выступал общенациональной задачей, призванной создать все условия для безопасного социально-экономического развития южных провинций Российской империи.

Несмотря на то, что Российская империя согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному трактату не смогла получить права прохода своих военных кораблей через Черноморские проливы, тотчас после его ратификации появилась реальная опасность военного столкновения с рядом западноевропейских стран из-за военного присутствия России на Черном море. Авторы монографии считают, что как раз с этого времени начинает оформляться европейская программа, цель которой - ограничения влияния Российской империи над Черным морем и к закрытию Черноморских проливов для военных кораблей последней.

Еще одним важнейшим аспектом на протяжении всего будущего XIX в. ближневосточной политики Российской империи оставался так называемый балканский вопрос. Условия для участия Петербургского двора в его решении создал Кючук-Кайнарджийский договор, предоставивший Российской империи право оказывать покровительство христианскому населению - турецким подданным⁵¹⁴.

В исследовании 2021 г. также преобладают положительные оценки договора 1774 г. Автор данной научной работы считает, что Кючук-

⁵¹⁴ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII - начало XX в. М., 1978. С. 32.

Кайнарджийский мирный договор предоставил Российской империи занять исключительное положение – Турция была вынуждена отказаться от стратегически важных в военно-политическом смысле регионов (Крымский полуостров и Северное Причерноморье), а ряд стран Западной Европы, ранее негативно относившихся к стремлению России осуществлять собственную внешнюю политику на Ближнем Востоке, не рисковали больше противодействовать официальному Петербургу. Мало того, ряд европейских стран были даже заинтересованы в укреплении позиций России и на Ближнем Востоке, и на Балканах. В чем-то России во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг., как считает автор, просто повезло. Так, Франция хотела сама ввязываться в войну на Черном море, Англия занималась решением проблем в Североамериканских колониях, Австрию и Пруссию более интересовали вопросы раздела Польши, так как здесь можно было заполучить новые территории, причем – без военного вмешательства, без потерь и расходов⁵¹⁵. В свою очередь, Берлин, потерпевший поражение в Семилетней войне 1756-1763 гг. остерегался вновь повторить ошибки – конфликтовать с Петербургским дворцом в открытую, и с привлечением военной силы.

Исследователи обращали внимание и на то, как отразилось подписание мирного договора 1774 г. для территорий, «втянутых» в русско-турецкую войну 1768-1774 г. Интерес представляет, естественно, Грузия, пожалуй, единственная территория, на которой российские войска не одержали каких-либо серьезных побед, а, наоборот, из-за не компетенции военного руководства, потеряли авторитет среди местного населения.

В силу одного из пунктов Кучук-Кайнарджийского мирного договора Российская империя признавала Имеретию вассальной территорией Турецкой империи и право возвращения последней Кутаисской,

⁵¹⁵ Якушев М.М. «Разгромленная Турция лежала у ног русской монархии...»: Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года // Военно-исторический журнал. 2021. № 8 (736) / Август. С. 47-48.

Шорапанской и Багдадской крепостей. Со своей стороны, Турция обязалась не преследовать христиан Западной Грузии, - что особо подчеркивал Г.Д. Кикодзе⁵¹⁶.

В отношении Картли-Кахетинского царства Ираклия II, Кучук-Кайнарджский мирный трактат 1774 г. не принес никаких изменений, причем, как ни в правовом отношении, так ни в территориальном плане. Между Турцией и Картл-Кахетией был заключен мир на основах, существовавших до начала русско-турецкой войны 1768-1774 гг. трактатов⁵¹⁷.

Это оценки исследователей 1940-х гг., которые во многом расходятся с обобщениями современных исследователей.

Авторы монографии «Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII - первой четверти XIX в.» отмечают, что для Кавказа Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. приобретал «исключительное значение», он «кардинально» изменил политическую конфигурацию региона: исчезли «независимые» Большая и Малая Кабарды, отходившие в сферу российских интересов. Крымское ханство, становилось независимым – но де-юре, а де-факто - автономным политическим образованием Российской империи⁵¹⁸.

Согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному трактату Имеретия (Восточная Грузия получала особый статус, а Российская империя - законное основание для вмешательства в дела Западной Грузии, которая оставалась под протекторатом Турции. Турецкое правительство брало на себя обязательство не требовать дани людьми, а также различных податей, никого из грузин не считать своими подданными, не вмешиваться во внутривнутриполитические дела, не преследовать за веру, и проч.⁵¹⁹

⁵¹⁶ Кикодзе Г.Д. Ираклий Второй. Тбилиси, 1945. С. 52.

⁵¹⁷ Там же. С. 53.

⁵¹⁸ Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII - первой четверти XIX в. М., 2016. С. 117.

⁵¹⁹ Там же.

Исследователи особо подчеркивают отношение к договору 1774 г. Имеретинского правителя Соломона I: он сомневался в том, что турки будут строго придерживаться статей мирного трактата⁵²⁰. Но все его просьбы о присоединении к России оставались без удовлетворения, Екатерина II в ответных посланиях лишь указывала на невозможность осуществить желание грузинского царя.

В советской и постсоветской историографии превалирует мнение, что русский корпус, переброшенный в Грузию для борьбы с турками, не выполнил ни одной из возложенных на него задач. Авторы анализируемой нами монографии согласны с этим утверждением, подчеркивая, что данный итог есть результат стечения целого ряда обстоятельств: это и действия генерала Г.К.Г. Тотлебена, и конфликты его с грузинскими правителями – Соломоном I и Ираклием II, и нерешительность нового командующего корпуса генерала А.Н. Сухотина, и обоюдного недоверия центральных властей Грузии и Российской империи. В итоге, грузинский театр военных действий оказался для Петербургского двора самым провальным, хотя все предпосылки для успеха – в том числе малое количество турецких войск и желание местного населения оказывать всяческую поддержку русским войскам - были⁵²¹.

Не убедительно звучат оговорки этих же авторов о том, что частично задачи, стоящие перед русскими войсками в Грузии все же были выполнены. Ссылка на быстрые переброски корпуса через горные массивы Кавказа могут свидетельствовать о выносливости личного состава, но не о боевой мощи⁵²² и полководческом таланте.

То, что в Грузии русские войска могли бы одержать решительные победы, как и на других участках боевых действий, свидетельствует тот

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Там же.

⁵²² Там же. С. 118.

факт, что даже после ухода русских войск из Грузии, Соломон I и Ираклий II продолжали успешные операции против турецких войск⁵²³.

Возвращаясь к оценке итогов русско-турецкой войны 1768-1774 гг., причин того, что противостоящие стороны сначала всеми силами затягивали переговоры, а потом договорились по всем аспектам за пять дней, стоит обратиться к исследованию Л.В. Зелениной и В.И. Шеремета, эта война рассматривается в ракурсе конфликтологии:

Поражения, нанесенные Россией Турции, заставили последнюю подписать невыгодный ей мирный договор 1774 г. Но изучение возникавших на Ближнем Востоке конфликтных ситуаций, доказывает (особенно на примере всех русско-турецких войн), что та сторона, которая оказалась на самой последней ступени конфликта (конечно же, Османская империя), неадекватно реагируя на любой раздражитель, когда рушится все государство, теряет общий контроль и представляет собой глобальную опасность, поскольку готова к «фатальной экспансии»⁵²⁴.

Но авторский тезис не подкреплён доводами о том, что Турция оказалась в такой фатальной ситуации. Несмотря на то, что ее социально-экономическое и политическое состояние на протяжении многих веков рассматривалось исключительно, как кризис, Османская империя просуществовала вплоть до конца Первой мировой войны.

Авторы цитируемой нами статьи, продолжают: в действительности, в заключении мира нуждались как Петербург, так и Константинополь. Для Турции мир - спасительная передышка, для Российской империи – реальная возможность сосредоточить все свои силы для ликвидации социальных протестов, которые в 1773-1775 гг. вылились в настоящую войну («Пугачевщина»), и предотвратить возможность нового кризиса с

⁵²³ Там же. С. 119.

⁵²⁴ Зеленина Л.В., Шеремет В.И. Черное море: «русские берега у турецкого озера?» // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 2000. С. 112-113.

европейскими государствами⁵²⁵.

Обобщения авторов звучат не совсем убедительно, так как только для переброски воинских частей с основного участка театра военных действий (а это могло произойти не ранее начала августа) в районы действия Е.И. Пугачева потребовалось бы как минимум несколько месяцев, а к осени 1774 г. основные силы восставших были разгромлены. Даже А.В. Суворов, который по личному распоряжению императрицы используя все самые быстроходные на тот момент средства передвижения, прибыл в район боевых действий на Волге, когда сам Пугачев уже был пленен. А воинским частям, прибывающим с турецкого фронта, оставались чисто полицейские функции.

Вернемся к исследованию Л.В. Зелениной и В.И. Шеремета:

Время, прошедшее с начала поиска путей мирного урегулирования русско-турецкой войны 1768-1774 гг. и до подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г., были для Турции и России годами поиска приемлемых условий. Россия шла на известный компромисс, а Турция стремилась отстоять свой статус владычицы Черного и Средиземного морей, за сохранение своей власти не только на исконных землях, но и в Крыму, Валахии, Молдове, Северного Кавказа и части Закавказья, считая, что в дальнейшем эти территории могут стать своеобразным плацдармом для экспансии уже России на Ближний Восток⁵²⁶.

Опять же очень спорный тезис о том, что Турция была владычицей Средиземного моря (да и Черного моря). Другое дело в том, что Черноморские проливы давали ей возможность контроля над тем, кто курсировал из одного моря в другое, предоставляли возможность обогащать казну за счет выплат и проч.

Остается дискуссионным вопрос: были ли выгоден Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. для России, отвечал ли ее национальным интересам?

⁵²⁵ Там же. С. 113.

⁵²⁶ Там же.

Подавляющее большинство исследователей с этим согласны, вывод о важности мирного трактата 1774 г. для Российской империи для них бесспорен⁵²⁷.

Но в дореволюционной и советской историографии не подымался вопрос о возможных в будущем последствиях этого договора⁵²⁸. Е.В. Тарле в одной из лекций указал на то, что в Турции Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. рассматривают исключительно, как перемирие⁵²⁹. И только в 1990-е гг. историки нашли возможным четко и ясно заявить о том, что для дипломатического корпуса было понятным - Кючук-Кайнарджийский мир не будет долгим и прочным, поскольку и Турция, и Россия рассчитывали в будущем пересмотреть его основные положения. Если Турция рассчитывала вернуться к довоенному статус-кво, то Российская империя вынашивала планы присоединить все Северное Причерноморье. То есть, для российской императрицы для Екатерины II Кючук-Кайнарджийский мирный договор был скорее своеобразным промежуточным этапом на пути дальнейшего расширения границ⁵³⁰.

Это утверждение бесспорно и подкреплено теми событиями, которые произошли в дальнейшем – новые русско-турецкие войны, одна из которых переросла в конфликт Российской империи с рядом западноевропейских государств (речь, конечно же, идет о Крымской войне 1853-1856 гг.), а также тем фактом, что на протяжении подавляющего большинства военных конфликтов Турция выступала противником России.

⁵²⁷ Клокман Ю.Р. Борьба России с Турцией за Северное Причерноморье и Крым во второй половине XVIII в. // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968. С. 144; Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955; Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. – М., 1966. С. 122.

⁵²⁸ Гигинейшвили О.И. Некоторые вопросы внешней политики Турции в конце XVIII в. // Краткие сообщения института народов Азии. М., 1963. Т. 73. С. 112-115.

⁵²⁹ Тарле Е.В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. М., 1945. Ч. 2. С. 46.

⁵³⁰ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. // Новая и новейшая история. М., 1996. № 1. С. 76.

Стоит согласиться с теми исследователями, которые считают, что победы России в войнах с Турцией никогда не давались легко, поскольку Турция, в сравнении с XVII столетием, век спустя обладала достаточно мощным и экономическим потенциалами, и огромной территорией, и людскими резервами, а также могла рассчитывать на дипломатическую, финансовую и военную помощь со стороны ряда западноевропейских государств⁵³¹.

Мало того, войны с Турцией всегда вызывали в русском обществе «неприятные воспоминания»⁵³².

Это то, что касается России. Но для исследователей важен и анализ ситуации в Турции – «с точки зрения диагностики конфликта».

Современные исследователи уверены, что война между Российской и Османской империями, связанная с черноморскими проблемами, способствовала обострению социально-экономической ситуации в Турции, кризису всей центральной власти и падению ее авторитета в турецком обществе⁵³³.

Точечное совпадение интересов Турции и Франции основывалось, скорее всего, исключительно на противодействии процессу трансформации Российской империи в морскую державу, - такова позиция Зелениной и Шеремета. Во второй половине XVIII в. Турция, - добавляют авторы, - рассчитывала самостоятельно определять и отстаивать свои приоритеты во внешней политике, во взаимоотношениях со странами-соседями, в том числе и с Россией. Именно этот период характеризуется относительным спокойствием во взаимоотношениях между этими странами. Обострение внутреннего кризиса в Турции, как правило, увязывалось с последствиями

⁵³¹ Зеленина Л.В., Шеремет В.И. Черное море: «русские берега у турецкого озера?» // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 2000. С. 108.

⁵³² Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 268.

⁵³³ Зеленина Л.В., Шеремет В.И. Указ. соч. С. 102.

войны, в которую Турция втягивалась, «благодаря» усилиям западных дипломатов⁵³⁴

В.И. Ульяницкий считал, что по мере того, как политическая несостоятельность Османской империи характеризовалась, как «хроническая болезнь», обнаруживалось, что Западная Европа, убедившись в необходимости существования Турции, ставили целью сохранить неприкосновенность и безопасность этой империи⁵³⁵.

Что касается турецких государственных деятелей, то они, как считают Л.В. Зеленина и В.И. Шеремет, обращали внимание только на одно – русское - направление в своей внешнеполитической деятельности⁵³⁶.

В борьбе с Россией ключевым для отечественных исследователей оставался вопрос о выходе России в Черное море, к Босфору и Дарданеллам⁵³⁷. Турция осуществляла, по мнению цитируемых авторов, противодействие России через Крымский полуостров и через Северный Кавказ и Каспийское побережье⁵³⁸. А значит, именно эти территории должны были быть отвоеваны и присоединены к Российской империи

По мнению Л.В. Зелениной и В.И. Шеремета европейское и крымско-черноморское направления оставались важнейшими для всей внешней политики Турции, и потому, что реальная власть Константинополя здесь была ощутимей, чем в других регионах, но и потому, что именно эти направления считались османскими политиками наиболее опасными, угрожающими самому существованию империи⁵³⁹.

Суммируя сказанное, можно отметить следующее: Турция, вступая в военное противостояние с Россией, стремилась решить те проблемы, которые стояли перед империей, которые являлись основными составляющими

⁵³⁴ Зеленина Л.В., Шеремет В.И. Указ. соч. С. 102.

⁵³⁵ Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. С. 349.

⁵³⁶ Зеленина Л.В., Шеремет В.И. Указ. соч. С. 103.

⁵³⁷ Там же.

⁵³⁸ Там же.

⁵³⁹ Там же. С. 103-104.

интегрального кризиса этой империи. И не война должна была способствовать кризису империи, а совершенно иные институты и механизмы. Кроме того, если следовать логике авторов, то в своем противостоянии с Россией Турция сделала ставку совсем не на тех союзников. С другой стороны, нельзя согласиться с мнением авторов цитируемого исследования, что для Турции в период второй половины XVIII – первой половины XIX в. российское направление оставалось едва ли не единственным. Предложенный тезис не подкреплён реальными фактами или документами. По нашему мнению, точнее было говорить, что для Турции в указанный временной отрезок, и в последующее время, вплоть до окончания Первой мировой войны оставалось несколько основных и важнейших внешнеполитических направлений, и все они объединялись одним православием.

Ведь поддерживая Барских конфедератов, Мустафа III оказывал тем самым помощь католикам, вопросы независимости Речи Посполитой, как «главной причины» русско-турецкой войны 1768-1774 гг. султана не интересовали.

Речь, как считают исследователи, даже с Барскими конфедератами (католиками), шла лишь о временном совпадении интересов «наиболее агрессивной части правящих кругов» Турции и конфедератов из магнатов, составлявших «старошляхетскую формацию», которые рассчитывали часть восточно-украинских земель Российской империи⁵⁴⁰.

Договор 1768 г. между Мустафой III и Барскими конфедератами остался никем и ни к чему не обязывающим документом⁵⁴¹, о котором уже в 1770 г. и не вспоминали. Мало того, ни одно из обещаний, содержащихся в

⁵⁴⁰ Там же. С. 100-104.

⁵⁴¹ Данный договор (в литературе ее характеризуют как «декларацию») объявлял Россию врагом Речи Посполитой и Турции. (См.: Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769-1774 гг. СПб., 1866. Т. 1. (Год 1769). С. 82-83, 112-113, 142, 183-185; Юсупов Р.Р. Внешнеполитические планы польского господствующего класса в годы русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Проблемы новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1978. С. 205.

договоре (кроме объявления войны России со стороны Турции) выполнено не было. Каждой из двух «союзных» стран – Польши и Османской империи – приходилось свои проблемы решать в одиночку. Франция, Австрия (и в чем-то Пруссия) стремились оказывать Турции и Польше помощь в таких объемах, которые могли бы переломить ситуацию в стратегическом плане⁵⁴².

Исходя во многом из этих позиций, исследователи разбирают основные проблемы, связанные с разделом Речи Посполитой в 1772 г., состоявшей из *собственно* Польши, Белоруссии, Украины, Литвы и Курляндии. На долю *собственно* Польши приходилось не более 30% территории.

Дореволюционные исследователи, как правило, придерживались той точки зрения, согласно которой ситуация, сложившаяся в Речи Посполитой (А.А. Лефорт характеризовал ее таким образом: «беспорядки в Польше превратились наконец в междоусобную войну»⁵⁴³), а также угрозы со сторон Австрии вступить в войну на стороне Польши, не оставили Российской империи другого варианта, как раздел Польши⁵⁴⁴.

Е.В. Тарле отмечал, что Екатерина II очень категорично - по всякому поводу и без повода - подчеркивала: ни одной пяди земли «настоящей» Польши не брала и не хотела брать⁵⁴⁵.

А.В. Гаврюшкин замечает, что идея раздела Речи Посполитой не была новой или оригинальной, идея эта «витала» в политике еще с начала 1760-х гг.⁵⁴⁶

По мнению ряда советских исследователей и современных историков, первой такую мысль подал прусский король Фридрих II, причем сразу после

⁵⁴² См.: Кудринский Ф.А. Императрица Екатерина II: Сборник исторических статей. Вильна, 1904; Кареев Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888; Соловьев С.М. История падения Польши. М., 1863.

⁵⁴³ Лефорт А.А. Царствование государыни императрицы Екатерины II. М., 1837. С. 147.

⁵⁴⁴ Там же.

⁵⁴⁵ Тарле Е. В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Стенограмма лекции, читанная 7 мая 1945 г. М., 1945. Ч. 1. С. 20.

⁵⁴⁶ Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

вхождения на трон Екатерины⁵⁴⁷. Но Петербургский двор встретил предложение достаточно холодно, так как позиции России в то время были в Польше крепки⁵⁴⁸.

Г.М. Гендель считал, что Россия пошла на раздел Польши лишь из-за тяжелых условий, порожденных войной с Турцией, с надеждой на скорейшее заключение мира с Османской империей. Но участие России в разделе Польши не было лишь уступкой прусскому или австрийскому императорским дворам. Этим решением Россия «привязала» к себе Пруссию, удерживала Австрию от прямого участия в войне с Турцией, заставляла прусских и австрийских дипломатов не выступать посредниками в ходе мирных переговоров ее с Турцией, а, наоборот, способствовать переговорному процессу, но без предоставления какой-либо поддержке официальному Константинополю⁵⁴⁹.

Мы считаем, что Российская империя пошла на раздел Польши не потому, что стремилась привязать к себе Пруссию, или рассчитывала связать Австрию и Пруссии «единством интересов» с Россией, а скорее всего потому, что Австрия на тот период времени всерьез рассматривала вопрос вступления в войну на стороне Турции. Только предложив Австрии польские территории, Россия смогла избежать наихудшего сценария со стороны Венского двора. Учитывая довольно тесные контакты Вены и Берлина, участвовать в разделе Польши, было предложено и Пруссии. Тем самым, эти две страны были, по сути, «нейтрализованы».

Как оказалось, данное решение России, сколько бы его не критиковали, было единственно возможным в той ситуации – угроза появления новых фронтов против России.

⁵⁴⁷ См.: Туполев Б.М. Фридрих II, Россия и первый раздел Польши // Новая и новейшая история. 1997. № 5.

⁵⁴⁸ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 472.

⁵⁴⁹ Гендель Г.М. Позиция Пруссии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Ученые записки Горьковского государственного университета имени Н.Н.Лобачевского. Горький, 1957. Серия историко-филологическая. Вып. 43. С. 132, 135.

Однако не правы и те исследователи, которые считают, что Россия вынуждена была пойти на раздел Польши.

Документы, пущенные в научный оборот⁵⁵⁰, говорят об осознанном выборе России, причем, решающее слово в этом вопросе также оставалось за Петербургским двором⁵⁵¹. Необходимо учитывать, что именно Россия предложила Австрии и Пруссии участвовать в разделе Польши, рассчитывая, скорее всего, что ответственность за последствие этого политического шага распределится на все три страны, а не только на одну, даже если она выступила (формально) инициатором.

Договор/соглашение между Австрией, Пруссией и Россией о разделе Польши был подписан в августе 1772 года.

По мнению Г.М. Генделя, результатом этого соглашения явилось уменьшение напряженности обстановки на основном театре войны, которая «сковывала» П.А. Румянцева и «вынуждала его оглядываться на свой тыл». Теперь Австрия стала «вести себя более сдержанно» и решительно отказалась от открытого вмешательства в русско-турецкую войну. В связи с этим австро-турецкая конвенция не была ратифицирована.

Позиция Австрии в польском вопросе заставила и Францию пересмотреть свои отношения с Российской империей, и задуматься о сближении с ней.

Так образовался тройственный союз в целях раздела Польши, неизбежно способствующий тесному сближению Австрии и России. Благодаря этому ожидалось серьезные изменения во внешней политике Австрии как в вопросе отношения к русско-турецкой войны, так и к Российской империи вообще (неизбежность изменения внешнеполитического курса официальной Вены подтверждалось еще и

⁵⁵⁰ См.: Политическая переписка императрицы Екатерины II. СПб., 1896. Т. 97. 1769-1771; Т. 118. 1772-1773.

⁵⁵¹ Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1947. Выпуск исторический. Т. 17. С. 206-208.

отказом России от присоединения Дунайских княжеств, чего Австрия опасалась)⁵⁵².

Этой же позиции придерживается и А.В. Гаврюшкин⁵⁵³. Он только отмечает, что главу внешнеполитического ведомства Российской империи Н.И. Панина беспокоила этическая сторона раздела Польши. Даже на Совете он заговорил о сомнении в праве России на польские земли⁵⁵⁴.

Но этика и политика – две несовместимые вещи (акцентирует на этом внимание А.В. Гаврюшкин), поэтому беспокойство Панина мало беспокоило Петербургский двор, также, как, впрочем, мало кого задел и протест польского короля Станислава-Августа Понятовского (ставленника Российской империи). Последний обратился к Франции и Англии, но и здесь не нашел поддержки. Ведущие европейские державы считали, что раздел Польши – закономерный итог событий, происходящих в Польше в последнее десятилетие⁵⁵⁵.

Завершая рассмотрение итогов русско-турецкой войны 1768-1774 гг. стоит согласиться с обоснованным мнением А.Ф. Миллера о том, что именно итоги этого противостояния поставили «в порядок дня европейской политики проблему полного раздела Оттоманской империи»⁵⁵⁶.

Подводя итоги рассмотрению позиций российских исследователей мирных переговоров в ходе русско-турецкой войны 1768-1774 гг. важно отметить, что, несмотря на критику Кючук-Кайнарджийского мира и итогов русско-турецкой войны 1768-1774 гг. невозможно объективно оспорить его значение, как для России, так и для Турции (и для ряда европейских стран). Подавляющее большинство исследователей как дореволюционного, так и советского этапов отечественной историографии (исключение составили

⁵⁵² Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. С. 207.

⁵⁵³ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. Электронный вариант: <https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1>; [Дата обращения 15.1.2022 г.]

⁵⁵⁴ Там же.

⁵⁵⁵ Там же.

⁵⁵⁶ Миллер А.Ф. Мустафа Паша Байрактар. М.-Л., 1947. С. 64.

исследования 1920-х гг., благодаря приоритетам схем и подходов М.Н. Покровского) давали высокую оценку усилиям российских дипломатов и военного руководства (в лице П.А. Румянцева, в первую очередь) в переговорном процессе и деле заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. Однако, в условиях постсоветского плюрализма научных мнений, допускалась и критика основных положений Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., причем, как правило, в отношении народностей Северного Кавказа (бывших территорий Большой и Малой Кабарды)⁵⁵⁷.

Так, по мнению Е.В. Пищугиной, общие итоги войны 1768-1774 гг. благоприятствовали усилению российских позиций на Северном Кавказе, однако новые политические реалии неизбежно породят и новые проблемы⁵⁵⁸. Что в принципе и происходило, и в XVIII в., и в XIX в.: России приходилось вновь вести войны и против Турции, и против мусульманских народов Кавказа.

Проблемы эти порождены, в том числе и потому, отмечает другой исследователь, что вопрос о принадлежности Кабарды без согласия самих кабардинцев решался в пользу России⁵⁵⁹, и поясняет, что согласно мирному трактату 1774 г. в составе России объявлялись и подвластные Кабарде народы Центрального Предкавказья⁵⁶⁰ - ингуши и чеченцы. Тем самым и эти народы

⁵⁵⁷ См.: Джахиева Э.Г. Договоры России с Турцией, Ираном и правителями Кавказа. 1774-1813 гг. Махачкала, 2006; Ее же. Кумыкские феодальные образования в кавказской политике в период российско-османской конфронтации 1768-1774 гг. // Третьи Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича [12 апреля 2016 г., Махачкала]. Махачкала, 2016. Ч. 1; Нагоев И.Б. Последствия Кючук-Кайнарджийского мирного договора для политического положения Кабарды // Кавказ в истории России: дискуссионные проблемы: материалы круглого стола. М., 2014.

⁵⁵⁸ Пищугина Е.В. Политика Российского правительства в Кабарде в ходе османороссийской войны 1768-1774 гг. // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 86.

⁵⁵⁹ Нагоев И.Б. Последствия Кючук-Кайнарджийского мирного договора для политического положения Кабарды // Кавказ в истории России: дискуссионные проблемы: материалы круглого стола. М., 2014. С. 59.

⁵⁶⁰ Там же. С. 60.

вслед за Кабардой оказались в подданстве Российской империи⁵⁶¹.

По мнению исследователей, официальный Петербург целенаправленно начала ослаблять влияние Кабарды на соседние народы, находившиеся в вассальной зависимости от нее, что рассматривается и оценивается, как важный тактический шаг в процессе присоединения Кавказа к империи⁵⁶².

И.Б. Нагоев считает, что наметившееся после мирного договора 1774 г. «необратимое ослабление внешнеполитической системы Кабарды и отсутствие реальной помощи со стороны европейских и азиатских держав, «кардинально меняло ее геополитическое положение на Северном Кавказе. У Кабарды не было сил в одиночку вести полномасштабные военные действия против одной из самых могущественных империй того времени. Все эти обстоятельства подвели черту под целой эпохой политической истории Кабарды и России — эпохой военно-политического союза и общности национальных интересов⁵⁶³.

Присоединение к Российской империи Большой и Малой Кабарды - важный военно-политический шаг, способствующий изменению расстановки сил на Северном Кавказе: в сферу русского влияния подпадали Осетия, Чечня, Дагестан и Западная Грузия⁵⁶⁴.

Критика – спорная, противоречивая и базирующаяся более на эмоциях исследователей, чем на объективном анализе фактов.

Российская империя акцентировала внимание сугубо на экономических отношениях с северокавказскими народами, рассматривая, например, торговлю, как мощнейший механизм распространения своего политического влияния в регионе, а не наоборот. (Об этом свидетельствовала, например, ситуация в Дагестане⁵⁶⁵.)

⁵⁶¹ Там же.

⁵⁶² Там же. С. 62.

⁵⁶³ Там же. С. 86.

⁵⁶⁴ Джахиева Э.Г. Кумыкские феодальные образования в кавказской политике в период российско-османской конфронтации 1768-1774 гг. С. 224.

⁵⁶⁵ Там же. С. 224.

Мы склонны согласиться с И.И. Якубовой в том, что заключение мирного трактата 1774 г. приобрело, пожалуй, решающее значение для судеб большинства кавказских народов, поскольку Российская империя получила в этом регионе относительную свободу действий⁵⁶⁶.

⁵⁶⁶ Якубова И.И. Политика России на Центральном Кавказе в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989. С. 243.

Заключение

Отечественная историография русско-турецкой войны 1768-1774 гг. характеризуется отсутствием общей научно-исследовательской традиции. Хотя преемственность историографических этапов отрицать нет оснований. Но преемственность – и прямая и опосредованная – во многом зависима от государственной идеологии и политической конъюнктуры.

Авторский подход к периодизации отечественной историографии войны 1768-1774 гг. дает возможность доказать, что при выделении дореволюционного, советского и постсоветского этапов, каждый из них обосновано подразделяется на исследовательские стадии. Наличие последних предопределено не только важнейшими изменениями, происходящими в исследовательской среде, но и воздействием социально-политической обстановки, задачами, стоящими перед российской политической и интеллектуальной элитой в сфере общественного просвещения и пропаганды.

Именно поэтому одна из стоящих перед диссертантом задач была задача генерировать исследовательские достижения в рамках дореволюционного, советского и современного этапов отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

Постановка данной задачи предопределена тем, что при исследовании русско-турецких войн XVII – начала XX вв. вообще и войны 1768-1774 гг. остаются невостребованными ряд работ историков всех этапов. Тогда как обобщения и выводы, представленные в игнорируемых работах, обладают важной научной ценностью и должны быть привлечены для объективной оценки проблем отечественной историографии войны 1768-1774 гг.

Однако не стоит забывать как об объективных, так и о субъективных особенностях исследовательских подходов и научной литературы различных историографических этапов.

Для дореволюционной историографии (на всех ее стадиях) была свойственна тенденция оценивать русско-турецкую войну 1768-1774 гг. с государственно-патриотической позиции. Во много к этой же тенденции тяготеют и исследования 2020-х гг.

Методология школы М.Н.Покровского - ставшая базовой и для исследований начала советского этапа историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг. - предопределила в 1920-х - 1930-х гг. превалирование негативных оценок в подходах к истории Российской империи.

Особое место в историографии русско-турецких войн вообще (и войны 1768-1774 гг. в частности) занимает период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и первые послевоенные годы, когда изучение истории военных и дипломатических побед в истории России рассматривался, как установка государства на генерирование идей патриотизма и патернализма (работы Е.В. Тарле, С.С. Дмитриева и других).

Это временной отрезок отечественной историографии войны 1768-1774 гг. можно рассматривать, как возвращение государственно-патриотических тенденций в исследованиях.

Вторая половина 1950-х - первая половина 1980-х гг. характеризуется известным переосмыслением исследовательских подходов к русско-турецким войнам XVII – начала XX вв. - с отказом от агрессивности в обобщениях и оценках. Прослеживается, опосредованная, конечно, но преемственность с дореволюционным этапом в историографии. Однако опосредованность эта сочетается сохранением и преемственностью классового подхода.

Завершающая стадия советского, как и начальная постсоветского этапов отечественной историографии характеризуются превалированием в исследованиях антигосударственных и антипатриотических тенденций. Конечно, последние нельзя уравнивать с подобными тенденциями,

имевшими место в 1920-х гг., поскольку тогдашняя государственная идеология определяла четкие методологические установки, тогда как в конце 1980-х – 1990-х гг. анархизм был свойственен не только общественным движениям, но и историческим исследованиям. Отрицание марксистской методологии не привело к появлению новых и оригинальных методов исследования. Превалировал принцип – у каждого исследователя своя индивидуальная методика, свой базовый принцип в подходах к изучению того или иного исторического события.

Лишь 2000-е – 2020-е гг. отличались, на наш взгляд известной методологической стабильностью, характеризуемой возвращением к государственно-патриотическим тенденциям, порой, правда, несколько гипертрофированным в оценках особенностям проявления патернализма в российской истории.

Не отрицая значимости оценок периодизации отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг., не стоит пренебрегать и «частностями», которые зачастую выступают определяющими при сопоставлении аналогичных исторических сюжетов.

Например, необходимо по достоинству оценить профессионализм военных историков дореволюционного этапа, которые в подавляющем числе обладали специальным военным, но не имели исторического образования. Этим объясняется детальная точность изложения военных действий, но отсутствие исторических обобщений и выводов.

Советская историография русско-турецкой войны 1768-1774 гг., если обращаться к военно-исторической конкретике последней, опиралась исключительно на работы дореволюционного этапа (что особенно заметно и доказуемо при сравнении исследований, например, Л.Г. Бескровного и А.Н. Петрова).

Важно и то, что русско-турецкие войны XVII – начала XX вв. рассматривались в историографии дореволюционного этапа не только как события государственного масштаба, но и как история отдельных частей и

подразделений вооруженных сил, боевых кораблей. (Данная тенденция отмечалась и на поздней стадии постсоветского этапа.)

На протяжении всех этапов отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг. сохранилась преемственность к историко-биографическому жанру, в первую очередь – к деятельности императрицы Екатерины II и руководства дипломатическим и военным ведомствами.

Но историко-биографические исследования не всегда объективны, и относятся более к научно-популярному жанру. В принципе, последнее вполне объяснимо, так как восприятие особенностей биографии той или иной исторической личности предопределено не столько научной доказуемостью, сколько доступностью изложения основных событий жизни и деятельности.

Интерес к истории дипломатии – очень важная для всех этапов отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг. тема, поскольку внешнеполитический опыт Российской империи в решении сложнейших проблем, особенно в условиях интегрального кризиса или войн востребован и остается актуальным.

На начальной стадии советского этапа в оценках внешнеполитической деятельности России преобладали подходы школы М.Н. Покровского. Но это – лишь эпизод в отечественной историографии, но ни в коем случае не как тенденцию.

Е.В. Тарле стремился исправить ситуацию, однако период 1760-х – 1770-х гг. не был для него, как для исследователя, приоритетным. В своих немногочисленных, посвященных войне 1768-1774 гг., работах, Е.В. Тарле отошел от позиции М.Н. Покровского, но критикуя позиции В.О. Ключевского и С.М. Соловьева, не смог предложить что-то новое и оригинальное, оценивая, видимо, эту войну (даже при наличии таких ярких военных побед как Ларга, Кагул, Чесма) как «проходную» тему для истории России.

Стоит согласиться с теми исследователями, которые считают, что в осмыслении и оценках войны 1768-1774 гг. отечественная историческая

наука прошла путь от перекладывания вины исключительно на отдельные страны (Турцию и Францию), до признания факта коллективной ответственности (то есть, не исключая самой Российской империи и тех стран, которые считали свою позицию нейтральной – Австрия, Пруссия, Англия, Швеция).

Отечественные историки дореволюционного этапа акцентировали внимание на личностном факторе, исследователи советского этапа - на социально-экономической составляющей, а постсоветского – на религиозном, этническом и геополитическом в целом. Конечно, каждый этап в истории России диктует свои приоритеты в исследованиях, но важно изучать ту или иную проблему в комплексе, чего достичь пока не удастся, даже применительно к достаточно узкой теме, какой и является война 1768-1774 гг.

Изучение социально-экономических особенностей событий 1768-1774 гг. и сегодня на исследовательской повестке дня, но скорее как второстепенный аспект. Этим особенностям уделялось внимание и в дореволюционный этап, но ставка делалась на иные сюжеты.

В 1920-е гг. о социально-экономических особенностях упоминал и М.Н. Покровский, но затем последние уступили приоритетное место в исследованиях иным категориям классового подхода.

В исследованиях советского этапа табуировались религиозный и этнический аспекты войны, в частности ситуация на Кавказе и Крыму, особенности боевых действий в Грузии, взаимоотношений с балканскими народами. Если советские историки игнорировали религиозный и этнический факторы, то в постсоветское время удалось преодолеть эту историографическую «неприязнь», и в чем-то консолидироваться в этой тенденции с представителями дореволюционной историографии.

Особое место в отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг. занимает критика военной системы, ее стратегические и тактические возможности и особенности.

Дореволюционная и постсоветская историография едины во мнении: результаты русско-турецкой войны 1768-1774 гг. свидетельствовали, что русская военная система отвечала всем современным на тот момент требованиям, предъявляемым к вооруженным силам, предлагая, разрабатывая и испытывая на практике новые и оригинальные особенности военной тактики.

Развитие советской (отчасти – дореволюционной⁵⁶⁷) историографии русско-турецких войн во многом корректировалось идеологическими установками и политической конъюнктурой момента.

Особенностями советского этапа отечественной историографии было то, что превалировали идеология и политическая конъюнктура. Это субъективно не могло не сказаться на оценках роли в русско-турецкой войны 1768-1774 гг. таких стран, как Франция, Пруссия, Польша, Австрия, Швеция.

В отечественной историографии получила развитие тенденция преувеличения собственных заслуг и успехов, преуменьшения результатов действия противника. Это особенно выпукло проявилось при сравнении численности противостоящих сил и потерь сторон (в том числе и на примере отдельных сражений), - все это можно рассматривать опять же, как превалирование политической конъюнктуры над наукой.

Но даже эта (в чем-то несовершенная и спорная) «шкала ценностей» не смогла занять приоритетные позиции в сопоставлении с научными компонентами в интерпретации русско-турецких войн XVII – начала XX вв. вообще и войну 1768-1774 гг. в частности.

Факторы, оказавшие определяющее влияние на формирование отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг. подтверждают положение о том, что социально-политические, идеологические установки, предопределяющие вектор развития всего

⁵⁶⁷ Подобное объясняется тем, что в начале XIX в. Турция выступала союзником Российской империи в борьбе с революционной Францией, а потому до начала 1820-х гг., то есть до нового русско-турецкого противостояния не появлялись работы о русско-турецких войнах.

государственного мировоззрения, не могли не сказаться и на исследованиях русско-турецких войн второй половины XVIII в. Это было особенно заметно в советский и постсоветские этапы отечественной историографии войны 1768-1774 гг. Дискуссионные проблемы, связанные с интерпретацией причин, итогов и последствий русско-турецкой войны 1768-1774 гг., свидетельствуют, что большинство спорных аспектов в исследовании данной войны порождены не столько недостатком документального материала, сколько политически мотивированными позициями того или иного исследователя. И это свойственно и бесспорно для каждого из этапов российской историографии войны 1768-1774 гг.

Но критический научный разбор гипотез, противоречий в обобщениях, оценках русско-турецкой войны 1768-1774 гг., содержащихся в научных трудах, порой противоречивых и не всегда документально доказуемых, в конечном счете, способствует как поиску и новых документальных материалов, так и рационального ответа на тот или иной сложнейшие вопросы причин, хода и последствий войны 1768-1774 гг.

Таким образом, объективно доказывается существование важнейших тенденций отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг., свойственных ее различным этапам. Основополагающими в оценках русско-турецких войн XVIII – начала XX вв. оставались государственные и государственно-патриотические приверженности. И даже в сложные и противоречивые для осмысления этапы отечественной историографии войны 1768-1774 гг., вопрос о критическом переосмыслении ее предпосылок, причин, хода и итогов не стоял. Попытки выстроить чисто субъективные исследовательские схемы не нашли своего развития.

Русско-турецкая война 1768-1774 гг. не разрешила всех проблем, и породила новые (которые «решаются» и в настоящее время), Кучук-Кайнарджирский мирный договор 1774 г. не стал последним в военной истории России и Турции, последовала череда новых войн и новых мирных договоров между двумя империями, чья история окончилась в начале XX в.

распадом, хотя и сегодня во взаимоотношениях этих стран – уже республик – не все решается однозначно и без конфликтов.

Практическая значимость и рекомендации.

Практическая значимость данной диссертационной работы заключается в том, что представленный в ней фактографический материал, обобщения и выводы могут в известной степени оказать определенное влияние на дальнейшее изучение различных аспектов истории русско-турецкой войны 1768-1774 гг. в частности, и истории России в целом.

Немаловажное значение получает предпринятый в диссертационной работе критический анализ отечественной историографии русско-турецкой войны 1768-1774 гг., который может послужить основой для разработки оригинальных подходов к организации патриотического воспитания российской молодежи.

Результаты исследования - обобщения, выводы и рекомендации - могут использоваться в учебном процессе, при разработке лекционных курсов по общей истории России, военной истории и истории дипломатии, а также при подготовке научных публикаций по истории как русско-турецкой войны 1768-1774 гг., так русско-турецких войны XVIII-XIX вв. вообще.

Предложенные в диссертационной работе научно-практические рекомендации и перспективы сводятся к следующему:

Предпринятое диссертантом историографическое исследование свидетельствует об отсутствии до настоящего времени всеобъемлющей и объективной работы, посвященной истории русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Исходя из этого, целесообразно подготовить фундированную и обобщающую монографию, освещающую генезис войны 1768-1774 гг., причем - с позиции современной методологии научных исследований, с учетом всего комплекса уже выявленных документальных источников, в том числе и зарубежных.

Необходимо продолжить работу по дальнейшему развитию источниковой базы научных исследований, а также по совершенствованию

научно-справочного аппарата - составление научно-справочных каталогов, создание электронных справочно-информационных баз. Особое значение имело бы комплексное источниковедческое исследование.

Эволюция современной отечественной историографии ставит вопрос о переиздании ряда научных изданий и сборников документов, но обязательно с одновременным устранением археографических недостатков и с дополнением неопубликованных ранее документальных материалов.

Полученные научные результаты могут быть закреплены за счет подготовки библиографического указателя отечественной научной и научно-популярной литературы, в которой рассматриваются и анализируются различные аспекты русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

Стоит также рассмотреть вариант издания (также и переиздания) научно-популярных книг и брошюр, рассчитанных на массового читателя.

Для дальнейшего научного изучения истории русско-турецкой войны 1768-1774 гг. следует продолжить разработку ее малоисследованных аспектов, таких как, например, планирование военных действий, обеспечение русской армии, деятельность известных военачальников и ряд других.

Историографический анализ может быть применен в отношении научных биографий исследователей войны 1768-1774 гг. – А.Н. Петрова, М.И. Богдановича, Л.Г. Бескровного и ряда других.

Научному анализу могут быть подвергнуты турецкие, французские и английские издания. Исследовательская работа в этом направлении имеет определенную значимость, как для критики подходов и оценок зарубежной историографии, так и в интересах эволюции отечественной историографии.

Список литературы

I. Опубликованные источники

Официальные материалы

1. Архив Государственного Совета: в 2-х тт. Совет в царствование Екатерины II 1768-1796. СПб.: В Типографии Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1869. Т. 1. Ч. I. XVI. 1036 с.
2. Архив Государственного Совета: в 2-х тт. Совет в царствование Екатерины II 1768-1796. СПб.: В Типографии Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1869. Т. 1. Ч. II. XLVIII. 932 с.
3. Панин П.И. Записка, каким образом предводителем второй армии генералом графом Паниным начато производиться предпринятое Российско-имперским двором и ему порученное намерение, клонящееся к поколебанию татарских орд против нынешнего их подданства (1770) // Русский архив. 1878. Кн. 3. Вып. 12. С 451-482.
4. Ибрагим-эфенди. Изображение тактики, или искусный образ войск установления. Обнародованное и напечатанное в Константинополе на турецком языке Ибрагим эфендием Муттефериком Порты Оттоманской в 1144 году Эгиры, то есть год спустя после последнего возмущения и низвержения султана Ахмета, в 1730 году приключившагося. СПб.: Печатано на иждивении книгопродавца К.В. Миллера: При Артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе типографии содержателями Х.Ф. Клееном и Б.Л. Гейке, 1777. 142 с.
5. Румянцев Петр Александрович. Документы. В 3-х тт. М.: Воениздат, 1953. Т. 1. 1756-1763. 688 с.
6. Румянцев Петр Александрович. Документы. В 3-х тт. М.: Воениздат, 1953. Т. 2. 1768-1775. 864 с.

7. Румянцев Петр Александрович. Документы. В 3-х тт. Т. 3. 1775-1769. М.: Воениздат, 1959. 656 с.
8. Собственноручный журнал капитан-командора (впоследствии адмирала) С.К. Грейга в Чесменский поход. СПб.: Морская типография, 1850. 72 с.
9. Фельдмаршал Румянцев. Сборник документов и материалов. 1725-1796. М.: Госполитиздат, 1947. 407 с.
10. Фельдмаршал Румянцев. Документы. Письма. Воспоминания. М.: Восточная литература, 2001. 311 с.

Мемуары

11. Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771-1775 гг. / Пер. с турецкого и предисловием В. Смирнова // Русская старина. 1894. Т. 81. № 3. С. 113-134; № 4. С. 179-208; № 5. С. 144-169.
12. Марсильи Л.Ф. Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком. СПб.: Типография при Императорской Академии наук, 1737. Ч. 1. 110 с.; Ч. 2. 150 с.
13. Поденная записка путешествия его сиятельства князя В.М. Долгорукова в Крымский полуостров во время кампании 1773 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1872. Т. 8. С. 182-187.

Переписка

14. Два письма графа П.А. Румянцева 1771-1772 // Русская старина. 1876. Т. 15. № 1. С. 212-213.
15. Панин П.И. Письма графа Петра Ивановича к брату его графу Никите Ивановичу / Предисл. П.И. Бартенева, заметка Д.Ф. Масловского // Русский архив. 1888. Кн. 2. Вып. 5. С. 65-93.
16. Письмо графа П.А. Румянцева-Задунайского к графу Панину по поводу переговоров с Турцией // Русский архив. 1865. С. 869-872.

17. Политическая переписка императрицы Екатерины II. В 148-ми тт. Т. 87. 1768-1769. СПб.: [Б.и], 1893. 555 с.
18. Политическая переписка императрицы Екатерины II. В 148-ми тт. Т. 97. 1769-1771. СПб.: [Б.и], 1896. 543 с.
19. Политическая переписка императрицы Екатерины II. В 148-ми тт. Т. 118. 1772-1773. СПб.: [Б.и], 1904. 538 с.
20. Принц Шарль-Жозеф де Линь. Переписка с русскими корреспондентами. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 576 с.
21. Федюнина Т.Н. Письма Екатерины II графу А.Г. Орлову как источник для изучения событий русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Серии: «Педагогические науки», «Гуманитарные науки». Воронеж, 2018. № 4 (281). С. 120-122.

Указатели

22. Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. В 5-ти тт. СПб.: Типо-Литография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1908. Т. 1: 1695-1800. 265 с.

II. Литература

Монографии и научные статьи

23. Авалов З. Присоединение Грузии к России / З. Авалов. СПб.: Типография Монтвида, 1906. 312 с.
24. Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII - первой четверти XIX в. / О.Р. Айрапетов, М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М.: Кучково поле, 2016. 510 с.

25. Александров П.А. Северная система. Опыт исследования идей и хода внешней политики России в первую половину царствования императрицы Екатерины II / П.А. Александров. М.: Типография п./ф. Ломоносов, 1914. 211 с.
26. Алексеев В.А. Барон Франсуа де Тот (Из пыли архива) / В.А. Алексеев [Оттиск]. СПб.: [Б.и.]. С. 1-68.
27. Андрущенко А.И. Пугачевское восстание и Кючук-Кайнарджийский мир / А.И. Андрущенко // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX в. М.: Б.м., 1969. С. 339-342.
28. Аренс Е. История русского флота. Екатерининский период / Е. Аренс. СПб.: Типография морского министерства, 1897. 460 с.
29. Аржакова Л.М. Диссидентский вопрос и падение Речи Посполитой (дореволюционная отечественная историография проблемы) / Л.М. Аржакова // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 1. С. 31–39.
30. Арш Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I: очерки / Г.Л. Арш. М.: Индрик, 2013. 279 с.
31. Афанасьев Д. К истории Черноморского флота с 1768 по 1816 год / Д.К. Афанасьев // *Русский архив*. 1902. № 2. С. 193-262.
32. Багдасарян В.Э., Толстой С.Г. Русская война: столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании / В.Э. Багдасарян, С.Г.Толстой. М.: Издательство МГОУ, 2002. 258 с.
33. Бажова А.П. Дипломаты екатерининской эпохи. Восточный вопрос и Кючук-Кайнарджийский мир / А.П. Бажова // *Российская дипломатия в портретах*. М.: Международные отношения, 1992. С. 79-95.
34. Бажова А.П. Война 1768-1774 годов. Кючук-Кайнарджийский мир // *История внешней политики России. XVIII в. (От Северной войны до войн России против Наполеона)* / А.П. Бажова. М.: Академический проект-парадигмы, 2018. С. 117-124.

35. Базилевич К.В. О Черноморских проливах (Из истории вопроса). Стенограмма публичной лекции, прочитанной 18-го окт. 1946 г. в Доме инженера и техника в Москве Всесоюзного лекционного бюро при Министерстве высшего образования СССР / К.В. Базилевич. М.: [Правда], 1946 (типография им. Сталина). 28 с.
36. Бантыш-Каменский Д.Н. 31-й генерал-фельдмаршал князь Николай Васильевич Репнин / Д.Н. Бантыш-Каменский // Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Репринтное воспроизведение издания 1840 года. Пушкино: Культура, 1991. Ч. 2. С.244-255.
37. Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства / С.В. Бахрушин // История в школе. 1936. № 3. С. 29-61.
38. Бахрушин С.В., Сказкин С.Д. Дипломатия Европейских государств в XVIII веке / С.В. Бахрушин, С.Д. Сказкин // История дипломатии. М.: Соцэкгиз, 1941. Т. 1. С. 251-296.
39. Безобразов П.В. О сношениях России с Францией / П.В. Безобразов. М.: Университетская типография, 1892. 465 с.
40. Белов Е. Результаты войн России с Турцией / Е. Белов // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 2. С. 185-198.
41. Белова Е.В. Деятельность П.А. Румянцева по укреплению российских позиций на Украине и в Молдавии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. / Е.В. Белова // КЛИО. 2016. № 9 (117). С. 189-195.
42. Белоусов И.И. Дипломатическая деятельность генерал-аншефа Н.В. Репнина в 1774-1776 гг. / И.И. Белоусов // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 122-131.
43. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки) / Л.Г. Бескровный. М.: Воениздат, 1958. 646 с.
44. Бильбасов В.А. Россия и Англия в XVIII в. / В.А. Бильбасов // Русская старина. 1893. Т. LXXX. Кн. 10. [Оттиск] 37 с.

45. Бобраков А. Предтеча Чесменской победы. Анализ Хиосского сражения с точки зрения командира корабля / А. Бобраков // Морской журнал. 2005. № 2. С. 15-28.
46. Богданович М.И. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции / М.И. Богданович. СПб.: Типография Э. Веймара, 1852. 294 с.
47. Богданович М.И. Русская армия в век Екатерины Великой / М.И. Богданович // Военный сборник. 1873. № 12. С. 13-200.
48. Бокк А. Воспоминания о князе В.М. Долгорукове-Крымском / А. Бокк. М.: Губернская типография, 1855. 40 с.
49. Болотина Н.Ю. Князь Потемкин. Герой эпохи Екатерины Великой / Н.Ю. Болотина. М.: Вече, 2006. 512 с.
50. Брикнер А.Г. История Екатерины Второй / А.Г. Брикнер. СПб.: А.С.Суворин, 1885. 802 с.
51. Бутурлин Д.П. Картина войн России с Турцией в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I / Д.П. Бутурлин. СПб.: Тип. Императорского воспитательного дома, 1829. Ч. 1. 171 с.; Ч. 2. 171 с.
52. Бухаров Д. Россия и Турция от возникновения политических между ними отношений до Лондонского трактата 13/25 марта 1871 г. Исторический очерк / Д. Бухаров. СПб.: Типография Ф.С. Сущинского, 1878. 238 с.
53. Венков А.В. Казаки в Первой русско-турецкой войне 1768-1774 гг. / А.В. Венков. М.: Вече, 2019. 382 с.
54. Веселаго Ф.Ф. Краткая история Русского Флота (с начала развития мореплавания до 1825 года) / Ф.Ф. Веселаго // Веселаго Ф.Ф. Краткая история Русского Флота. М-Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939. 304 с.
55. Виноградов Б.В., Пищугина Е.В. «Моздокский вопрос» в период осmano-российской войны 1768-1774 гг. / В.Н. Виноградов, Е.В.

- Пищугина // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2020. №. 2. С. 10-16.
56. Виноградов В.Н. Кючук-Кайнарджийский мир - окно на Балканы / В.Н. Виноградов // Век Екатерины II. Дела балканские. М.: Наука, 2000. С. 115-122.
57. Виноградов В.Н. Российская северная система и французский восточный барьер / В.Н. Виноградов // Век Екатерины II. Дела балканские. М.: Наука, 2000. С. 36-46.
58. Виноградов В.Н. Война 1768-1774 гг. - неизбежная, но несвоевременная / В.Н. Виноградов // Век Екатерины II. Дела балканские. М.: Наука, 2000. С. 93-114.
59. Виноградов В.Н. Кючук-Кайнарджийский мир - окно на Балканы / В.Н. Виноградов // Век Екатерины II. Дела балканские. М.: Наука, 2000. С. 115-122.
60. Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой / В.Н. Виноградов // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 131-150.
61. Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой / В.Н. Виноградов // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 124-148.
62. Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой / В.Н. Виноградов // Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 109-136.
63. Виноградов В.Н. Борьба России за выход к Черному морю в XVIII - XIX вв. / В.Н. Виноградов // Преподавание истории в школе. 2005. № 3. С. 2-6; № 4. С. 2-8.
64. Возгрин Е.В. История судьбы крымских татар / Е.В. Возгрин. М.: Мысль, 1992. 446 с.
65. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII - начало XX в. М.: Наука, 1978. 434 с.
66. Вяземский П. О политике Фридриха Великого с 1763 по 1775 год / П. Вяземский. М.: Типография Т. Рис, 1868. 96 с.

67. Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин: из истории русской дипломатии XVIII века / А.В. Гаврюшкин. М.: Международные отношения, 1989. 172 с.
68. Гейсман П.А. «Конец Польши» и Суворов. Сообщение, прочитанное 26 февр. 1900 г. на 25 обыкновенном общественном собрании членов Общества ревнителей военных знаний / П.А. Гейсман. СПб.: Экономическая типо-лит., 1900. 62 с. [Переиздание 1872 г.]
69. Гендель Г.М. Позиция Пруссии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. / Г.М. Гендель // Ученые записки Горьковского государственного университета имени Н.Н.Лобачевского. Горький: Горьковское книжное издательство, 1957. Серия историко-филологическая. Вып. 43. С. 123-137.
70. Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. / Г.М. Гендель // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Саратов: Издание Саратовский государственный университет, 1947. Выпуск исторический. Т. 17. С. 187-220.
71. Гигинейшвили О.И. Некоторые вопросы внешней политики Турции в конце XVIII в. / О.И. Гигинейшвили // Краткие сообщения института народов Азии. М.: Институт востоковедения, 1963. Т. 73. С. 112-117.
72. Глотов А.Я. Чесменской бой / А.Я. Глотов // Отечественные записки. 1820. № 6. С. 184-216.
73. Голованова О.И. «Продолжение известия действия Первой ЕЯ Императорскаго Величества армии противъ турокъ» как источник информации Русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг. в Тюменском уезде / О.И. Голованова // Румянцевские чтения - 2010. М.: Пашков дом, 2010. Ч. 1. С. 72-77.
74. Головачев В.Ф. Чесменское сражение и русский флот в 1769-1770 гг. / В.Ф. Головачев // Морской сборник. 1900. № 1. С. 55-88; № 2. С. 31-68.

75. Головачев В.Ф. Чесма: Экспедиция русского флота в Архипелаг и Чесменское сражение / В.Ф. Головачев. М.-Л.: Военно-морское издательство, 1944. 61 с.
76. Головачев В.Ф. История Севастополя как русского порта: от основания до Крымской войны / В.Ф. Головачев. М.: URSS, Ленанд, 2015. – 264 с. [Переиздание 1872 г.]
77. Головизнин К. Русский флот на Черном море / К. Головизнин // Морской сборник. 1885. № 10. С. 63-94.
78. Гребенщикова Г.А. Проблема Босфорских экспедиций второй половины XVIII – первой половины XIX века / Г.А. Гребенщикова // Новый часовой. 2006. № 17-18. С. 43-59.
79. Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II / Г.А. Гребенщикова. СПб.: Наука., 2007. 719 с.
80. Гребенщикова Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II / Г.А. Гребенщикова. СПб.: ИЦ «Остров», 2012. Т. 1. 511 с.
81. Гребенщикова Г.А. Чесменская победа. Триумф России в Средиземном море / Г.А. Гребенщикова. СПб.: ИЦ «Остров», 2015. 496 с.
82. Гребенщикова Г.А. Россия и Турция: двенадцать невыученных уроков / Г.А. Гребенщикова. СПб.: ИЦ «Остров», 2016. 447 с.
83. Гребенщикова Г.А. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и средиземноморская политика Екатерины II в донесениях российских дипломатов / Г.А. Гребенщикова // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 5-26.
84. Гребенщикова Г.А. Российский флот и дипломатия Екатерины II / Г.А. Гребенщикова. СПб.: ИЦ «Остров», 2019. Т. 1. 512 с.; 2020. Т. 2. 768 с.
85. Гребенщикова Г.А. Чесменская победа. Триумф России в Средиземном море. Флот, война, политика / Г. Гребенщикова. СПб.: ИЦ «Остров», 2020. 430 с.
86. Гросул Г.С. Дунайские княжества в политике России. 1774-1806 / Г.С. Гросул. Кишинев: Штиинца, 1975. 221 с.

87. Грот Я.К. Екатерина II и Густав III / Я.К. Грот. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1877. 115 с.
88. Гусейнов Ю.М. Крымский регион в русско-турецкой войне 1768-1774 гг.: некоторые аспекты внешней политики / Ю.М. Гусейнов // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2014. Т. 6. № 6 (Ч. 2). С. 68-70.
89. Дайри Н. Крушение Польского государства в XVIII веке / Н. Дайри // Исторический журнал. 1939. № 10. С. 16-25.
90. Данчич М. Война России с Турцией, в продолжение четырех с половиною веков: Исторические очерки / М. Данчич. Полтава: Типография Н. Пигуренко, 1882. 115 с.
91. Джахиева Э.Г. Договоры России с Турцией, Ираном и правителями Кавказа. 1774-1813 гг. / Э.Г. Джахиева. Махачкала: Издатсервис, 2006. 196 с.
92. Джахиева Э.Г. Кумыкские феодальные образования в кавказской политике в период российско-османской конфронтации 1768-1774 гг. / Э.Г.Джахиева // Третьи Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича [12 апреля 2016 г., Махачкала]. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2016. Ч. 1. С. 219-225.
93. Дмитриев С.С. Чесменская победа / С.С.Дмитриев. М.: ОГИЗ, 1945. 45 с.
94. Добров Л. Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове / Л. Добров. СПб.: Типография Н.А. Лебедева, 1879. 643 с.
95. Достян И.С. Значение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года в политике России на Балканах / И.С. Достян // Век Екатерины II: Россия и Балканы. М.: Наука, 1998. С. 9-24.
96. Дранов Б.А. Черноморские проливы (Международно-правовой режим) / Б.А. Дранов. М.: Юридическое издательство, 1948. 240 с.

97. Дружинина Е.И. Русский дипломат А.М. Обресков (XVIII в.) / Е.И. Дружинин // Исторические записки. М.: Наука, 1952. Т. 40. С. 267-278.
98. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение) / Е.И. Дружинин. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 386 с.
99. Дружинина Е.И. 200-летия Кючук-Кайнарджийского / Е.И. Дружинин. София: Б.м., 1975. 14 с.
100. Дружинина Е.И. 200-летие Кючук-Кайнарджийского мира / Е.И. Дружинина // Вопросы истории Дагестана. Досоветский период. Махачкала: Издательство Академии наук СССР, 1975. Т. 2. С. 54-66.
101. Дубровин Н.Ф. Войны России с Турцией. Краткий военно-политический очерк / Н.Ф. Дубровин // Военный сборник. 1877. № 1, отд. 1. С. 5-38; № 2, отд. 1. С. 211-259; № 3, отд. 1. С. 5-29; № 5, отд. 1. С. 44-86; № 6, отд. 1. С. 231-271.
102. Дуров В. «Оные того яко наидостойнейшие». (Российские награды периода русско-турецкой войны 1768-1774 годов) / В. Дуров // Советский музей. 1992. № 5. С. 56-62.
103. Елисеева О.И. Григорий Потемкин / О.И. Елисеева. М.: Молодая гвардия, 2005. 665 с.
104. Ефанов Л.А. Трудный выбор империи: [Крым после русско-турецкой войны 1768-1774 гг. и до марта 1779 г.]: Исторический роман / Л.А. Ефанов. М.: Центрополиграф, 2002. 524 с.
105. Ефимов А.М. Пензенцы в Русско-турецкой войне 1768-1774 гг. / А.М. Ефимов // Вестник военно-исторических исследований. Пенза: Пензенский государственный университет, 2019. Вып. 10. С. 15-49.
106. Желтобородов А.Н. Участие Слободских гусарских полков в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. / А.Н. Желтобородов // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. 2006. Т 7. С. 154-169.

107. Жигарев С.А. Русская политика в восточном вопросе. (Ее история в 16-19 веках, критическая оценка и будущие задачи): Историко-юридические очерки / С.А. Жигарев. М.: Университетская типография, 1896. Т. 1. 465 с.
108. Замостьянов А. Фельдмаршал Румянцев / А.Замостьянов. М.: Молодая гвардия, 2015. 352 с.
109. Зеленина Л.В., Шеремет В.И. Черное море: «русские берега у турецкого озера?» // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия / Л.В. Зеленина, В.И. Шеремет. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2000. С. 99-108.
110. Иваницкий С.Ф. Польша во второй половине XVIII века и возникновение Барской конфедерации / С.Ф.Иваницкий // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. 1939. Т.22. С. 103-187.
111. Иваницкий С.Ф. Первый период Барской конфедерации / С.Ф.Иваницкий // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. 1941. Т. 45. С. 225-259.
112. Игнатьев Н. Взгляд на постепенные изменения в образе действий русских войск против турок / Н.Игнатьев. СПб.: Типография Э. Веймара, 1872. 18 с.
113. Каллистов Н.Д. Первая Турецкая война: Архипелагская экспедиция / Н.Д. Каллистатов // История русской армии. М.: Книго-издательское Товарищество «Образование», 1912. Т. 8. С. 54-83.
114. Каменев Ю.А. К истории реформ в османской армии в XVIII в. / Ю.А. Каменев // Тюркологический сборник. 1978. М., 1984. С.140-150.
115. Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация / А.Б. Каменский. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 326 с.
116. Кареев Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе / Н.И. Кареев. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1888. 407 с.

117. Кареев Н.И. О внешней политике Екатерины II / Н.И. Кареев // Вопросы Европы. 1897. № 1. С. 427-435.
118. Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. От Нарвы до Парижа. 1700-1814 гг. / А.А. Керсновский. М.: Голос, 1992. 302 с.
119. Кидирниязов Д.С. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и Северный Кавказ / Д.С. Кидирниязов // Конституционное и государственное строительство на Юге России: история и современность: 2-е Кадыровские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Референдума 23 марта 2003 года и принятия Конституции Чеченской Республики, г. Грозный, 20 марта 2013 г. Грозный: Грозненский рабочий, 2014. С. 355-364.
120. Кидирниязов Д.С., Алиева У.М. Народы Северокавказского региона в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. / Д.С. Кидирниязов, У.М. Алиева // Вопросы истории Дагестана. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. Вып. 3. С. 61-73.
121. Кикодзе Г.Д. Ираклий Второй / Г.Д. Кикодзе. Тбилиси: Заря Востока, 1945. 79 с.
122. Кипнис Б.Г. Развитие тактики русской армии в Русско-турецкой войне 1768-1774 гг. / Б.Г. Кипнис // Россия в XVIII веке, войны и внешняя политика, внутренняя политика, экономика, культура. СПб., 1996. С. 120-135.
123. Кирьякова Е.П. Дипломатическая деятельность П. А.Румянцева в период русско-турецкой войны 1768-1774 годов / Е.П. Кирьякова // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Тирасполь: Упрполиграфиздат ПМР, 1997. № 1. С. 27-29.
124. Клокман Ю.Р. Фельдмаршал П.А. Румянецев в период Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. / Ю.Р.Клокман // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. М., 1949. № 5. С. 466-468.

125. Клокман Ю.Р. Фельдмаршал П.А. Румянцев в период Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. / Ю.Р.Клокман М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 204 с.
126. Клокман Ю.Р. Борьба России с Турцией за Северное Причерноморье и Крым во второй половине XVIII в. / Ю.Р.Клокман // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М.: Наука, 1968. С. 130-178.
127. Кожевников Ф.И. Русское государство и международное право. (До XX в.) / Ф.И. Кожевников. М.: Юридическое издательство, типография им. Евгении Соколовой, 1947. 336 с.
128. Кожолянюк Г.К. Русско-турецкая война 1768 - 1774 гг. и ликвидация турецкого господства в северной части Буковины / Г.К. Кожолянюк // Русин. Международный исторический журнал. Кишинев, 2014. №. 1 (35). С. 82-90.
129. Коробков Н. Фельдмаршал П.А. Румянцев-Задунайский / Н. Коробков. М.: Госполитиздат, 1944. 62 с.
130. Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой / Н.И. Костомаров. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1886. Т. 1. 561 с.; Т. 2. 712 с.
131. Котенко И.А. Из истории освободительного движения в Молдавии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. / И.А. Котенко // Ученые записки Тираспольского государственного института. Тирасполь, 1957. Вып. 3. С. 23-42.
132. Котенко И.А. Молдавский вопрос в период русско-турецкой войны 1768-1774 годов и русская дипломатия / И.А. Котенко // Ученые записки Бельцкого педагогического института. 1958. Вып. 3. С. 3-24.
133. Котенко И.А. Из истории участия молдавских отрядов в русско-турецкой войне 1768-1774 годов / И.А. Котенко // Вековая дружба. Материалы научной сессии Института истории Молдавского филиала Академии наук СССР, состоявшейся 27-29 ноября 1958 г. Кишинев: Штиинца, 1961. С. 240-244.

134. Красницкий А.И. Русский чудо-вождь, граф Суворов-Рымникский, князь Итальянский, его жизнь и подвиги. СПб.: А.Ф. Девриен, 1900. 373 с.
135. Криницын Ф.С. Чесменское сражение / Ф.С. Криницын. М.: Воениздат, 1962. 64 с.
136. Кротков А.С. Бомбардирский корабль «Гром» / А.С.Кротков. СПб.: Типография Морского ведомства, 1905. 127 с. [Оттиск: Морской сборник. 1905. № 9-12].
137. Крючков Ю.С. Самуил Карлович Грейг. 1735-1788 / Ю.С. Крючков. Николаев: Наваль, 2008. 302 с.
138. Кудринский Ф.А. Императрица Екатерина II и разделы Польши // Кудринский Ф.А. Императрица Екатерина II: Сборник исторических статей/Ф.А. Кудринский. Вильна: типография А.Г. Сыркина, 1904. 471 с.
139. Кудрявцев Н.А. Государево око. Тайная дипломатия и разведка на службе России / Н.А. Кудрявцев. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-пресс, 2002. 639 с.
140. Лебедев А.А. У истоков Черноморского флота России. Азовская флотилия Екатерины II в борьбе за Крым и в создании Черноморского флота (1768-1783 гг.) / А.А. Лебедев СПб.: ИПК Гангут, 2011. 832 с.
141. Лебедев А.А. Малоизвестная страница известной войны: (деятельность Азовской флотилии в русско-турецкой войне 1768 - 1774 гг.) / А.А. Лебедев // Чтения по военной истории: [по материалам Второй международной конференции, апрель 2005 г.]: сборник статей. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 159-167.
142. Лебедев А.А. Рождение русского флота на Черном море: Создание и корабельный состав Азовской флотилии в русско-турецкой войне 1768 - 1774 гг. / А.А. Лебедев // Новый часовой. СПб., 2006. № 17-18. С. 7-26.
143. Лебедев А.А. Финальный аккорд Русско-турецкой войны 1768 - 1774 годов/ А.А. Лебедев // Гангут. СПб., 2008. Вып. 47. С. 13-32.
144. Лебедев А.А. Стратегический и тактический обзор деятельности русского флота в Русско-турецкой войне 1768 - 1774 годов / А.А.

- Лебедев // Гангут. СПб., 2008. Вып. 49. С. 16-30; Вып. 50. С. 40-70; Вып. 51. С. 32-58; Вып. 52. С. 20-47; Вып. 53. С. 21-54.
145. Лебедев П. Графы Никита и Петр Панины / П.Лебедев. СПб.: Д.Е.Корчажников, 1865. 375 с.
146. Лефорт А.А. История царствования государыни императрицы Екатерины II. Ч. 3: Кн. 5: Первая Турецкая война. 1768-1774 / А.А. Лефорт. М.: В Типографии С. Селивановского, 1837. 101 с.
147. Лубченков Ю. Фельдмаршал службы Российской / Ю. Лубченков. М.: Молодая гвардия, 1988. 112 с.
148. Малафеева С.Л. Свидетель русской славы. (Петровский путевой дворец в Москве - памятник победы в русско-турецкой войне 1768 - 1774 гг.) / С.Л. Малафеев // Москва-Крым. 2001. № 3. С. 301-311.
149. Масловский Д.Ф. Ларго-Кагульская операция графа П.А.Румянцева / Д.Ф. Масловский // Военный сборник. 1893. № 8-9.
150. Мальгин А.В., Кротов А.И. Война после войны: Забытый эпизод русско-турецкой кампании 1768 - 1774 годов / А.В. Мальгин // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2009. № 24. С. 78-105.
151. Мальгин А.В. «Покоренье Крыма», 1768-1774 / А.В. Мальгин. Симферополь: СОНАТ, 2016. 175 с.
152. Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с народами Кавказа, Поволжья и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII вв.) / Б.К. Мальбахов, К.Ф. Дзамихов. Нальчик: Эльбрус, 1996. 349 с.
153. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. / О.П. Марков. М.: Наука, 1966. 323 с.
154. Мартенс Ф.Ф. Россия и Пруссия при Екатерине II / Ф.Ф. Мартенс // Вестник Европы. 1882. № 5-6. С. 226-268.
155. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Ф.Ф. Мартенс. СПб.: Типография министерства путей сообщения, 1892. Т. 9. 441 с.

156. Махмудова К.З. Русско-турецкая война 1768 - 1774 гг. и народы северо-восточного Кавказа / К.З. Махмудова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №. 1 (27). Ч. 1. С. 128-131.
157. Мачанов А.Е. Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством / А.Е. Мачанов. Симферополь: Крымское государственное издательство, 1929. 67 с.
158. Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке: Черты структурного кризиса / М.С. Мейер. М.: Наука-Главная редакция восточной литературы, 1991. 263 с.
159. Метелева О.А. Отражение событий русско-турецкой войны 1768 - 1774 годов в творчестве В.И. Майкова и Г.Р. Державина / О.А. Метелева // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Международной научной конференции, Казань, 29 ноября - 1 декабря 2018 г. Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2018. С. 147-156.
160. Мещеряков Г.П. Русско-турецкие войны 17-19 вв. / Г.П. Мещеряков // Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е.М. Жукова. М.: Советская энциклопедия, 1969. Т. 12. Стб. 376-379.
161. Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар / А.Ф. Миллер. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. 508 с.
162. Миловский Н. М. Современные российские исследования о последствиях Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 1-2 (январь). С. 21-25.
163. Миловский Н. М. О недостаточно исследованных предпосылках и причинах русско-турецкой войны 1768-1774 гг. в отечественной историографии // Вестник Московского государственного областного

- университета. Серия: История и политические науки. - 2022. - № 1. С. 80-91.
164. Миловский Н. М. Трактовка причин русско-турецкой войны 1768-1774 гг. в российской историографии // Преподавание истории в школе. 2022. - № 2. С. 81-83.
165. Миловский Н. М. «Северная система» как вектор внешней политики России в 1764–1774 гг. в трудах отечественных исследователей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 104–112.
166. Митрофанов П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги (1780-1790 гг.) / П.Митрофанов. СПб.: типография И.Н. Скороходова, 1907. 784 с.
167. Мишенкова М.В., Щедрова И.В. И.А. Корф / М.В. Мишенкова, И.В. Щедрова // Во главе первенствующего ученого сословия России. СПб.: Наука, 2000.
168. Мухаметзянова Э.В., Вязевцева Н.О. Полководческое искусство А.В. Суворова в русско-турецких войнах 1768 - 1774 гг. / Э.В. Мухаметзянова, Н.О. Вязевцева // Интеграция наук. 2017. № 6 (10). С. 206-209.
169. Нагоев И.Б. Последствия Кючук-Кайнарджийского мирного договора для политического положения Кабарды / И.Б. Нагоев // Кавказ в истории России: дискуссионные проблемы: материалы круглого стола. М.: Государственный центральный музей современной истории России, 2014. С. 59-86.
170. Надинский П. Суворов в Крыму: Исторический очерк / П. Надинский. Симферополь: Издательство и типография Крымиздата, 1947. 80 с.
171. Новиков Н.В. Первая русско-турецкая война / Н.В. Новиков // История русской армии. М.: Книгоиздательское товарищество «Образование», 1912. Т. 8. С. 45-53.

172. Новичев А.Д. История Турции. Т. I. Эпоха феодализма (XI-XVIII вв.) / А.Д. Новичев. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1963. 320 с.
173. Новичев А.Д. Турецкий источник о внутреннем положении Османской империи и причинах ее поражения в войне с Россией в 1768-1774 гг. / А.Д. Новичев // Вестник Ленинградского университета. 1975. История. № 8. С. 80-88.
174. Носов Б.В. Польский вопрос в отношениях Петербурга с державами «фамильного пакта» и Турцией в 1764-1766 гг. / Б.В. Носов // Славянские народы: Общность истории и культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. С. 100-140.
175. Носов Б.В. Представления о Польше в правящих кругах России в 60-е годы XVIII века, накануне первого раздела Речи Посполитой / Б.В. Носов // Поляки и русские в глазах друг друга. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. С. 72-82.
176. Овчинников В.Д. Борьба за Крым. XVIII век. Историко-документальное исследование / В.Д. Овчинников. М.: Русский мир, 2015. 319 с.
177. Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция (проблема формирования границ) / С.Ф. Орешкова, Н.Ю. Ульченко. М.: Академия гуманитарных исследований, 1999. 256 с.
178. Орешкова С.Ф. Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. / С.Ф. Орешкова // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 121-127.
179. От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 439 с.
180. Павленко Н.И. Екатерина Великая. - Изд. 3-е, перераб. и доп. / Н.И. Павленко. М.: Проспект, 2017. 509 с.
181. Петелин В. Фельдмаршал Румянцев. Документальное повествование / В. Петелин. М.: Воениздат, 1989. 464 с.

182. Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769-1774 гг. / А.Н. Петров. СПб.: В тип. Эдуарда Веймара, 1866. Т. 1. (Год 1769). 332 с.; СПб.: В тип. Эдуарда Веймара, 1866. Т. 2. (Год 1770). 485 с.; СПб., В тип. Эдуарда Веймара, 1874. Т. 3. (Год 1771). 322 с.; СПб.: В тип. Эдуарда Веймара, 1874. Т. 4. (1772-1773 гг.). 234 с.; СПб.: В тип. Эдуарда Веймара, 1874. Т. 5. (Год 1774) 210 с.
183. Петров А.Н. Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства / А.Н. Петров. СПб.: Военная типография, 1893-1894. Т. 1. 380 с.; Т. 2. 369 с.
184. Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель: исторические очерки / Ю.А. Петросян. М.: Наука, 1990. 278 с.
185. Пищугина Е.В. Политика Российского правительства в Кабарде в ходе османо-русской войны 1768-1774 гг. / Е.В. Пищугина // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 80-89.
186. Познахирев В.В. Турецкие военнопленные в Белгородской губернии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. / В.В. Познахирев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, Политология, Экономика, Информатика. Белгород, 2013. Выпуск 26. №. 8 (151). С. 89-93.
187. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен / М.Н. Покровский. М.: Мир, 1911. Т. 1. Кн. 1. 148 с.; Кн. 2. 110 с.; Т. 2. Кн. 3. 160 с. Кн. 4. 45 с.
188. Поликарпов Н. Справка о деле при Ялте 13 июля 1774 г. / Н. Поликарпов // Сборник Русского военно-исторического общества. 1910. Кн. 1. [Оттиск] 6 с.
189. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях / В.А. Потто. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1887. Т. 1: От древнейших времён до Ермолова. 738 с.

190. Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII-XIX веков: исторические очерки / Ю.Д. Пряхин. СПб.: Алетейя, 2008. 269 с.
191. Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война 1768-1774 г. / И.Ю. Родзинская // Труды Московского государственного историко-архивного института. Статьи аспирантов по вопросам истории СССР, источниковедения, архивоведения и документоведения. М., 1967. Т. 23. С. 159-190.
192. Россия в коалиционных войнах. XVIII в. СПб.: Издательство Дмитрия Буланина, 2019. 384 с.
193. Россия и черноморские проливы (XVIII-XX столетия). М.: Международные отношения, 1999. 556 с.
194. Рукавишников Е.Н. Внешняя политика и пребывание российского военного флота в Средиземном море. 1770–1774 гг. / Е.Н. Рукавишников // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 122-134.
195. Русский флот в Дарданеллах в 1770 г. СПб. [Б.и.], 1828. 112 с.
196. Сакович П.М. Действия Суворова в Турции в 1773 году / П.М. Сакович. СПб.: Тип. К.Крайя, 1853. 98 с.
197. Санин Г.А. Проблема Проливов в годы русско-турецкой войны (1768-1774 гг.) / Г.А. Санин // Россия и черноморские проливы (XVIII-XX столетия). - М.: Международные отношения, 1999. С. 49-70.
198. Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. Запорожские и черноморские казаки в Хаджи-бее и Одессе (1770-1820-е годы) / И.В. Сапожников, Г.В. Сапожникова. Одесса, 1998. 272 с.
199. Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле, промышленности с половины XVII века до 1858 г. / А. Семенов. СПб.: тип. 2-го отделения Собственной ее императорского величества канцелярии, 1859. Ч. 2. 376 с.
200. Семенова И.В. Участие молдавского народа в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. / И.В. Семенова // Ученые записки Института истории языка и литературы. 1957. Т. 6. С. 67-98.

201. Семенова И.В. Участие болгар в русско-турецких войнах XVIII в. / И.В. Семенова // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1970. С. 319-351.
202. Семенова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV-начало XIX в.: очерки внешнеполитической истории / Л.Е. Семенова. М.: Индрик, 2006. 400 с.
203. Сеница В.И. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и восточный вопрос / В.И. Сеница // Проблемы новой и новейшей истории. Минск: Б.м., 1977. С. 3-12.
204. Смилянская Е.Б. Освоение Средиземноморья во время Русско-турецкой войны 1768-1774 гг.: реалии и символы / Е.Б.Смилянская // Историческая география: пространство человека VS человек в пространстве: материалы XXIII Международной научной конференции, Москва, 27-29 января 2011 г. М.: РГГУ, 2011. С. 136-146.
205. Смилянская, Е.Б. Греческие острова Екатерины II: опыты имперской политики России в Средиземноморье / Е.Б.Смилянская. М.: Индрик, 2015. 419 с.
206. Смилянская И.М. «Приготовления» к русско-турецкой войне 1768 - 1774 гг.: российские эмиссары в Греции и на Балканах / Е.Б.Смилянская // Восточный архив. М., 2009. №. 2 (20). С. 40-50.
207. Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / И.М. Смилянская, М.Б. Велижев, Е.Б. Смилянская. М.: Индрик, 2011. 838 с.
208. Смирнов А.А. Первая попытка создания линейного флота на Черном море 1768-1771 гг. / А.А. Смирнов // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1988. № 6. С. 56-63.
209. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии / В.Д. Смирнов. Одесса: Тип. А.Шульце, 1889. 252 с. (Переизд.: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством

- Оттоманской Порты в XVIII столетии до присоединения его к России. Т. 1: До начала XVIII века; Т. 2: В XVIII веке до присоединения его к России. М.: Рубежи XXI, 2005. Т. 1. 540 с.; Т. 2. 313 с.)
210. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках / Н.А. Смирнов. М.: Соцэкгиз, 1958. 244 с.
211. Соколов А.П. Архипелагские кампании 1769–1774 гг. / А.П. Соколов // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1849. Ч. 7. С. 230-401.
212. Соловьев С.М. История падения Польши / С.М.Соловьев. М.: тип. Грачева и К°, 1863. 370 с.
213. Стегний П. (Перминов П.) Посол III класса. Повествование о российском дипломате А.М. Обрескове / П. Стегний. М.: Наука, 1992. 296 с.
214. Стегний П. Хроники времен Екатерины II: 1729-1796 гг. / П. Стегний М.: ОЛМА-Пресс, 2001. 509 с.
215. Стегний П.В. Первый раздел Польши и российская дипломатия / П. Стегний // Новая и новейшая история. 2001. № 1 С. 152-174; № 2. С. 152-174.
216. Стегний П. Время сметь, или Сущая служительница Фива: Хроники времен Екатерины Великой / П. Стегний. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 445 с.
217. Стегний П. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795 / П. Стегний. М.: Международные отношения, 2002. 692 с.
218. Стегний П. Посол III класса. Хроники «времен Очаковских и покоренья Крыма» / П. Стегний. М.: Феория, 2009. 384 с.
219. Стрельцов А. Был... К 235-летию Чесменского сражения / А. Стрельцов // Морской журнал. 2005. № 2.
220. Тарле Е.В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Стенограмма лекции, читанной 7 мая 1945 г.: [На правах рукописи] / Е.В. Тарле. М.: [б. и.], 1945. Ч. 1. 43 с.; Ч. 2. 56 с.

221. Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769-1774. / Е.В. Тарле. М.: Издательство АН СССР, 1945. 110 с.
222. Теплов В.А. Русские представители в Царьграде / В.А. Теплов. СПб.: типография А.С. Суворина, 1891. 71 с.
223. Ткач В.И. Организация центральных органов русско-молдавской администрации в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. / В.И. Ткач // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев: Штиинца, 1988. С. 127-134.
224. Третьякова И.А. Поэтические аспекты в освещении русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг. в контексте современной музейной концепции (на примере Центрального военно-морского музея г. Санкт - Петербурга) / И.А. Третьякова // А.С. Пушкин и Россия; язык-литература-культура-методика. Секция 4: Современная культурология и межкультурная коммуникация. М.: Издательство Государственного института русского языка А.С.Пушкина, 2006. С. 38-50.
225. Туполев Б.М. Фридрих II, Россия и первый раздел Польши / Б.М. Туполев // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 168-195.
226. Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке / В.А. Ульяницкий. М.: тип. А. Гатцука, 1883. 484 с.
227. Ульяницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII веке / В.А. Ульяницкий. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. 1551 с.
228. Уманец Ф. Понятовский и Репнин / Ф.Уманец // Древняя и новая Россия. 1875. № 7. С. 200-216; № 8. С. 296-312.
229. Федюнина Т.Н. Письма Екатерины II графу А. Г. Орлову как источник для изучения событий русско-турецкой войны 1768-1774 гг. / Т.Н. Федюнина // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Серии: «Педагогические науки», «Гуманитарные науки». Воронеж, 2018. № 4 (281). С. 120-122.
230. Федюнина Т.Н. Дипломатическая и военная деятельность А.Г. Орлова в 1768-1774 гг. / Т.Н. Федюнина // Научные труды преподавателей и

- студентов исторического факультета. Воронеж: ВГПУ, 2010. Вып. 5. С. 52-58.
231. Феофилактов Т.М. Кубанский вопрос в русско-турецких отношениях в 1768-1774 гг. / Т.М. Феофилактов // Вопросы истории и филологии. Ростов-на-Дону, 1974. С. 69-74.
232. Филас В.Н. «Гибель турецкого флота» Я.Ф. Хаккерта как исторический источник / В.Н. Филас // Материалы Научной конференции МГУ «Ломоносовские чтения» 2011 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2011». Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2011. С. 102-104.
233. Филас В.Н. Подготовка к Чесменскому бою: воспоминания русских офицеров в интерпретации художника Я.Ф. Хаккерта / В.Н. Филас // Тезисы докладов Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2012». Севастополь, 2012. С. 103-104.
234. Фирсов Н.Н. Правительство и общество в их отношениях к внешней политике России в царствование императрицы Екатерины II: Очерки из истории торговой политики / Н.Н. Фирсов. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1902. 371 с.
235. Халаева К.Э. Политика России на Северном Кавказе в годы русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг. / К.Э.Халаева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар, 2015. №. 10. Ч. 1. С. 37-39.
236. Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар / Ф.Хартахай // Вестник Европы. СПб., 1866. Июнь. С. 182-236; 1867. Кн. 6. С. 182-236.
237. Цыбаков Д.Л. Участие Орловского пехотного полка в русско-турецкой войне 1768 - 1774 гг.: от начала военных действий до штурма крепости Бендеры / Д.Л. Цыбаков // Вестник государственного и муниципального управления. 2019. Т. 8. № 3 (33). С. 61-70.

238. Цюрюмов А.В. Участие калмыков в русско-турецкой войне 1768-1774 годов. / А.В. Цюрюмов // Вестник Калмыцкого университета. 2000. № 1. С. 22-29.
239. Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. // Н.Д. Чечулин // Новая и новейшая история. М., 1996. № 1. С. 50-76.
240. Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762-1764. / Н.Д. Чечулин. СПб., 1896. – 488 с.
241. Чечулин Н.Д. Политика России в Польше перед первым разделом. - Изд. 2-е. / Н.Д. Чечулин. М.: URSS, 2016 – 101 с.
242. Шабловский А.Г. Тактика русской полевой артиллерии в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. / А.Г. Шабловский // Сборник докладов военно-исторической секции. Л., 1960. № 3. С. 116-136.
243. Шапавалов С.Н. Крепость Тамань в период русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг.: между Россией и Турцией / С.Н. Шапавалов // Турция и славянский мир: вопросы международных отношений и историко-культурных связей: материалы Международной научно-практической конференции (28 октября 2016 г.). Краснодар: Традиция, 2016. С. 52-60.
244. Шапавалов С.Н. Земли Тамани в стратегических планах Российской империи и Османской Порты во время войны 1768–1774 гг. / С.Н. Шапавалов // Общество: философия, история, культура. Научный журнал. Краснодар, 2017. №. 7. С. 79-83.
245. Шеремет В.И. Империя в огне: сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке / В.И. Шеремет. – М.: АВИАР, 1994. 540 с.
246. Шеремет В.И. Война и бизнес: Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время / В.И. Шеремет. М.: Технологическая школа бизнеса, 1996. 712 с.
247. Шеремет В.И. Генерал-аншеф А.Г. Орлов: «На кону стоял весь европейский политик России» / В.И. Шеремет // Военно-исторический журнал. М., 1996. № 5. С. 50-60.

248. Шеремет В. Война 1768-1774 гг. в исторических судьбах Османской империи / В.И. Шеремет // Век Екатерины II. Дела балканские. М.: Наука, 2000. С. 123-133.
249. Шеремет В.И. Русское присутствие в Средиземном море. Геополитические маневры и военные действия периода Русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг. / В.И. Шеремет // Геомилитаризм. Геополитика. Безопасность. М.-Жуковский: Кучково поле. 2003. № 8. С. 289-298.
250. Широкоград А.Б. Русско-турецкие войны. 1676-1918. / А.Б. Широкоград. М.: АСТ, 2000. 750 с.
251. Шишов А.В. «Балканский узел» в судьбе России: связь времен. / А.В. Шишов. М.: Вече, Ассоциация Витязей, 2011. – 412 с.
252. Юсупов Р.Р. Внешнеполитические планы польского господствующего класса в годы русско-турецкой войны 1768-1774 гг. / Р.Р. Юсупов // Проблемы новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М.: МГУ, 1978. С. 200-215.
253. Юсупов Р.Р. Польский вопрос в политике России накануне русско-турецкой войны 1768-1774 гг. / Р.Р. Юсупов // Вестник МГУ. М., 1980. Сер. 9: История. № 3. С. 35-45.
254. Якубова И.И. Политика России на Центральном Кавказе в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. / И.И. Якубова // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе: Северо-Осетинский государственный университет, 1989. С. 27-43.
255. Якушев М.М. «Разгромленная Турция лежала у ног русской монархии...»: Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года / М.М. Якушев // Военно-исторический журнал. 2021. № 8 (736) / Август. С. 42-49.

Диссертации и авторефераты

256. Апанович Е.М. Запорожское войско, его устройство и боевые действия в составе русской армии во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. / Е.М. Апанович. Киев: ЦГИА УССР, 1949. 21 с.
257. Виану С. Россия и румынские княжества в конце XVIII: автореф. дисс. ... к.и.н. / С. Виану. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1953. 16 с.
258. Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II: проблемы развития и роль в системе самодержавной монархии: дисс. ... д.и.н. / Г.А. Гребенщикова. М., 2008. 783 с.
259. Девтеров А.А. Греческий вопрос в политике Российской империи во второй половине XVIII-первой трети XIX вв.: дисс. ... к.и.н. / А.А. Девтеров. Майкоп, 2003. 177 с.
260. Дейников Р.Т. Россия, Турция и Крымское ханство: геополитическая ситуация в Северном Причерноморье в период с 30-х гг. XVIII в. по 1783 г.: дисс. ... к.и.н. / Р.Т. Дейников. М.: МГОУ, 2013. 322 с.
261. Джахиева, Э.Г. Северо-Восточный Кавказ в международных отношениях: историко-правовые аспекты договоров, заключенных Россией с Турцией и Ираном. 1774-1826 гг.: дисс. ... д.и.н. / Э.Г. Джахиева. Махачкала, 2007. 453 с.
262. Касумов Р.М. Дагестан в политике противоборствующих держав на Кавказе от Петербургского договора до Гюлистанского трактата: 1723-1813: дисс. ... д.и.н. / Р.М. Касумов. М., 2013. 389 с.
263. Касумов Х.А. Северо-Западный Кавказ (черкесский вопрос) в русско-турецких отношениях 1774-1829 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. / Х.А. Касумов. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 1998. 29 с.
264. Колесников И.Н. Особенности политических устремлений Российской Империи в Грузии: вторая половина XVIII в. - начало XIX в.: автореф. дисс. ... к.и.н. / И.Н. Колесников. Пятигорск: ПГГТУ, 2011. 25 с.

265. Крючков А.В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство: последняя треть XVIII - начало XIX вв.: дисс. ... к.и.н. / А.В. Крючков. Саратов, 2006. 218 с.
266. Лобко С.И. Н.В. Репнин - государственный деятель России второй половины XVIII века: дисс. к.и.н. / С.И. Лобко. М.: МГУ, 2010. 371 с.
267. Лылова М.Е. Внешнеполитическая деятельность императрицы Екатерины Второй Великой: 1762-1796 гг.: дисс. ... д.и.н. / М.Е. Лылова. М., 2011. 502 с.
268. Мачарадзе В.Г. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и Грузия: автореф. дисс. ... к.и.н. / В.Г. Мачарадзе. Тбилиси: Тбилисский государственный университет, 1953. 28 с.
269. Меркулов И.В. Российский морской офицерский корпус в царствование Екатерины II: социальные аспекты комплектования командного состава флота: автореф. дисс. ... к.и.н. / И.В. Меркулов. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2005. 23 с.
270. Поляков В.Л. Русский флот в первой турецкой войне 1768-1774 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. / В.Л. Поляков. Л.: Ленинградский государственный педагогический институт, 1955. 16 с.
271. Сеница В.И. Балканский вопрос в политике России (1768-1774 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. / В.И. Сеница. Минск: [б. и.], 1974. 28 с.
272. Сотавов Н.П.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII века (от Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира: 1700-1774 г.): автореф. дисс. ... д.и.н. / Н.П.А. Сотавов. М.: Институт востоковедения РАН, 1989. 40 с.
273. Тартарашвили В.Г. Дипломатическая борьба между Россией и Турцией вокруг Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774-1779 годах: автореф. дисс. ... к.и.н. / В.Г. Тартарашвили. Тбилиси: Тбилисский государственный университет, 1970. 18 с.

274. Тиктопуло Я.Ф. Русско-турецкие войны 1768-1774, 1787-1791 гг. и судьбы греков. Греческий проект Екатерины II: автореф. дисс. ... к.и.н. / Я.Ф. Тиктопуло. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1991. 27 с.
275. Хайдарлы Д.И. Политические взаимоотношения между Молдавией и Крымским ханством в XVIII в.: (1718-1774): дисс. ... к.и.н. / Д.И. Хайдарлы. Кишинев: Институт истории Молдовы, 1998. 163 с.
276. Чеучева А.К. Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII - 60-х гг. XIX вв.: автореф. дисс. ... д.и.н. / А.К. Чеучева. М.: МПГУ, 2008. 45 с.
277. Якубова И.И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII - первой половине XIX века: автореф. дисс. ... д.и.н. / И.И. Якубова. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, 2004. 34 с.
278. Якушев М.М. Эволюция осmano-российских отношений и русское православное паломничество на Ближний Восток: 1774-1847 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. / М.М. Якушев. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2016. 30 с.